

Е. А. Рыбина

*Археологические
очерки истории
новгородской
торговли
X-XIV вв.*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1978

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

Рецензенты:

доктор исторических наук *Б. А. Колчин*,
кандидат исторических наук *А. Ф. Медведев*

Ответственный редактор:

член-корреспондент АН СССР **В. Л. Янин**

Е. А. Рыбина.

**Археологические очерки истории
новгородской торговли X—XIV вв. М.,
Изд-во Моск. ун-та, 1978.**

167 с. с илл..

В монографии впервые в полном объеме исследуется накопленный во время многолетних раскопок Новгорода археологический материал, характеризующий торговлю этого крупного средневекового города. Этот материал позволяет автору сделать выводы о динамике развития новгородской торговли на протяжении пяти столетий, о причинах подъема и спада импорта, о состоянии торговых путей. В работе анализируются также берестяные грамоты и археологические комплексы, связанные с торговой деятельностью новгородцев.

Р $\frac{10602-130}{077(02)-78}$ 49—78

© Издательство Московского университета, 1978 г.

*Светлой памяти
Марка Хаимовича
Алешковского
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

История развития новгородской торговли давно привлекала внимание исследователей. В последние годы важное значение в освещении этой проблемы приобретает археологический материал, ставший незаменимым источником в изучении средневекового Новгорода.

В результате многолетних раскопок в Новгороде собрана богатейшая коллекция древних предметов, среди которых определенное место занимают импортные находки. К их числу относятся прежде всего изделия, хотя и сделанные в самом Новгороде, но изготовленные из привозного сырья. Среди них имеются и уже готовые предметы и остатки самого сырья, это — самшитовые гребни и их заготовки, куски янтаря и янтарные предметы, изделия из цветного металла и отходы его производства.

Другим видом импортных находок являются готовые изделия, которые в самом Новгороде не производились, а ввозились как из других русских земель, так и из-за рубежа. К ним относятся пряслица из розового овручского шифера, различные изделия из стекла византийского, киевского и западноевропейского производства, ткани, ближневосточная и золотоордынская поливная керамика, украшения из камня. Наконец, к группе импортных предметов относятся грецкий орех и амфоры (тара для некоторых южных товаров).

Необходимо указать, что некоторые категории предметов определяются как импортные только специальными анализами их материала. Это касается в первую очередь изделий из стекла и тканей. В данном случае мы использовали для определения импортного характера указанных предметов результаты анализов этих находок, проведенных специалистами.

Подавляющее большинство каждой из категорий импорта насчитывает сотни и даже тысячи экземпляров; лишь отдельные представлены несколькими десятками образцов. Массовый характер категорий предметов импорта позволяет в настоящее время рассматривать многие стороны торговой деятельности Новгорода, которые не могли быть решены прежде из-за недостатка источников. Особенно это касается раннего периода новгородской торговли.

Наша работа ни в коей мере не претендует на всестороннее освещение торговли Новгорода в X—XIV вв. Она посвящена характеристике археологических источников по этой теме, не получивших до сих пор подробной разработки.

К таким источникам относятся и некоторые берестяные грамоты, содержащие разнообразные сведения о торговле, и торговые комплексы некоторых раскопов, также рассматриваемые в настоящем издании.

Хронологически работа ограничена X—XIV вв. Нижний рубеж определяется временем сооружения (953 г.) древнейшей из известных в настоящее время мостовой, исследованной на участке Неревского раскопа, поскольку с этим рубежом связано начало точной хронологической шкалы. Верхний рубеж исключает XV в. в связи с тем, что слои этого времени из-за их плохой сохранности не всегда исследовались в полном объеме, и поэтому состав и количество импортных предметов, обнаруженных в напластованиях XV в., не могут служить объективным критерием развития новгородской торговли в это время.

Выражаю глубокую благодарность моему учителю В. Л. Янину, проявлявшему неизменный интерес к данному исследованию. Сердечно благодарю Д. А. Авдусина, Н. А. Казакову, Б. А. Колчина, А. Ф. Медведева, Н. В. Рынди́ну, С. С. Савкевича, Г. П. Смирнову, Ю. Л. Щапову за дружескую помощь в работе и критические замечания.

ВВЕДЕНИЕ

Начавшиеся в 1932 г. и продолжающиеся до сегодняшнего дня раскопки средневекового Новгорода систематически расширяют исследовательскую базу исторической науки многочисленными новыми фактами политической, экономической и культурной жизни древнего города. Еще не одно поколение исследователей, несомненно, будет черпать из уже собранного и постоянно пополняющегося источника материалы для постановки и решения различных проблем новгородской истории. К настоящему времени сотрудниками экспедиции и другими археологами создана четкая система хронологической классификации многих массовых категорий новгородских находок из железа, цветного металла, кости, дерева, керамики, кожи, стекла¹.

Тщательно и подробно изучены хозяйственные и жилые постройки, уличные мостовые, дренажные сооружения. Благодаря работам П. И. Засурцева стал известен в деталях облик новгородских усадеб X—XIV вв.².

Применение естественнонаучных методов дало возможность исследователям изучить технологию производства предметов из различных материалов, что привело к новым важным выводам, касающимся как общей

¹ Труды Новгородской археологической экспедиции, т. I. — МИА, № 55. М., 1956; т. II — МИА, № 65. М., 1959; т. III. — МИА, № 117. М., 1963; Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. — САИ ЕИ—55. М., 1968; его же. Новгородские древности. Резное дерево. — САИ ЕИ—55. М., 1971; Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII—XIV вв. САИ ЕИ—36. М., 1966.

² Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. — МИА, № 123. М., 1963; его же. Новгород, открытый археологами. М., 1967.

картины, так и деталей развития ремесленного производства в Новгороде³.

Крупнейшим открытием советской археологии явилась находка в Новгороде новой разновидности письменных источников — грамот, процарапанных на бересте. До этой находки письменные сведения по истории средневекового Новгорода были ограничены данными из давно известных памятников. Теперь исследователи получили возможность практически безграничного пополнения таких сведений, поскольку число берестяных грамот увеличивается с каждым годом. Особую ценность письмам на бересте придает их стратиграфическая неразрывность с теми археологическими комплексами, составной частью которых они являются⁴.

В последние годы археологический материал приобретает все более важное значение для решения общеоисторических проблем древнего Новгорода: его происхождения, политической организации, экономической структуры и т. д.⁵. Что касается историко-культурной темы, то для ее разработки многолетние раскопки Новгорода предоставили казавшуюся еще недавно невероятной возможность исследования вполне конкретных, известных по берестяным грамотам людей в окружении привычных в их быту предметов, составляющих исчерпывающий комплекс материальной культуры.

И все же картина средневековой жизни Новгорода далека от полноты, так как не все ее аспекты рассмот-

³ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология). — МИА, № 65; М., 1959; Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. МИА, № 117. М., 1963; Шапова Ю. Л. Стекланные изделия древнего Новгорода. МИА, № 117. М., 1963.

⁴ Систематическое издание грамот осуществляется А. В. Арциховским. К настоящему времени опубликовано шесть томов «Новгородских грамот на бересте». Кроме того, опубликованы специальные исследования, посвященные берестяным грамотам: Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969; Янин В. Л. Я послал тебе бересту... Изд. 1-е. М., 1965; Изд. 2-е. М., 1975.

⁵ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962; его же. Проблемы социальной организации Новгородской республики. — «История СССР», 1970, № 1; Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). — «История СССР», 1971, № 2; Янин В. Л. Возможности археологии в изучении древнего Новгорода. — «Вестник АН СССР», 1973, № 8.

рены пока путем широкого привлечения археологических материалов. Среди таких, требующих решения, проблем имеются и первостепенные по своей важности; к ним, в частности, относится история развития новгородской торговли, особенно на ранних ее этапах.

Истории торговли Новгорода, одного из крупнейших торговых центров древней Руси, посвящены многочисленные труды. Однако большинство авторов занималось только проблемой торговых отношений Новгорода с Западной Европой в XIV—XV вв.⁶, но не в более раннее время. Такой крен в изучении проблемы объясняется главным образом состоянием письменных источников по истории новгородской торговли⁷.

Большая часть документов наиболее полно освещает торговые отношения с конца XIII в., причем в основном это иностранные источники. В их числе всевозможные торговые и таможенные книги немецких городов, Тевтонского ордена, купеческих фамилий; новгородская скра — устав Немецкого двора в Новгороде; тексты договорных грамот Новгорода с западными государствами. Среди русских источников этого периода следует назвать те же торговые договоры, сообщения летописей, писцовые и лавочные книги⁸.

⁶ Славянский С. Историческое обозрение торговых сношений Новгорода с Готландом и Любеком. Спб., 1847; Бережков М. Н. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. Спб., 1879; Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. Спб., 1893; его же. Отношение новгородского владыки к немецкому купечеству. — ЖМНП, 1883, № 7; Казакова Н. А. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в. — «Исторические записки», 1949, № 28; Лесников М. П. Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV в. и начале XV в. — «Исторические записки», 1952, № 39; Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв. М., 1963; и др.

⁷ «Непреодолимым препятствием к детальному восстановлению картины торговой деятельности Новгорода, а не только юридических форм или политической, дипломатической обстановки, в которой она протекала (эта сторона проблемы лучше разработана), является чрезвычайная скудость источников» (Лесников М. П. Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским орденом в конце XIV в. и начале XV в., с. 259).

⁸ В настоящем исследовании мы не касаемся характеристики письменных источников по торговле Новгорода, поскольку имеется обширная литература по этой проблеме.

Сведения о торговле Новгорода более раннего времени в письменных источниках ограничиваются отдельными сообщениями Новгородской летописи и несколькими договорами с иностранцами, причем небольшой объем имеющейся в них информации очевиден. По летописным известиям можно судить о поездках новгородцев с торговыми целями на Готланд и в Данию⁹. Другие сообщения большей частью касаются пожаров Варяжской и Немецкой церквей в Новгороде. Ценность этих показаний заключается в том, что они дают исходное основание для локализации иноземных церквей на плане Новгорода. Договорные грамоты устанавливают торговые пути и порядок торговли иноземцев с новгородцами, однако ни один из перечисленных источников не дает сведений для определения категорий импорта, динамики ввоза предметов торговли, причин сокращения или расширения ввоза тех или иных товаров. Нет также сведений, которые могли бы дать представление о внутренней топографии иноземных торговых дворов.

В связи с этим особую ценность приобретает археологический материал¹⁰, ставший в первую очередь существенным аргументом в решении общетеоретических проблем экономической истории Новгорода. Речь идет о широко распространенной в русской историографии торговой теории происхождения и существования многих древнерусских городов, в том числе и Новгорода. Яркими ее представителями были С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, считавшие, что города на Руси основывались преимущественно на торговле. «Следствием успехов восточной торговли славян, завязавшейся в VIII в., — писал В. О. Ключевский, — было возникновение древнейших торговых городов на Руси. Повесть о начале Русской земли не помнит, когда возникли эти города — Киев, Переяславль, Чернигов, Смоленск, Любеч, Новгород, Ростов, Полоцк... Довольно беглого взгляда на географическое размещение этих городов, чтобы ви-

⁹ НПЛ. М.—Л., 1950, с. 22.

¹⁰ Археологические находки широко используются исследователями при изучении обмена и торговли в древних обществах. Эта тема стала предметом обсуждения специального симпозиума, организованного Ленинградским отделением Института археологии АН СССР в марте 1972 г. (см.: КСИА, вып. 138. «Торговля и обмен в древности». М., 1974).

деть, что они были созданы успехами внешней торговли Руси»¹¹. Такие исследователи, как А. М. Гневушев¹², М. В. Довнар-Запольский¹³, М. Н. Покровский¹⁴, хотя и не придавали торговле роль основного градообразующего фактора, однако отводили ей значительное место в экономике древнерусских городов, особенно Новгорода.

В дореволюционное время, пожалуй, только Д. И. Иловайский, в целом правильно определял роль торговли в экономической структуре Новгорода: «Нет сомнения, что торговля много способствовала в Новгороде выделению некоторых родов в так называемое боярство. Но еще большую долю участия в этом выделении принимали вотчинные и поземельные владения (поэтому-то сравнение Новгорода со славянскими торговыми городами южного Балтийского поморья может быть допущено в слабой степени). И действительно, если посмотрим в памятники, то увидим, что преобладающий новгородский интерес был поземельный... Не очевидно ли, что торговые интересы далеко не играли в Новгородском государстве такой преобладающей роли, как у нас привыкли о том думать»¹⁵. Однако серьезного влияния на историю рассматриваемой проблемы его выводы не оказали, общепринятым оставался взгляд на торговлю как на основополагающее звено в хозяйстве Новгорода.

Не были свободны от крайностей торговой теории и известные исследователи новгородской экономики А. И. Никитский и М. Н. Бережков. А. И. Никитский хотя и считал, что «было бы несправедливо представлять себе новгородское население в целом как по преимуществу торговое»¹⁶, тем не менее в своей обобщаю-

¹¹ Ключевский В. О. Курс русской истории, ч. I. М., 1937, с. 122—123.

¹² «Среди новгородцев рано развилась торговля, благодаря которой и разбогател Великий Новгород» (Гневушев А. М. Господин Великий Новгород (в X—XIV вв.). — В кн.: Книга для чтения по русской истории, т. I. М., 1904, с. 461).

¹³ Довнар-Запольский М. В. Дружина и боярство. — В кн.: Книга для чтения по русской истории, т. I, с. 403.

¹⁴ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен, т. I. М., 1933.

¹⁵ Иловайский Д. И. Исторические сочинения, ч. 2. М., 1897, с. 53.

¹⁶ Никитский А. И. История экономического быта..., с. 87.

шей «Истории экономического быта Великого Новгорода» основное место отвел истории торговли. М. Н. Бережков, исследуя торговые отношения Новгорода с Ганзой до конца XV в., не касается теоретических споров, но все-таки отмечает, что «торговля и колонизация составляют едва ли не самые характерные черты новгородского быта во все продолжение существования Великого Новгорода»¹⁷.

В советской историографии проблема социально-экономической структуры Новгорода подверглась обстоятельному анализу, результатом которого стал фундаментально обоснованный вывод о феодально-землевладельческом характере Новгородской боярской республики. Было установлено, что экономической основой боярской власти служило крупное землевладение, сосредоточившееся в руках аристократических родов, ведущих происхождение от древней родо-племенной знати¹⁸. Тем самым сделалось очевидным сложившееся в историографии прежних лет преувеличение роли торгового фактора, что сопровождалось также и преувеличением роли купцов в политической организации Новгородской республики¹⁹ и отрицанием собственного ремесленного производства в этом городе.

Что касается проблемы соотношения ремесла и торговли, то письменные источники не могли дать достаточно конкретного материала для ее решения. Поначалу и археологи, а среди них такие известные, как А. А. Спицын и Д. Н. Анучин, придерживались традиционной схемы, отводя торговле главенствующее место. Широко поставленные археологические исследования русских древностей в корне изменили представления о соотношении торгового и ремесленного факторов. Крупнейшим событием в этой области стала монография Б. А. Рыбакова, в которой исследователь на основе анализа многочисленного археологического материала до-

¹⁷ Бережков М. Н. О торговле Руси с Ганзой..., с. 41.

¹⁸ Арциховский А. В. К истории Новгорода.— «Исторические записки», № 2, 1938; Тараканова-Белкина С. А. Боярское и монастырское землевладение в Новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939; Янин В. Л. Новгородские посадники; Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.—Л., 1962.

¹⁹ Подробнее этот вопрос рассмотрен в главе IV.

казал высокий уровень развития ремесленного производства в средневековой Руси²⁰. Выводы автора этого труда непосредственно касались и Новгорода, хотя к моменту выхода книги еще не были проведены важнейшие, ставшие теперь классическими, раскопки в Новгороде.

Сейчас в громадных коллекциях Новгородской экспедиции в значительных количествах имеются предметы, свидетельствующие о широком развитии, высокой технической оснащенности и дифференциации новгородских ремесел. В их числе разнообразный инструментарий, отходы производства и бесчисленные образцы ремесленной продукции. Среди последних лишь в виде редких исключений встречаются предметы иноземного происхождения. В то же время сырье для многих категорий ремесленных изделий импортировалось. Новгород не располагал собственными запасами и разработками драгоценных и цветных металлов, необходимых для изготовления утвари, ювелирного производства, литья денежных слитков, покрытия церковных кровель. Сырье для изготовления подобных изделий ввозилось из стран Западной Европы. Было известно об использовании новгородцами для различных украшений янтаря, не встречающегося в Новгородской земле. Археологические находки не только подтвердили эти сведения, но и дали доказательства того, что изделия из привозного янтаря изготавливались непосредственно в Новгороде. Янтарные предметы и отходы их производства (недоделанные или бракованные изделия и просто мелкие кусочки) часто встречаются при раскопках в Новгороде. Археологический материал стал важным доказательством собственного развитого ремесленного производства в средневековом Новгороде, отведя торговле в этой системе связей роль поставщика сырья.

Археологические раскопки позволили также установить и некоторые новые для исследователей категории импорта, ранее не известные по письменным документам. Так, например, в результате специального анализа десятков деревянных гребней, найденных при раскопках на Неревском конце, было установлено что их подавляющее большинство изготовлено из самшита, растущего на склонах Кавказского хребта и поступавшего в

²⁰ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948.

Новгород в виде поделочной древесины²¹. Кроме того при раскопках были обнаружены заготовки самшитовых гребней, причем форма и орнаментация этих предметов аналогична форме и орнаментации костяных гребней — изделий новгородских ремесленников-костерезов.

Археологические материалы уже не раз демонстрировали свое значение важного источника в изучении новгородской торговли, будучи привлечены к исследованию разных аспектов этой темы в статьях участников экспедиции и других историков²². Однако многие категории импорта оставались не исследованными. Кроме того, изучение импортных находок было посвящено большей частью их подробной источниковедческой характеристике (выявлению места производства предмета, установлению торговых направлений), что в целом типично для первого этапа изучения торговых связей по археологическим данным.

На ленинградской дискуссии об обмене и торговле, состоявшейся в 1972 г., широко обсуждались и методические вопросы использования данных археологии для изучения истории торговли. Отмеченные А. Н. Щегловым для античной археологии два уровня изучения торговых отношений между различными центрами²³ могут быть в равной степени применимы и к исследованиям по истории торговли в средние века. Результатом первого, традиционного этапа является установление направлений торговых связей и общая оценка их интенсивности. По мере накопления археологических материалов реальным становится и более детальное изучение торговых связей, конечной целью которого является выяснение динамики обмена между различными центрами во времени и объеме.

²¹ Вихров В. Е., Колчин Б. А. Из истории торговли древнего Новгорода. — СА, т. XXIV, 1956.

²² Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода. — МИА, № 55. М., 1956; Вихров В. Е., Колчин Б. А. Из истории торговли древнего Новгорода; Медведев А. Ф. Ближневосточная и золотоордынская керамика из раскопок в Новгороде. — МИА, № 117. М., 1963; Нахлик А. Ткани Новгорода. — МИА, № 123. М., 1963; Сергиевская Н. И. Внешняя торговля Великого Новгорода (X—XV вв.). [Дипломная работа. Кафедра археологии исторического факультета МГУ. Рукопись].

²³ Дискуссия о характере обмена и торговли в древних обществах. СА, 1974, № 3, с. 309.

Накопленный в течение многолетних раскопок в Новгороде археологический материал, характеризующий новгородскую торговлю, позволяет перейти в настоящее время ко второму этапу ее изучения, тем более что по письменным источникам, как неоднократно отмечали многие исследователи новгородской торговли, не удастся определить размер и динамику ввоза в Новгород различных товаров. Необходимо отметить только, что в настоящее время исследователи еще лишены практической возможности изучать дальние торговые связи во всей их полноте, анализируя не только импорт, но и экспорт. В будущем, когда аналогичные работы будут произведены в средневековых центрах, бывших контрагентами Новгорода в его торговом обмене, в археологических комплексах этих центров наверняка будут выделены предметы новгородского происхождения, характерные признаки которых достаточно подробно установлены типологическим анализом новгородской ремесленной продукции. Однако до тех пор, пока сопоставимый материал отсутствует, приходится ограничиваться изучением только импорта.

Но и исследование импорта Новгорода в настоящей работе мы ограничиваем анализом коллекции, собранной в ходе раскопок Неревского конца Новгорода в 1951—1962 гг., привлекая находки из других раскопов лишь в качестве дополнительного источника. Такое ограничение объясняется объективными причинами. Только Неревский раскоп дал массовый материал по истории торговли, который в силу исключительной стратиграфической четкости раскопа идеально группируется в дробные хронологические группы. Материалы других раскопов не обладают такими качествами. Это замечание особенно касается довоенных раскопок, но и имеет отношение к комплексам, исследованным в последние годы.

Археологические исследования, проведенные в 30-е годы на Славенском холме и Ярославовом дворище, характеризуются небольшими по площади раскопами и условным членением культурного слоя на отдельные горизонты, каждый из которых имеет относительную датировку²⁴. Раскоп на Дворище в 1947—1948 гг., хотя и

²⁴ Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде; его же. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде. — МИА, № 11. М.—Л., 1949.

превосходил по площади все предыдущие раскопы, составив 836 м², однако также отличался условной обобщенной стратиграфией²⁵. Поэтому несмотря на то, что в ходе этих работ и были получены значительные материалы, во многом изменившие бытовавшие до них традиционные представления о развитии древнего Новгорода, они не могли еще стать источником для детального исследования отдельных сторон новгородской экономики. Собранные в результате указанных раскопок предметы импортного происхождения исчисляются всего несколькими десятками, а их хронологические рамки в силу относительной датировки слоя колебались в пределах века, а иногда и двух—трех веков. Так что кроме факта, подтверждающего торговые связи Новгорода с различными областями, эти находки не могли дать никакой другой информации по истории новгородской торговли.

Археологические исследования, следовавшие за завершением Неревского раскопа, хотя и проводились с учетом всех новейших достижений современной методики раскопок, также не привели к образованию самостоятельных фундаментальных комплексов. В 60-х и 70-х годах, когда стала очевидной неотложность мер по охране культурного слоя Новгорода от разрушения в ходе текущего строительства, была выработана программа археологических работ в городе, учитывавшая необходимость обязательного исследования тех участков, которые отводятся под застройку. Раскопы закладываются в различных районах Новгорода²⁶. Площадь каждо-

²⁵ Арциховский А. В. Новгородская экспедиция. — КСИИМК, вып. 27. М.—Л., 1949; его же. Раскопки в Новгороде. — КСИИМК, вып. 33. М.—Л., 1950.

²⁶ Ильинский (1962—1967 гг.) — на углу улиц Первого Мая и Красилова; Лубяницкий (1967 г.) — у телевизионной вышки; Славенский (1968 г.) — на ул. Славной; Готский (1968—1970 гг.) — на берегу Волхова; Тихвинский (1969 г.) — на ул. Комарова (вблизи от Неревского раскопа); Суворовский (1970 г.) — на месте строительства нового корпуса медучилища; Торговый (1971 г.) — неподалеку от Путевого дворца; Рогатицкий (1971 г.) — во дворе дома № 32 по просп. Ленина; Кировский (1972—1974 гг.) — во дворе дома № 24 по ул. Кирова; Людогощинский (1972 г.) — во дворе школы № 2 на ул. Советской; Козмодемьянский (1974 г.) — на углу улиц Ленинградской и Декабристов; Троицкий (1973—1977 гг.) — на ул. Пролетарской (рядом с церковью Троицы). См. рис. 17.

го из них колеблется от 160 до 400 м², что исключает составление больших коллекций импортных предметов.

Исключением является только Ильинский раскоп, общая площадь которого равняется 1200 м², но в нем было очень мало остатков древних срубов, а мостовые отсутствовали, поэтому детальная хронология Ильинского раскопа, лишенная дендрохронологической основы, еще не разработана. Находки в перечисленных раскопах лишь подтверждают выводы, полученные в результате обработки коллекций Неревского раскопа. В нашей работе они привлекаются тогда, когда в отдельных раскопах та или иная категория импорта оказывается представленной достаточно широко для сопоставления с соответствующей группой материалов Неревского раскопа.

Следует только отметить, что несмотря на малочисленность импортных предметов некоторые из указанных раскопов дают достаточно ценные сведения по другим аспектам новгородской торговли.

Работами на Неревском конце был вскрыт участок площадью до 10 000 м² при глубине культурного слоя от 5 до 7 м. В коллекции собранных здесь вещей предметы импортного для Новгорода происхождения насчитываются сотнями, а некоторые их категории и тысячами экземпляров. Эта коллекция собрана на городских усадьбах, примыкавших к настилам Великой и пересекающих ее Холопьею и Козмодемьянской улиц. Древнейшие уличные настилы датированы 953 г., самые поздние — серединой XV в. Поскольку эти мостовые последовательно наслаивались одна на другую в течение пятисот лет, они образуют идеальную хронологическую шкалу для всех усадебных прослоек, с ними связанных. Таких настилов и соответствующих им ярусов усадебных напластований выделено 28, что позволило разделить всю толщу культурного слоя на 28 хронологических комплексов со средней продолжительностью в 18—20 лет. При аналитическом исследовании добытых материалов активно применялись естественнонаучные методы, в том числе метод дендрохронологии, позволивший точно датировать все уличные настилы. Это, не меняя сути хронологической группировки материалов, придало ей предельную точность, а комплекс в целом приобрел значение эталона.

Разумеется, территория Неревского раскопа только небольшая часть древнего Новгорода, однако изучение его массовых находок в возможном сопоставлении со сходными материалами других раскопов позволяет представить достаточно цельную картину. Следует еще раз подчеркнуть массовость находок, поскольку, как это неоднократно и справедливо подчеркивалось в археологической литературе, отдельные предметы импортного происхождения далеко не всегда могут свидетельствовать о характерных торговых связях.

Основными источниками подготовительной работы по выявлению предметов импорта среди находок Неревского раскопа стали коллекционные описи, полевые чертежи, хранящиеся в архиве Института археологии АН СССР, и сами коллекции. Были просмотрены многочисленные тома отчетов экспедиции, описей, чертежей с описью находок и указанием их положения на плане.

В ходе этого исследования выявлены следующие категории импорта: пряслица шиферные, амфоры южные, греческие орехи, стеклянные изделия, среди которых — бусы, браслеты, перстни, обломки посудного и оконного стекла, самшитовые гребни, сердоликовые и хрустальные бусы, хрустальные вставки перстней, ближневосточная и золотоордынская поливная керамика, арабские и западноевропейские монеты, изделия из серебра и предметы из цветных металлов, янтарь и ткани.

Каждая из этих категорий хронологически распределена по ярусам. Поскольку ярусы отличаются разной хронологической протяженностью, это следовало отразить на хронологической оси графиков для получения средних цифр. Однако нет необходимости отыскивать всякий раз среднюю цифру находок, приходящихся на каждый год существования яруса. Такой пересчет создает только видимость точности, а на деле способен извратить действительную картину динамики ввоза, коль скоро в отдельные годы колебания импорта могли быть крайне резкими. Поэтому обобщение находок по ярусам дает более достоверную степень усреднения таких случайных колебаний.

Интересные материалы были получены при сопоставлении хронологических графиков разных категорий импорта, а сами графики дали возможность последовательно проследить динамику ввоза в Новгород различ-

ных предметов, зафиксировать даты наибольших подъемов и спадов поступления в Новгород отдельных импортных категорий, т. е. заняться исследованием именно тех вопросов истории торговли, которые не находят отражения в письменных источниках.

Группа массовых импортных находок содержит предметы, как русского, так и иноземного происхождения, но мы, исследуя их совместно, предполагаем, что и те и другие вещи доставлялись в Новгород по одним и тем же торговым путям.

Все предметы импортного происхождения могут быть разделены на две большие подгруппы: предметы южного ввоза и предметы западного ввоза²⁷. К южному импорту относятся товары, поступавшие в Новгород как днепровским путем из Киева, Византии, Крыма, Волыни и других мест, так и волжским путем из Поволжья, с Кавказа, из стран Востока. К западному импорту относятся предметы, которые доставляли в Новгород его партнеры в торговле с Западной Европой — остров Готланд, город Любек, Ганзейский союз, Тевтонский орден.

Важным источником по истории новгородской торговли наряду с массовыми категориями импорта становится археологическое исследование участков, связанных с торговой деятельностью новгородцев. Работы по исследованию подобных территорий представляются весьма перспективными, поскольку дают материал для решения вопроса о взаимоотношениях ремесленника и купца и об организации самой новгородской торговли.

Таким образом, основной задачей работы является исследование в возможно полном объеме всех категорий импортных предметов, выявленных при археологических раскопках²⁸, характеристика берестяных грамот торго-

²⁷ Такие категории импорта, как изделия из стекла и яштыря, характерны и для южного и для западного ввоза. Поэтому каждая из этих категорий рассматривается в двух главах нашего исследования, соответственно: «Южный импорт» и «Западный импорт».

²⁸ Необходимо отметить, что в задачу исследования не входит изучение отдельных (не массовых) предметов импорта, в большинстве представляющих собой художественные изделия иноземных мастеров. В настоящей работе мы имеем дело только с массовыми категориями импортных предметов, а художественные изделия единичны, и их проникновение в Новгород подчиняется иным за-

вого содержания и анализ материалов некоторых раскопов (Лубяницкий, Готский, Торговый, Кировский), расположенных на тех территориях, которые были непосредственно связаны с торговой деятельностью Новгорода.

кономерностям: «Произведения искусства распространялись по Европе довольно специфично — не только в результате торгового обмена, тем более прямого, но и при других обстоятельствах» (Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). — САИ Е1—57. М., 1966, с. 61).

Глава I

ЮЖНЫЙ ИМПОРТ

В письменных источниках южное направление новгородской торговли почти не отражено. Нет никаких сколько-нибудь определенных данных о составе товаров, их количестве, о торговых партнерах Новгорода.

Прежде всего это объясняется тем, что развитие и расцвет южной торговли Новгорода относятся к X—XII вв., ко времени, крайне скудно освещенному письменными источниками, отражающими торговлю Новгорода вообще и ее южное направление в частности. Письменные сведения этого периода ограничиваются сообщениями летописи о существовании торгового двора новгородцев с церковью св. Михаила в Киеве. Несколько больше информации по интересующему нас вопросу дают арабские авторы, подробно описывающие свои путешествия в древнюю Русь, ее быт, хозяйство, нравы. Но эти сообщения характеризуют общее состояние торговли древней Руси, и выделить среди них факты, касающиеся отдельных городов, не представляется возможным.

Поэтому рассматривать торговлю Новгорода раннего периода и особенно ее южное направление следует в общей связи с развитием всей древнерусской торговли.

Б. А. Рыбаков делит историю русской торговли IX—XIII вв. на два периода: первый относится к IX—XI вв., второй период охватывает эпоху феодальной раздробленности с середины XI в. до монгольского нашествия¹. В эти периоды центром древнерусской торговли

¹ Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути. — В кн.: История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1951, с. 316.

был Киев, ставший благодаря выгодному географическому положению основным посредником в торговле между Востоком и Западом. Современники называли его даже соперником Константинополя: так много собиралось на его торгу заморских и русских гостей с разнообразными товарами. Несомненно, что и новгородская торговля в этот период была тесно связана с Киевом, а вернее, велась при его посредничестве.

С Киевом Новгород был связан удобным водным путем. Поскольку нам неоднократно придется вести разговор о торговых путях, считаем необходимым сделать по этому поводу некоторые замечания. Общеизвестно, что в древней Руси основным видом сообщения были водные дороги. При раскопках в Новгороде в огромных количествах найдены различные детали лодок, кораблей и их части (шпангоуты, скобы, уключины, весла, лодочные скамейки и т. д.). Колесный транспорт, напротив, представлен единственным колесом, что, конечно, не исключает использования сухопутных дорог. Для езды по суше чаще использовались сани как зимой, так и летом² (находки деталей саней и их снаряжения также многочисленны при раскопках Новгорода).

Но если установление сухопутных торговых дорог чрезвычайно затруднено, то торговые пути по водным системам Древней Руси восстанавливаются вполне определенно³. Уже в летописи указаны некоторые пути по водным системам и главный из них — «путь из варяг в греки», который описан еще в «Повести временных лет»: «...и из грек по Днѣпру и верх Днѣпра волок до Ловоти [и] по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое из негоже озера потечеть Волхов и вѣтечь в озеро великое Ново[и], того озера внидеть устье в море Варяжское»⁴ (рис. 1).

Проведенные в прошлом веке исследования уточнили этот путь, наметили переход от Днепра к Ловати с при-

² На севере нашей страны, в Архангельской области, еще до недавнего времени жители пользовались санным транспортом для поездок не только зимой, но и летом.

³ Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской Руси. — «Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий», вып. XVI. Казань, 1910.

⁴ ПСРЛ, изд. 2-е, т. 1, вып. 1. Л., 1926, стб. 7.

менением волоков⁵. Кроме того, было установлено, что водоразделы между Днепром и Ловатью использовались в основном для сообщения между Новгородом и Кие-

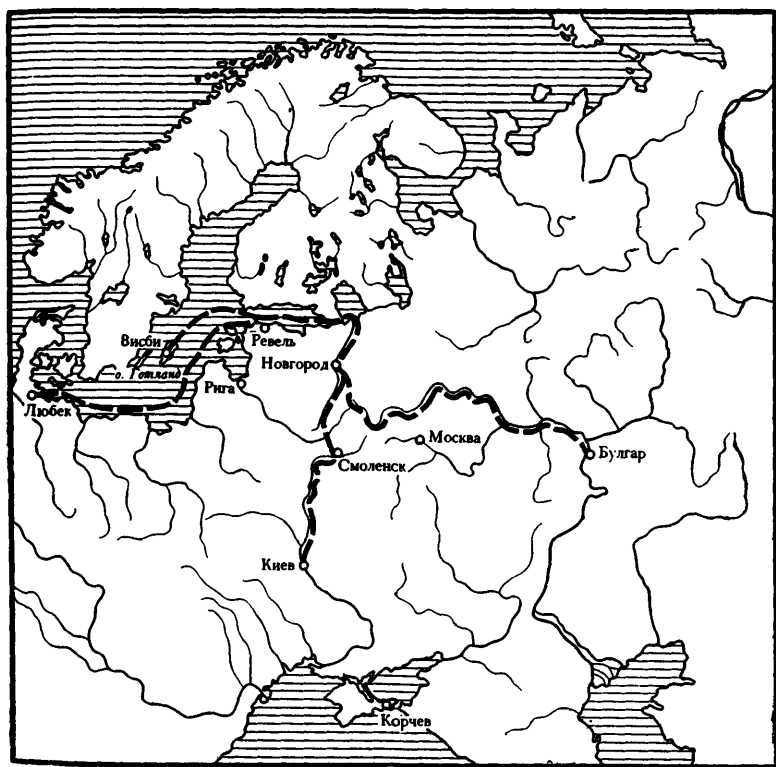

Рис. 1. Основные торговые пути Новгорода

вом, а варяжский путь шел преимущественно по Западной Двине, которая прежде считалась второстепенным ответвлением пути из варяг в греки⁶.

⁵ Ходаковский Д. Пути сообщения в древней Руси. — РИС, т. I, 1837; Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV в. Киев, 1895; Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской Руси.

⁶ Бернштейн-Коган С. В. Путь из варяг в греки. — «Вопросы географии». Сб. 20. М., 1950, с. 260.

Переход от Ловати к Днепру совершался по системе рек: Сереже, Желне, Торопе, части Западной Двины, Каспли, Касплинскому озеру, откуда начинался волок до Днепра в районе Смоленска⁷. Так новгородцы попадали в Киев.

На киевском торгу прибывшие могли приобрести все необходимые товары и предметы роскоши. В Киеве существовал торговый двор новгородских купцов с церковью св. Михаила. В Лаврентьевской летописи под 1147 г. сообщается о положении во гроб в новгородскую божницу церкви св. Михаила тела убитого Игоря Ольговича и о знамении, совершившемся в этой церкви, о котором новгородцы рассказали митрополиту⁸. Несомненно, что этот двор находился на Подоле, торговом районе древнего Киева. Именно здесь, на Волошской улице, в 1955 г. в траншее были обнаружены развалины церкви, которую автор обмеров В. А. Богусевич характеризовал как некогда существовавшую здесь новгородскую божницу⁹.

В 1974 г. при раскопках усадьбы XII в. на Волошской ул. была обнаружена вислая свинцовая печать, на одной стороне которой изображен святой Федор в полный рост, а на другой — греческая надпись: «Воззри на мя протопроедра Евстафия»¹⁰. В. Л. Янин установил, что данный тип печатей относится к политическому институту новгородского посадничества нового типа. Эта печать связывается с начальным этапом развития этого института и должна быть определена как печать посадника, возглавлявшего при малолетнем князе Мстиславе (1088—1094 гг.) систему политического управления Новгорода и скреплявшего своей печатью все официальные документы. Таким посадником, видимо был Завид, имя которого открывает древнейший список новгородских посадников¹¹. Только две из всех известных печатей этого типа обнаружены вне Новгорода и его

⁷ Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в донетровской Руси, с. 47.

⁸ ПСРЛ, изд. 2-е, т. 1, вып. 2. Л., 1927, стб. 318.

⁹ Каргер М. К. Древний Киев, т. 1. М.—Л., 1958, с. 486.

¹⁰ Толочко П. П., Боровский Я. Е., Гупало К. Н., Ивочкин Г. Б., Сагайдак М. А. Киевская экспедиция. — В кн.: Археологические открытия 1974 года. М., 1975, с. 366.

¹¹ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. 1. М., 1970, с. 65.

округи. Одна найдена в Белгородке под Киевом и вторая, о которой идет речь, — в самом Киеве. Находка печати посадника Завида-Евстафия на Волошской улице Подола подтверждает местоположение новгородского торгового двора именно здесь. Вероятно, один из новгородских купцов привез в Киев какой-то официальный документ, скрепленный посадничьей печатью.

Существование такой новгородской торговой фактории указывает на то, что новгородские купцы постоянно находились в Киеве, были в курсе всех его торговых сношений и сами принимали в них деятельное участие.

Другим направлением древнерусской торговли был волжский путь с центром в Булгаре, откуда на Русь поступало восточное серебро¹². С Волгой Новгород был связан несколькими путями, важнейшим из которых может считаться селигерский, который шел по рекам Поле, ее притоку Шеберихе, Тудре, М. Тудре, образующим единую водную систему связи Ильменя с Волгой¹³. Об этом пути сообщает и Новгородская летопись в связи с поездкой архиепископа Мартирия в 1201 г. во Владимир¹⁴.

Были еще три северо-волжских пути, признанных только новгородскими: мстинский, ладого-волжский, вытегро-шекснинский, непосредственно связывающие Новгород с Волгой¹⁵.

Таким образом, для южного направления новгородской торговли раннего периода наиболее характерны два пути: днепровский с центром в Киеве и волжский с центром в Булгаре.

В связи с отсутствием письменных источников, характеризующих это направление новгородской торговли, большое значение приобретает археологический материал. Остается только сожалеть, что пока собранные в результате археологического исследования Киева материалы, которые могли бы дать важные сведения по истории древнерусской торговли, явно недостаточны для обстоятельных выводов.

¹² Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

¹³ Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской Руси, с. 127.

¹⁴ НПЛ, с. 44.

¹⁵ Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской Руси, с. 139.

Тем значительнее и интереснее представляются археологические находки Новгорода. К категориям южного импорта, найденным при раскопках города, относятся шиферные пряслица, амфоры южного происхождения, греческие орехи, янтарь¹⁶, изделия из стекла, гребни из самшита, ближневосточная и золотоордынская поливная керамика, сердоликовые и хрустальные бусы, арабские монеты¹⁷.

Вначале будут рассмотрены наиболее массовые категории южного импорта, количества которых достаточно для распределения по ярусам и составления хронологических графиков. К таким предметам в первую очередь относятся пряслица из розового шифера.

Пряслица из розового шифера

На Неревском раскопе таких пряслиц обнаружено около 2000 экземпляров. Важным качеством характеризующей группы находок наряду с ее массовостью является определенность их происхождения: «Научное значение шиферных пряслиц заключается в редкой для русского ремесла возможности точного установления ограниченного района производства и широкого района сбыта»¹⁸.

Исследованиями геологов еще в прошлом веке было установлено, что выходы розового шифера имеются у нас только на Волыни¹⁹. Г. О. Оссовский при изучении геологии этого района России определил местонахождение розового шифера в северной половине Овручского уезда, а также на весьма значительном простран-

¹⁶ Традиционное представление о прибалтийском происхождении янтаря, распространенного в средневековом Новгороде, подвергнуто пересмотру в результате обработки его археологических находок, обнаруженных на Неревском и других раскопах. До монголо-татарского нашествия янтарь поступал в Новгород из Приднестровья. Аргументация такого утверждения приводится достаточно подробно в разделе «Янтарь» этой главы.

¹⁷ Небольшое количество находок серебра как восточного, так и западного происхождения делает более целесообразным рассмотрение этой категории импорта в одной главе (см. рубрику «Серебро» в главе II данного исследования).

¹⁸ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 189.

¹⁹ Оссовский Г. О. Геолого-геогностический очерк Волинской губернии. — Труды Волинского губернского статистического комитета, вып. I. Житомир, 1867.

стве, в окрестностях с. Норинска, с. Збранек и прилегающих к ним местностей. Месторождения шифера прорезываются здесь реками Убортью, Ужем, Жеревом и обнаруживаются чаще всего по оврагам, водопромоинам весенних потоков, трещинам, обрывам и долинам²⁰.

П. А. Тутковский, описывая полезные ископаемые юго-западной России отмечал, что розовый тальково-глинистый сланец (шифер), известный из месторождений Овручского уезда Волынской губернии, является прекрасным поделочным материалом для мелких изделий. Шифер обладает огнеупорными свойствами, хорошо полируется и пилится²¹. Очевидно, все эти свойства данного минерала были отлично известны в древности.

Археологи обнаружили на указанной территории несколько мастерских по изготовлению пряслиц из шифера. Исследователь древностей юго-западной России В. В. Антонович указывал, что «в Овручском уезде в бассейне реки Норини существовали на большом пространстве обнажения красного шифера и во многих местах найдены несомненные многочисленные следы мастерских, где производились эти пряслица. Заготовленные для пряслиц кубики из красного шифера, экземпляры, испорченные при сверлении и обрезывании и многочисленные обрезки находятся в больших количествах на месте бывших мастерских. Такие мастерские констатированы у сел: Каменщины, Нагорян, Хайчи, Коптевщины»²².

Таким образом, мы знаем не только конечный, но и исходный пункт движения шиферных пряслиц, являющихся постоянной находкой во многих городах и поселениях древней Руси. Но самым большим собранием шиферных пряслиц, как уже отмечалось, является коллекция Неревского раскопа.

Краткая характеристика распределения пряслиц по новгородским стратиграфическим ярусам на частичном материале (1951—1957 гг.) была дана Б. А. Колчиным: «Пряслица из розового и серого шифера появились в Новгороде вместе с первыми новгородцами. В XI в. при-

²⁰ О с с о в с к и й Г. О. Указ. соч., с. 206.

²¹ Тутковский П. А. Юго-западный край. Популярно-исторические и географические очерки, вып. I. Киев, 1893, с. 52.

²² Антонович В. В. Древности юго-западной России. — МАР, № 11. Спб., 1893, с. 20.

воз их в Новгород очень быстро растет и максимум достигается в самом начале XII в. После этого начинается резкий спад и уже к началу XIII в. количество их становится незначительным. К концу XIII в. они практически выходят из употребления»²³.

Привлечение материалов, собранных на Неревском раскопе в последующие годы, в целом подтвердило из-

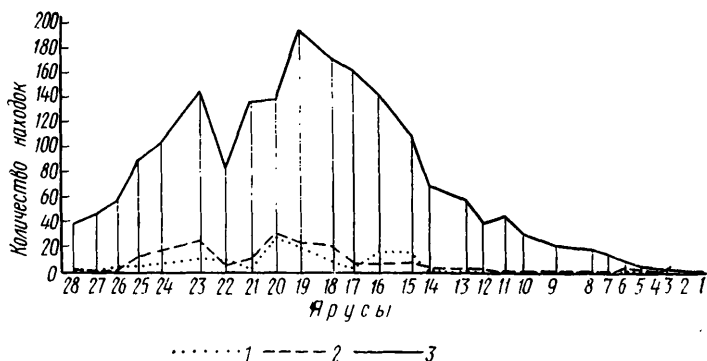

Рис. 2. График хронологического распределения предметов южного импорта (1 — амфоры, 2 — орехи грецкие, 3 — пряслица шиферные)

ложенное наблюдение и вместе с тем заставило обратить внимание на некоторые важные особенности. Уже на диаграмме, изданной Б. А. Колчиным, хорошо заметно резкое временное сокращение количества шиферных пряслиц в 22 ярусе (1076—1096 гг.)²⁴. Это сокращение могло быть воспринято как случайное, если бы оно не подтвердилось новыми данными. На графике распространения всех шиферных пряслиц Неревского раскопа (рис. 2), четко прослеживается резкий перепад, приходящийся на указанные годы. Следует отметить, что в действительности это сокращение было еще более резким, если учесть определенную длительность бытования однажды привезенного пряслища. В этой связи обра-
 щается

²³ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. — СА. 1958. № 2, с. 111.

²⁴ Там же, с. 107, рис. 9.

ем внимание на ту часть графика, которая характеризует находки в слоях 3—14 ярусов. Они датируются временем после монгольского нашествия, в результате которого мастерские на Волыни были разрушены и уже никогда не возобновляли своего производства. Следовательно, все найденные в этих ярусах пряслица отражают уже не закономерности ввоза, а закономерности пережиточного бытования пряслиц, ввоз которых прекратился с разрушением овручских мастерских. В послемонгольских слоях найдено в общей сложности 188 шиферных пряслиц, число которых сокращается от десятилетия к десятилетию.

Несомненно, подобная картина должна наблюдаться и при любых возможных приостановках импорта пряслиц. Иными словами, в каждом ярусе в числе собранных экземпляров имеется какое-то количество предметов, ввезенных задолго до того, как они попали в землю. Разумеется, это касается и 22 яруса.

Отмеченное сокращение числа пряслиц в 22 ярусе нуждается в объяснении, которое может быть двояким: производство пряслиц в конце XI в. временно сокращается или же в этот период происходит перерыв в их транзите из Овруча в Новгород. Никаких свидетельств о сокращении производства шиферных пряслиц в Овруче в конце XI в. нет, значит остается предполагать перерыв в их доставке в Новгород. Обращение к графикам других предметов южного импорта позволяет получить правильный ответ.

Амфоры

Другой категорией южного импорта являются амфоры, найденные при раскопках Новгорода. Поскольку они встречаются только в обломках, не всегда возможно достаточно точно определить их форму. Однако отдельные фрагменты амфорных обломков при склсивании дают представление об общей форме этих сосудов. Наиболее распространенным типом встречающихся в Новгороде амфор можно считать сосуды, относящиеся, по классификации С. А. Плетневой, к концу X — началу XI в. Это грушевидные широко бороздчатые амфоры с низким горлом, круто изогнутыми ручками, овальны-

ми или почти круглыми в сечении²⁵. Несколько видоизмененный этот тип сохранялся еще в XII—XIII вв. Центром производства подобных амфор с V по XIII в. было Причерноморье²⁶. Исследователь гончарного производства Причерноморья А. Л. Якобсон писал, что тип «грушевидной амфоры, по-видимому, получил в XII и XIII вв. очень широкое распространение на обширной территории, включая не только собственно Северное Причерноморье, но и Подонье... и Поднепровье: некоторые из древнерусских корчаг воспроизводят форму именно таких амфор...»²⁷. Цвет обжига этих амфор от интенсивно красного до оранжевого. В Новгороде находят обломки именно таких амфор. Большое количество подобных амфор найдено в Саркеле, Тмутаракани, часто встречаются обломки амфор в Киеве и других древнерусских городах.

В свое время существовало несколько мнений относительно места изготовления этого типа сосудов. Некоторые исследователи были убеждены в их киевском производстве²⁸, в результате чего распространился термин — «амфоры киевского типа», однако изучение известных в настоящее время амфорных обломков, происходящих из Новгорода и других городов древней Руси, позволяет предполагать происхождение этих амфор из городов Северного Причерноморья. Вероятно, в будущем удастся конкретизировать центры производства южных амфор и выделить сосуды собственно киевского производства, сделанные по образцу амфор. Рассматриваемые амфоры получили на Руси название корчаг и служили чаще всего тарой для вина. В древнерусских письменных памятниках корчага (кърчага, къръчага, корчага) упоминается почти всегда как сосуд для хранения или перевозки вина²⁹.

Среди амфор, найденных в древнерусских городах, есть некоторые экземпляры с надписями, свидетельству-

²⁵ Плетнева С. А. Керамика Саркела — Белой Вежи. — МИА, № 75. М., 1959, с. 244.

²⁶ Якобсон А. Л. Раннесредневековые гончарные печи в восточном Крыму. — КСИИМК, вып. 54. М.—Л., 1954.

²⁷ Якобсон А. Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. — СА, т. XV. М.—Л., 1951, с. 340—341.

²⁸ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси, с. 374.

²⁹ Ржига В. Ф. Очерки из истории быта домонгольской Руси. — Труды ГИМ, вып. 5. М., 1929.

ющими об использовании этих сосудов в качестве тары для вина. Таковы находки из Старой Рязани, Пинска, Тамани. На амфорных обломках, происходящих из Старой Рязани, датированных XII в., надпись: «Новое вино Добрило послал князю Богунку»³⁰. Пинская надпись, относящаяся к концу XI в., сохранила имя владельца напитка — «Ярополче вина»³¹. О вине сообщает и таманская находка³². К числу подобных надписей, несомненно, следует отнести и киевскую находку из слоев XI в., хотя в ней отсутствует название содержимого: «благодатнеша плона корчага сия»³³.

Кроме вина в таких амфорах, вероятно, доставляли и другие южные товары, в частности, оливковое масло. На обломке амфоры из Белозерска сохранилась надпись: «...асл...», интерпретированная Л. А. Голубевой как «масло»³⁴.

Видимо и новгородские находки следует отнести к сосудам, в которых в Новгород поступали вино и масло.

Хотя общее число найденных обломков не превышает 200 экземпляров, они распределяются по ярусам точно так же, как и шиферные пряслица (рис. 2).

Обломки амфор появляются в новгородских слоях впервые в конце X в. Их число постепенно увеличивается, достигая максимума в XII в. Монгольское нашествие оказывается рубежом, отделяющим более поздние слои, в которых практически нет амфорных обломков.

В отличие от пряслиц, амфоры не обнаруживают тенденции к длительному бытованию. Это естественно: сама хрупкость сосудов препятствовала их продолжительному употреблению в быту. Поэтому график хронологического распределения амфорных обломков еще более объективно отражает колебания импорта. И здесь наблюдается резкое уменьшение числа обломков амфор, приходящееся на конец XI — начало XII в. В слое яруса 21 (1096—1116 гг.) обнаружено только 2 фрагмента.

³⁰ Монгайт А. Л. Старая Рязань. — МИА, № 49, 1955, с. 188.

³¹ Равдина Т. В. Надпись на корчаге из Пинска — КСИИМК, вып. 70. М., 1957.

³² Там же, с. 153.

³³ Рыбаков Б. А. Надпись киевского гончара XI в. — КСИИМК, вып. 11. М.—Л., 1945.

³⁴ Голубева Л. А. Надпись на корчаге из Белоозера. — СА, 1960, № 3.

Грецкие орехи

Еще одну категорию южного импорта, хронологическое распределение которой аналогично двум предыдущим, составляют находки в новгородских слоях скорлупы грецких орехов. Как и обломки амфор, они отличаются такой же и даже еще большей объективностью в отражении колебаний импорта, поскольку орехи никак не могли быть предназначены для длительного хранения и их скорлупа попадала в землю незамедлительно после доставки очередной партии.

Начавшийся в конце X в. (рис. 2) ввоз в Новгород грецких орехов очень быстро растет и к середине XI в. достигает наибольшего подъема, который сохраняется на протяжении XII в.

Так же, как и в предшествующих случаях, резкое уменьшение их количества приходится на 21—22 ярусы, датированные 1076—1116 гг., что, несомненно, связано с сокращением ввоза грецких орехов в это время.

В первой половине XIII в. кривая распространения грецких орехов затухает. Следует учесть, что если прекращение импорта шиферных пряслиц в первой половине XIII в. связано с ликвидацией их производства в результате разрушения овручских мастерских, то прекращение ввоза грецких орехов, не связанных с производством, служит еще одним доказательством того, что после монголо-татарского нашествия движение товаров по днепровскому пути значительно сокращается и практически теряет свое значение.

Принципиальное совпадение участков трех рассмотренных графиков (рис. 2) и особенно в той их части, которая касается рубежа XI—XII вв., показывает, что в действительности при доставке в Новгород шиферных пряслиц имел место не перерыв в их производстве, как предполагалось, а перерыв в их транзите, как и в транзите других южных предметов.

Подобные закономерности отмечены и для импорта стеклянных изделий в Новгород в домонгольское время.

Стеклянные изделия

Изделия из стекла составляют заметную категорию предметов, находимых при раскопках в Новгороде. Новгородская коллекция находок из стекла насчитывает

свыше 10 000 предметов, среди которых бусы, браслеты, перстни, вставки, подвески, обломки стеклянных сосудов и оконного стекла.

Импортный характер тех или иных стеклянных изделий по внешним признакам устанавливается с трудом: во-первых, потому что большая часть предметов найдена в обломках; во-вторых, значительная часть поделок, особенно украшений, обнаруживаемых при раскопках в Новгороде, находит многочисленные аналогии среди древностей Восточной Европы. Лишь отдельные предметы с надписями или орнаментом, характерным для определенных областей, могут быть с полным основанием отнесены к привозным. К таким находкам относятся обломки византийских браслетов и стеклянных сосудов с арабскими надписями.

Изучению новгородского и всего древнерусского стекла посвятила свои работы Ю. Л. Шапова³⁵. В результате примененного ею метода спектрального анализа стеклянных изделий было установлено, что стекло различных центров производства различно по своему составу. Изделия русских, византийских, западноевропейских мастерских отличаются друг от друга прежде всего составом стекла.

Использование спектрального анализа при исследовании древнерусского стекла позволило выделить отдельные древнерусские центры его производства и вычленив из всей массы стеклянных изделий предметы иностранных мастеров-стеклоделов. В составе новгородской коллекции с помощью спектрального анализа были выявлены изделия византийские, киевские, западноевропейские и собственно новгородские. Распределение импортных находок по ярусам дает возможность проследить динамику их ввоза, установить картину хронологического бытования стеклянных предметов из различных центров производства, смену стеклянных вещей одних центров производства другими. Все эти материалы дают новые сведения по истории развития новгородской торговли.

³⁵ Шапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода. — МИА, № 55. М., 1956; ее же. Стеклянные изделия древнего Новгорода. — МИА, № 117. М., 1963; ее же. Стекло Киевской Руси. М., 1972.

В нашей работе мы пользуемся данными анализом и составленными на их основе графиками, опубликованными Ю. Л. Шаповой. Следуя авторской группировке этих материалов, мы будем вести наше изложение о распространении в Новгороде импортных стеклянных изделий по отдельным категориям предметов: бусы, перстни, посуда, оконное стекло, браслеты.

Б у с ы

Одну из самых многочисленных категорий ввоза стеклянных изделий в Новгород образуют бусы. На Неревском раскопе их собрано 1397 экземпляров. Констатация удивительного многообразия форм, размеров,

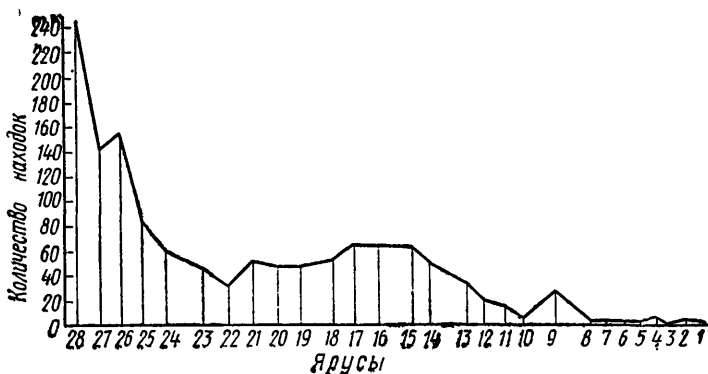

Рис. 3. График хронологического распределения стеклянных бус (по Ю. Л. Шаповой)

цвета этих бус, классификация их по типам, распределение по ярусам с установлением бытования определенных типов бус для разных периодов осуществлены Ю. Л. Шаповой³⁶. Нам остается, исключив из общего числа коллекции бус предметы новгородского производства, проследить динамику ввоза в Новгород импортных бус и попытаться установить его закономерности (рис. 3)³⁷.

³⁶ Шапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода.

³⁷ Благодарю Ю. Л. Шапову за любезно предоставленные мне неопубликованные материалы.

Максимальное количество бус собрано в слоях X в. (539 экземпляров). Обилие находок объясняется, видимо, модой того времени, поскольку для каждого из трех последующих столетий число стеклянных бус сократилось вдвое по сравнению с X в. В XI в. их найдено 225 экземпляров, в XII в. — 268, в XIII в. — 235. После монгольского нашествия число импортных бус в Новгороде резко сокращается. В слоях второй половины XIII в. их собрано вдвое меньше, чем в первой. В XIV в. импортных стеклянных бус обнаружено всего 57 экземпляров, в XV в. — 18. Наличие в слоях XIV—XV вв. этих украшений следует расценивать как способность стеклянных бус, так же как и шиферных пряслиц, к длительному бытованию.

Кроме объективных причин, повлиявших на сокращение числа стеклянных бус в новгородских слоях XIV—XV вв., вероятно, характерно и исчезновение моды на них, так как новгородцы не попытались восполнить недостаток этого вида изделий собственным производством. Изготовление только одного типа бус было освоено древнерусскими мастерами, это винтообразные бусы, которых в слоях XIV в. найдено 29 экземпляров³⁸.

Для импорта бус также характерно временное сокращение на рубеже XI—XII вв., что хорошо прослеживается на графике распределения привозных стеклянных бус (рис. 3).

Перстни

Стеклянные перстни южного производства появляются в новгородских слоях во второй половине X в. и распространяются вплоть до середины XIII в., подвергаясь за это время значительным изменениям (рис. 4). Спектрографическое исследование 100 образцов перстней показало, что в X—XI вв. в Новгороде были распространены перстни византийского производства и сделанные по «античному» рецепту³⁹. С начала XI в. получают распространение изделия непосредственно киевского производства, изготовленные из свинцового стекла. К концу XI в. они исчезают, уступая место перстням калиево-свинцового стекла также киевского производ-

³⁸ Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси, с. 82.

³⁹ Шапова Ю. Л. Стеклянные изделия древнего Новгорода, с. 112.

ва. Изделия этого состава стекла получили наибольшее распространение и бытуют на протяжении всего XII в. и первой половины XIII в. до разрушения Киева в 1240 г. ордами Чингисхана ⁴⁰. С этого времени в новгородских слоях практически не встречаются перстни киевского производства. С разрушением киевских стеклоделатель-

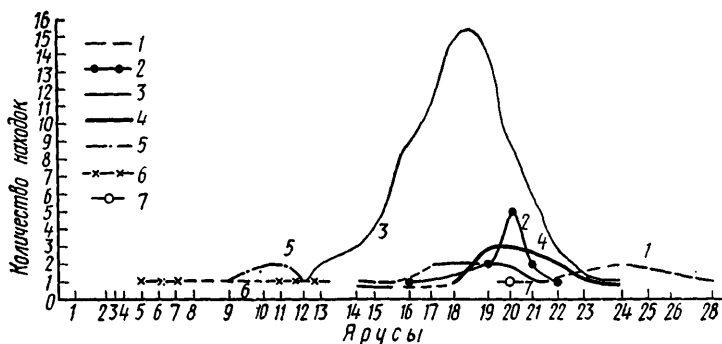

Рис. 4. График хронологического распределения стеклянных перстней (1 — византийское производство; 2, 3 — русское производство в Киеве; 4 — византийское производство в Киеве; 5 — новгородское производство; 6 — западноевропейское производство; 7 — русское производство (поиск рецепта по Ю. Л. Шаповой)

ных мастерских и развитием собственного стеклоделательного ремесла начинается местное новгородское производство перстней, возникшее на базе производства стеклянных браслетов; осуществляется также их ввоз из Западной Европы ⁴¹.

Для хронологического графика распределения перстней киевского производства характерно сокращение количества находок на рубеже XI—XII вв., что тождественно такому же сокращению других категорий южного импорта. Однако кроме общей закономерности сокращения предметов южного импорта в это время для стеклянных перстней следует подчеркнуть одну особенность: именно на рубеже XI—XII вв. происходит смена рецептов стекла в изготовлении перстней в киевских мастерских ⁴².

⁴⁰ Шапова Ю. Л. Стеклянные изделия древнего Новгорода. с. 112.

⁴¹ Там же, с. 114.

⁴² Там же.

Стеклянная посуда

Многочисленную группу импортных стеклянных изделий представляют также фрагменты стеклянной посуды (рис. 5), которая, к сожалению, известна только в обломках, что чрезвычайно затрудняет типологию сосудов. Существенным препятствием при восстановлении форм сосудов является то обстоятельство, что среди

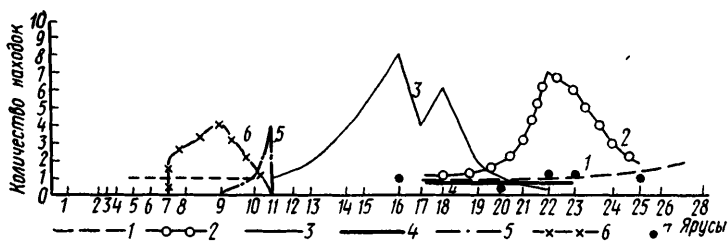

Рис. 5. График хронологического распределения стеклянной посуды (1 — византийское производство; 2, 3 — русское производство; 4 — византийское производство в Киеве; 5 — сирийское производство; 6 — западноевропейское производство; 7 — русское производство (по Ю. Л. Шаповой)

обломков посуды больше всего стенок и очень мало венчиков и донышек сосудов, обязательных для реконструкции форм. Однако с помощью спектрального анализа стеклянную посуду можно разделить на группы по химическому составу стекла.

Первые образцы стеклянной посуды южного ввоза в новгородских слоях появляются в середине X в. (28 ярус) и так же, как и перстни, бытуют до монголо-татарского нашествия. Распределение находок обломков стеклянной посуды по ярусам позволяет выделить несколько периодов ее существования в Новгороде, отличающихся один от другого не только количеством находок в каждом периоде, но и их качеством.

Первый период, продолжающийся с 972 г. по 1080 г. (28—22 ярусы), характеризуется небольшим числом сосудов (всего 12) и преобладанием среди них византийской или изготовленной по ее образцу стеклянной посуды ⁴³.

⁴³ Шапова Ю. Л. Стеклянные изделия древнего Новгорода, с. 131.

Конец XI — начало XIII в. (21—15 ярусы) относится ко второму периоду, который характеризуется наибольшим распространением стеклянной посуды. В это время преобладает калиево-свинцово-кремнеземное стекло. Ю. Л. Шапова убедительно доказала киевское производство изделий такого состава стекла ⁴⁴. Наибольшее количество стеклянных сосудов этого периода собрано в слоях XII в., что согласуется с распространением других категорий южного импорта, доставлявшихся днепровским путем. Отдельные экземпляры стеклянных сосудов киевского производства найдены в слоях второй половины XIII в.

Оконное стекло

Фрагменты оконного стекла крайне редкая находка в Новгороде. Известно всего 68 экземпляров с Неревского раскопа ⁴⁵. Застекленные окна в средневековом Новгороде были лишь во дворце князя, в домах бояр, в церквях. Небольшое количество находок оконного стекла не позволяет говорить о закономерностях его распределения по ярусам. Но некоторые общие выводы реальны. Ю. Л. Шапова, исследуя найденные в Новгороде обломки оконного стекла, отметила, что оно характеризуется наличием двух видов: русского и византийского. Причем под русским в данном случае следует понимать киевское производство ⁴⁶. Следовательно, оконное стекло в самом Новгороде не производилось, а ввозилось в домонгольское время из Киева или из Византии.

Браслеты

Самой многочисленной группой стеклянных изделий, обнаруженных при раскопках, являются обломки стеклянных браслетов. На Неревском раскопе их найдено 5226 экземпляров. Стеклянные браслеты распространены в Новгороде с середины X в. до начала XV в., но подавляющее число браслетов собрано в 19—8 ярусах, датированных 30-ми годами XII в. — серединой XIV в.

⁴⁴ Шапова Ю. Л. Стеклянные изделия древнего Новгорода, с. 131.

⁴⁵ Там же, с. 140.

⁴⁶ Там же, с. 143.

Максимальное количество браслетов сосредоточено в слоях 13—14 ярусов (30-е—70-е годы XIII в.), которые можно считать временем наивысшего расцвета производства и употребления стеклянных браслетов в Новгороде⁴⁷.

Методом спектрального анализа было исследовано 450 браслетов, что позволило сделать выводы об их импорте и собственно новгородском производстве.

В слоях 28—20 ярусов (972—1116 гг.) обнаружен всего 41 экземпляр браслетов из стекла. По анализу стекла, по орнаменту и форме все они определяются как привозные. Среди этих браслетов находятся изделия византийского и южнорусского производства. Небольшое количество импортных браслетов не позволяет установить динамику их ввоза в Новгород и выявить общие закономерности. Во второй половине XII в. начинается собственно новгородское производство стеклянных браслетов сначала из свинцово-кремнеземного стекла, а с конца XIII в. — из калиево-свинцово-кремнеземного.

Новгородское производство стеклянных браслетов достигло наибольшего развития в середине XIII в.⁴⁸, в то время как южнорусские центры производства стекла были к этому времени разгромлены. Этот факт является косвенным подтверждением существования в Новгороде собственного стекольного производства, хотя при раскопках не было обнаружено ремесленных мастерских по изготовлению стеклянных изделий, в частности браслетов. Видимо, такие мастерские ввиду огнеопасности производства были удалены от жилых построек и пока не попали в зону археологического исследования⁴⁹. На базе

⁴⁷ Полубояринова М. Д. Стеклянные браслеты древнего Новгорода. — МИА, № 117. М., 1963, с. 171, табл. 1.

⁴⁸ Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси, с. 119—132.

⁴⁹ В древности размещение различных ремесленных мастерских было строго регламентировано правилами. Так, в трактате Юлиана Аскалонита о градостроительстве в одной из византийских провинций, указано, что «стеклодувы и обрабатывающие железо... не должны располагать своих мастерских в городах. Если же встречается особая необходимость в городах и располагать там свои мастерские, этим профессиям необходимо работать в ненаселенных и обособленно расположенных местах городов» (см.: Сюзюмов М. Ю. О трактате Юлиана Аскалонита. — В кн.: Античная древность и средние века. Сборник статей по истории древнего мира и средних веков. Вып. 1. Свердловск, 1960, с. 3—35).

производства браслетов со второй половины XIII в. в Новгороде развивается выпуск перстней, близких браслетам по способу изготовления и технике производства.

Оценивая в целом наличие стеклянных изделий в Новгороде необходимо отметить, что большая часть стеклянной продукции была привозной. Собственно новгородское производство начинается с появлением массовой моды на стеклянные браслеты.

В X—XIII вв. стеклянные изделия ввозятся из Киева, среди них — предметы киевского и византийского производства. Изучение хронологических графиков стеклянных изделий позволяет говорить об общих закономерностях ввоза в Новгород уже рассмотренных категорий южного импорта, а именно: шиферных пряслиц, амфор, грецких орехов, стеклянных изделий. Подобные закономерности прослеживаются и при распределении янтарных находок именно в той части, которая относится к X — первой четверти XIII в.

Янтарь

Изделия из янтаря и необработанные фрагменты его являются одной из наиболее заметных категорий импорта, находимых при раскопках Новгорода. Коллекция этих предметов, собранная при раскопках 1951—1970 гг., насчитывает сейчас более 2000 экземпляров, ежегодно пополняясь новыми находками. Прежде всего необходимо отметить, что в Новгород янтарь доставлялся в качестве сырья для ремесленных изделий. Доказывается это положение многочисленными находками необработанного янтаря, заготовками и формой готовых изделий (в основном бус и крестов, которые имеют аналогии среди русских древностей).

Массовый характер янтарных находок дает возможность установить динамику ввоза этой категории импорта в Новгород. Публикуя в 1958 г. известные к тому времени находки янтаря, Б. А. Колчин писал, что «янтарные изделия появляются во второй четверти XI в. и бытуют до XIV в. В XIII в. из-за отсутствия янтаря его обработка временно прекратилась. В слоях этого века встречены лишь единичные экземпляры»⁵⁰. При

⁵⁰ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей, с. 111.

изучении всей коллекции янтаря, собранной на Неревском раскопе, эта картина распределения его по векам, верная в целом, уточняется и дополняется. Всего за двенадцать лет работы на Неревском раскопе было найдено 734 готовых изделия и кусков янтаря, из которых: бус — 370 экземпляров, крестов — 112, перстней — 44, прочих изделий — 37, кусков — 171. Распределив этот материал по ярусам, каждый из которых имеет точную дату, по-

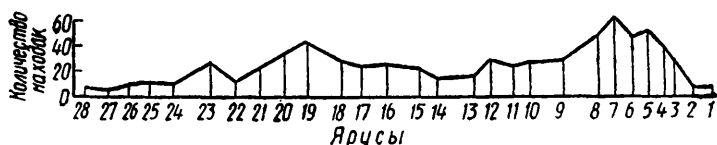

Рис. 6. График хронологического распределения янтаря Неревского раскопа

лучим полную хронологическую картину поступления янтаря в Новгород (рис. 6).

Отдельные экземпляры янтарных изделий появляются здесь уже в середине X в. (28 ярус), затем число их неуклонно растет и в середине XII в. (19 ярус) достигает наивысшего подъема. Далее наблюдается сокращение количества янтаря, вплоть до конца XIII в. (11 ярус), причем меньше всего янтарных предметов собрано в слоях 1224—1299 гг. (12—15 ярусы), после чего находки янтаря вновь становятся обильными, достигая максимума в слоях 1369—1409 гг. (6—7 ярусы). Является ли это распределение отражением действительной картины ввоза янтаря или оно представляется случайным? Обратимся к материалам других раскопов.

На Ильинском раскопе, работы на котором продолжались с 1962 по 1967 г., было собрано 156 кусков янтаря и изделий из него. К сожалению, пока еще не получены дендрохронологические данные по этому раскопу, что не позволяет построить подробную диаграмму хронологического распределения находок. Однако предварительная датировка слоев по характерным вещам, имеющим четкую датировку, дает все же возможность сгруппировать янтарные предметы Ильинского раскопа, хотя и не с такой точностью, как на Неревском раскопе, но все же достаточно определено — по векам. Так же, как

и на Неревском раскопе, здесь на XIII столетие приходится только единичные находки.

В 1970 г. на Суворовском раскопе было найдено 139 экземпляров янтарных изделий и его фрагментов. Благодаря наличию в раскопе отличной сохранности уличной мостовой, со всех ярусов которой были получены спилы для дендрохронологического анализа, оказалось возможным датировать не только каждый ярус мостовой, но и найденные в этих ярусах предметы. Таким образом, каждая находка янтаря имеет здесь четкую дату. Распределение янтаря Суворовского раскопа по ярусам (см. «Таблицу распределения категорий импорта по ярусам» с. 160—161) аналогично распределению янтаря Неревского раскопа. И в данном случае количество янтаря достигает наибольшего подъема в середине XII в., сокращаясь затем с каждым десятилетием. В XIII в. янтарь в слоях этого раскопа практически отсутствует и появляется вновь лишь в первой четверти XIV в. Правда, общего количества янтаря на Суворовском раскопе оказалось в несколько раз меньше, нежели на Неревском. Но само совпадение кривых в том и другом случае, отражающее общую для Новгорода в целом закономерность, позволяет утверждать, что найденного здесь янтаря вполне достаточно для выводов, основанных на сопоставлении цифр⁵¹.

Итак, хронологическое распределение янтаря по ярусам отражает действительную картину его импорта в Новгород. Перерыв в торговле янтарем, приходящийся на XIII в. и отмеченный ранее некоторыми исследователями⁵², убедительно подтверждается теперь рассмотренными материалами.

Однако прежде чем приступить к объяснению причин перерыва в транзите янтаря в Новгород в XIII в., обра-

⁵¹ Исследования, проведенные Б. А. Колчиным, показали правомерность сопоставления материалов обоих раскопов, несмотря на значительные различия в их размерах (соответственно 10 тыс. м² и 400 м²). В этих раскопах открыты прекрасной сохранности мостовые, что позволило получить точные дендрохронологические даты ярусов. Хронологические рамки бытования различных категорий предметов, найденных на Неревском и Суворовском раскопах, принципиально совпадают.

⁵² Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, с. 60; Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей, с. 111.

тимся к графику распределения янтаря (*рис. 6*) в новгородских слоях, который поразительно совпадает с графиком распространения в Новгороде предметов южного импорта, доставлявшихся днепровским путем. Так же, как и эти предметы, янтарь известен в Новгороде с середины X в. Постепенно распространяясь в течение XI в., его находки становятся максимальными в XII в., что также характерно для импорта шиферных пряслиц, амфор, грецких орехов (*рис. 2*), стеклянных изделий киевского производства (*рис. 3, 4, 5*). Это совпадение распределения янтаря с распределением перечисленных категорий зафиксировано даже в деталях. Установленное ранее сокращение ввоза в Новгород на рубеже XI—XII вв. товаров, поступающих днепровским путем, характерно также и для импорта янтаря (*рис. 6*)⁵³. Поскольку объективность хронологического графика поступления янтаря в Новгород несомненна, такое совпадение не случайно, а реально отражает процесс доставки в Новгород янтаря на протяжении X — первой четверти XIII в. из Приднестровья.

До недавних пор происхождение находимого в Новгороде янтаря не вызывало сомнений. Известные его месторождения в Прибалтике было принято считать единственным источником поступления янтаря в средневековый Новгород и другие древнерусские земли. Для XIV—XV вв. этот вывод бесспорен, однако что касается X—XIII вв., то аргументов для столь категоричных утверждений явно недостаточно, тем более что давно известно о месторождениях янтаря на юге России, в частности в Приднестровье.

Еще древние авторы называли источниками добычи янтаря для античного мира наряду с Сицилией и Лигурией Прибалтику и Скифию. Плиний Старший в «Естественной истории ископаемых тел» приводит свидетельство некоего Фелемона, объявившего о добыче янтаря в Скифии в двух местах: в одном — янтарь белый и воскового цвета, в другом — темнокрасный⁵⁴. О скифских янтарях упоминали также Геродот, Тацит, Теофраст. Правда, в

⁵³ Сокращение количества янтаря в 22 ярусе еще больше подчеркивает эту качественную особенность, отмеченную ранее для пряслиц, амфор, грецких орехов и стеклянных изделий.

⁵⁴ Плиний Старший. Естественная история ископаемых тел. Спб., 1819, с. 326.

России вплоть до XVIII в. мы не имеем сведений о месторождениях янтаря в Приднепровье. Только в конце XVIII в. этнограф И. Георги, путешествовавший с академиком Палласом по России, рассказал о найденных под Киевом «золотистых горящих камнях». В XIX в. сообщения о находках янтаря в пределах южной России встречаются все чаще. Ими заинтересовались геологи, посвятившие специальные статьи этим находкам. Первое достоверное известие о находке янтаря в районе Киева относится к 50-м годам XIX в., когда при строительстве Николаевского моста был обнаружен крупный кусок янтаря⁵⁵. Достаточно полное описание киевского месторождения сделано было А. Роговичем, который указывал, что янтарь встречается между Киевом и Каневом не только в белых и желтых песках с прослойками бурого угля, но и в нижележащих глауконитовых песках⁵⁶. Специальную статью о киевском янтаре написал известный в свое время геолог П. А. Тутковский⁵⁷. Автор верно определил происхождение янтаря и датировал его образование временем так называемой третичной геологической эпохи, известной под названием нижнего олигоцена. Далее ученый описал находки янтаря в Киеве и его окрестностях и указал, что промысел янтаря особенно развит по правому берегу Днепра между Киевом и Трипольем, где местные жители собирают его весной, когда воды разливов вымывают янтарь в овраги. Он же собрал разнообразные сведения о находках янтаря по Волыни в первоначальных (коренных) месторождениях⁵⁸.

Тщательный подбор и обзор всех установленных к концу XIX в. находок янтаря осуществил Ф. Кеппен⁵⁹. Кроме побережья Балтийского моря как места добычи

⁵⁵ Тутковский П. А. Юго-западный край. — «Популярные естественно-исторические и географические очерки», вып. 1. Киев, 1893, с. 17.

⁵⁶ Рогович А. О первобытном местонахождении янтаря около Киева. Казань, 1875 (Труды IV съезда русских естествоиспытателей в Казани. Вып. 4. Отдел химии, минералогии, геологии, палеонтологии).

⁵⁷ Тутковский П. А. Юго-западный край (раздел «Киевский янтарь»), с. 12—19.

⁵⁸ Тутковский П. А. Янтарь в Волынской губернии. — Труды общества исследователей Волыни, т. 6. Житомир, 1911, с. 19—58.

⁵⁹ Кеппен Ф. О нахождении янтаря в пределах России. — ЖМНП, отдел науки, 1893, ч. 28, № 8, с. 301—320.

этого сырья, исследователь отмечает еще Царство Польское, Волынскую, Киевскую, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую губернии, а также районы днепровских порогов⁶⁰ и Каховки, особенно выделяя при этом Киевскую губернию.

Перечислив районы, где встречается янтарь, Ф. Кеппен далее указывает, что удалось проследить его распространение от Балтийского до Черного моря, преимущественно по бассейнам рек Вислы, Немана, Днепра и их притоков⁶¹. Это мнение подтверждается изысканиями советских геологов. С. С. Савкевич в своем исследовании о янтаре выделяет Балтийско-Днепровскую янтареносную провинцию, граница которой на востоке и юго-востоке проходит по долине Днепра⁶². Хотя в настоящее время промышленное значение имеет лишь Пальмникенское месторождение, расположенное на территории нынешней Калининградской области, автор упоминает также и о месторождении янтаря, встречающегося в песчано-глинистых отложениях под Киевом⁶³, которое, вполне вероятно, разрабатывалось в древности.

И в археологической литературе неоднократно были сообщения о том, что янтарь, найденный в пределах Восточной Европы, не балтийского, а днепровского происхождения. Б. А. Рыбаков в исследовании «Ремесло древней Руси» писал, что «янтарь вопреки укоренившемуся взгляду отнюдь не является только балтийским товаром, а распространен почти по всей Восточной Европе»⁶⁴. При раскопках в 1926 г. Северного городища Старой Рязани была открыта мастерская по производству янтарных бус, работающая на местном красноватом янтаре⁶⁵. Подобная мастерская была обнаружена в Киеве с запасом сырья и полуфабрикатов общим весом 600 г в слоях, относящихся к рубежу XII—XIII вв.⁶⁶ М. И. Артамонов

⁶⁰ Многие авторы отмечают район днепровских порогов—Ненасытеца, Камня Плоского, у Сухих Кладов, Бочки, Долгополова — как места наиболее частых находок янтаря.

⁶¹ Кеппен Ф. О нахождении янтаря в пределах России, с. 320.

⁶² Савкевич С. С. Янтарь. Л., 1970, с. 52—53.

⁶³ Там же, с. 53.

⁶⁴ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси, с. 424.

⁶⁵ Монгайт А. Л. Старая Рязань. — МИА, № 49. М., 1955, с. 131.

⁶⁶ Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938—1947 гг.). Киев, 1951, с. 33.

при раскопках Белой Вежи также обнаружил мастерскую по изготовлению янтарных изделий и сами изделия. Исследователь уверен в приднепровском происхождении этого янтаря⁶⁷. Находки янтаря на Болгарском селище X—XI вв. также, по мнению авторов раскопок, можно отнести к днепровским месторождениям⁶⁸. Много янтарных бус найдено в могильниках Северного Кавказа, днепровское происхождение сырья которых представляется исследователям несомненным⁶⁹.

Хронологический график распределения новгородских находок янтаря и приведенные выше данные со всей очевидностью свидетельствуют о доставке янтаря в Новгород в X — первой четверти XIII в. из Приднесья.

В связи с этим выводом представляют значительный интерес находки янтаря, обнаруженные на Лубяницком раскопе. Всего здесь собрано около тысячи мелких кусочков и 9 изделий. Древняя мостовая, открытая на этом участке, позволила распределить все находки по четко датированным ярусам, в результате чего выяснилось, что подавляющее количество янтаря (около 800 экземпляров) сосредоточено в 9—11 ярусах, которые относятся к одному строительному периоду и датируются 90-ми годами XII в. — 40-ми годами XIII в. Единственным источником поступления янтаря в Новгород в это время могло быть только Приднесье, так как с начала XIII в. прибалтийское месторождение янтаря захвачено Тевтонским орденом, с которым Новгород находился в состоянии войны на протяжении почти всего XIII столетия.

Конечно, самым убедительным доказательством в пользу приднепровского происхождения янтаря, находящегося в Новгороде в домонгольское время, было бы проведение специальных анализов, позволяющих найти четкий критерий для определения характеристик балтийского и днепровского сырья. Однако исследование инфракрасных спектров этих янтарей показало их полную идентичность, поскольку оба месторождения (балтийское

⁶⁷ Артамонов М. И. Саркел-Белая Вежа. — МИА, № 62, 1958. с. 69.

⁶⁸ Ефимова А. М. Городецкое селище и Болгарское городище. — МИА, № 111, 1962, с. 47.

⁶⁹ Деопик В. Б. Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв. — СА, 1959, № 3.

и днепровское) происходят из одной янтареносной провинции⁷⁰.

Рассмотренные категории южного импорта, подчиняясь общим закономерностям, дают представление о динамике ввоза в Новгород товаров, поступающих днепровским путем, и характеризуют состояние торговых связей этого направления на разных этапах развития.

Совершенно иным закономерностям ввоза подчиняется такая массовая категория южного импорта, как самшитовые гребни.

Самшитовые гребни

Деревянные гребни, найденные на Неревском раскопе, были подробно изучены В. Е. Вихровым и Б. А. Колчиным, которых заинтересовала поразительная сохранность их древесины. Из 312 известных авторам деревянных гребней анализу было подвергнуто 85, из них только три оказались изготовленными из местных пород дерева⁷¹.

Их отличие от самшитовых резко бросается в глаза и без специального анализа, что позволяет расширить вывод об импорте древесины на весь материал отличной сохранности⁷².

Высказанное исследователями мнение о происхождении самшита вполне определено: «Самшит в Новгород мог поступать только из лесов Талыша, с северных склонов и Черноморского побережья Кавказа. Его доставляли по волжскому пути»⁷³.

Распределение самшитовых гребней по ярусам (рис. 7) показывает, что самшит как материал для производства гребней был известен в Новгороде с середины X в. На протяжении XI в. количество самшитовых

⁷⁰ См.: Савкевич С. С., Шакс И. А. К вопросу о возможности использования ик-спектров янтаря для определения его происхождения в археологических объектах. — СА, 1970, № 1, с. 265—267.

⁷¹ Вихров В. Е., Колчин Б. А. Из истории торговли древнего Новгорода. — СА, т. XXIV, 1956, с. 93—98.

⁷² Этот вывод подтверждается и результатами анализов гребней, которые были найдены в последние годы. Подавляющее большинство деревянных гребней сделаны из самшита, железного дерева, других южных пород (определение О. Н. Чистяковой).

⁷³ Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия, с. 84.

гребней увеличивается, включая также и рубеж XI—XII вв., не обнаруживая при этом тенденции к сокращению. Уменьшение числа гребней из самшита наблюдается только в первой четверти XII в., захватывая середину и конец века. Лишь на рубеже XII—XIII вв. начинается резкий рост количества самшитовых гребней, продолжающийся затем почти двести лет. Прямым подтверждением правильности этого вывода являются особенности хронологического графика костяных гребней (рис. 7). Эти особенности заключаются в том, что в каж-

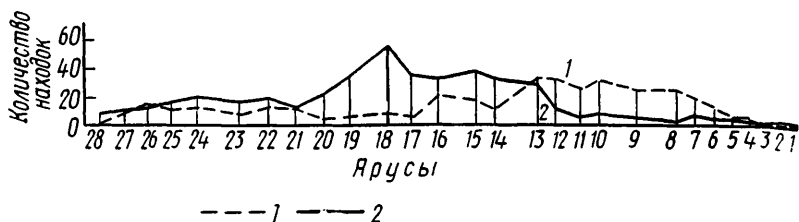

Рис. 7. График хронологического распределения гребней (1 — самшитовые, 2 — костяные)

дом ярусе уменьшение числа деревянных гребней влечет за собой увеличение количества костяных и наоборот. А это означает, что новгородские ремесленники-костерезы вынуждены были каждый раз при сокращении импорта самшита увеличивать производство изделий из местного материала.

Сопоставление всех привлеченных к исследованию категорий южного импорта позволяет обозначить в нем две группы. Одну из них составляет кавказский самшит, к другой относятся овручский шифер, амфоры, грецкий орех, стеклянные изделия, янтарь. Вряд ли нужно сомневаться в том, что движение пряслиц, амфор, стеклянных изделий и янтаря осуществлялось в Новгород днепровским путем. Поскольку импорт грецких орехов подчиняется тем же закономерностям, представляется бесспорным вывод о транзите этого продукта через Киев (из Крыма или с Балкан).

Сокращение импорта южных предметов в конце XI в. характерное для всех категорий, доставлявшихся днепровским путем, является не случайным. Оно, вероятно,

может быть объяснено какой-то конкретной ситуацией, сложившейся на этом направлении южной торговли Новгорода в рассматриваемое время, поскольку ввоз товаров волжским путем подчиняется, как установлено, иным закономерностям.

Таким образом, поиски причин сокращения импорта ряда южных предметов в конце XI в. приводят к предположению, что эти причины непосредственно связаны с взаимоотношениями Новгорода и Киева в это время.

В истории становления новгородской государственности концу XI в. соответствует весьма важный этап. В этот период боярство Новгорода приступает к решительной борьбе за создание собственного, независимого от князя органа власти. К концу 80-х годов XI в. относится возникновение посадничества нового типа, при котором посадник становится представителем новгородского боярства, а не князя ⁷⁴.

В середине 90-х годов XI в. новгородцы впервые осуществляют право изгнания неугодного им князя Давида Святославича и приглашение на его место «своего» князя — Мстислава Владимировича. В 1102 г. возникает острый конфликт между Новгородом и Киевом в связи с намерением киевского князя вмешаться в уже сложившиеся новгородские порядки. Интенсивная борьба, которая осуществлялась в форме антикняжеских выступлений, именно в конце XII в. потрясает всю систему взаимоотношений Новгорода с Киевом ⁷⁵.

Теперь очевидно, что эта борьба носила не только политический, но и экономический характер, будучи дополнена блокадой торговых путей между Новгородом и Киевом. Торговая блокада неоднократно применялась русскими князьями по отношению к независимому Новгороду и самими новгородцами против своих противников ⁷⁶. В новгородской летописи запечатлены случаи,

⁷⁴ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 59.

⁷⁵ Там же, с. 62.

⁷⁶ Ср. записи в летописях: под 1210 г. «И поиде Мстислав с всем полком на Всеволода: и была на Плескои, и присла к нему Всеволод: «ты ми есь сын, а я тебе отец; пусти Святослава с мужи и все, еже заседл, исправь; я гость пускаю и товар». И пусти Мстислав Святослава и мужи его, а Всеволод пусти гость с товары...» (НПЛ. М.—Л., 1950, с. 51—52); под 1215 г. «И зая князь верешь на Торжку не пусти в город ни воза... [Ярослав] гость новгородчкийь весь прия и бысть в Новгороде печаль и вопль» (НПЛ, с. 253).

когда перекрывались торговые пути, ведущие к Новгороду. Чаще всего это было связано с доставкой в Новгород такого жизненно необходимого товара, каким был для новгородцев хлеб⁷⁷. Конечно, перерывы в торговле менее значительными предметами летописи не отмечали, но, основываясь на результатах исследованных материалов, мы получили теперь новые данные о состоянии торговых путей между Новгородом и Киевом.

Хронологический график распределения самшитовых гребней характеризует состояние волжских торговых путей с конца X до XV в. Сокращение количества этих находок в слоях XII в.⁷⁸ может быть объяснено той обстановкой, которая сложилась в данное время в Поволжье.

С середины XI в. соседями русских княжеств стали половцы, разделившиеся на два объединения: Восточное и Западное, с которыми русские князья находились в сложных политических отношениях.

В первой четверти XII в. русские княжества по инициативе Владимира Мономаха постоянно проводили наступления на половцев, что вызывало ответные действия. В это время зафиксировано девять набегов половцев, из которых пять закончились для них поражением и ответными походами русских.

Начиная с 30-х годов XII в., половцы принимают активное участие в междоусобной борьбе Ольговичей и Мономаховичей. Примерно за тридцать лет было совер-

⁷⁷ Как отмечают многие авторы, потребность в хлебе была весьма важным стимулом в новгородской торговле. Поскольку новгородская земля не была в состоянии обеспечить себя своим хлебом, вследствие чего часто бывали голодные годы, отмеченные не раз летописцем, Новгород получал хлеб с юга, Днепром или с Верхнего Поволжья, из Ростово-Суздальской земли. В годы неурожая хлеба в указанных районах или в случаях торговой блокады, поставщиками хлеба становились немецкие купцы. Так, в 1230 г. — 1231 г., во время ужасного голода в Новгороде, его жители были спасены только благодаря доставкам хлеба немцами, о чем летописец под этим годом сделал запись: «Прибегоша Немци и-замоуриа с житом и мукою и створище много добра: а уже бяше при концы город сии» (НПЛ, с. 71).

⁷⁸ Б. А. Колчин пишет о почти полном отсутствии гребней из самшита в слоях XII в., что не согласуется с полученными нами данными (см.: Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия, с. 84).

шено пятнадцать набегов западных половцев на стороне Ольговичей.

Последняя треть XII в. характеризуется политическим возвышением восточных половцев под предводительством хана Кончака, совершившего удачный поход на Русь. И лишь в конце XII в. силы половцев слабеют и их набеги на соседние русские княжества прекращаются ⁷⁹.

Неустойчивое положение, характерное для Поволжья в XII в., постоянные военные столкновения в этом районе затрудняли торговое движение по Волге. Этим обстоятельством и вызвано сокращение ввоза самшита в рассматриваемое время. Заметное падение количества самшитовых гребней приходится на 14 ярус, датированный 1238—1268 гг. (рис. 7). Оно связано с монголо-татарским нашествием, из-за которого торговое движение по Волге временно прекратилось.

Но зато со следующего яруса (1268—1281 гг.) увеличение импорта самшита, характерное для всего XIV в. ⁸⁰, не противоречит и политическим событиям того времени. Монголы, укрепив свое господство почти над всей южной и северо-восточной Русью, в дальнейшем не препятствовали нормальному развитию торговых связей Новгорода и даже сами принимали в них активное участие, что подтверждается находками в новгородских слоях фрагментов поливной золотоордынской керамики.

Поливная керамика

Привозной поливной керамике, найденной при раскопках в Новгороде в 1951—1960 гг., посвящена статья А. Ф. Медведева ⁸¹. Им исследованы все образцы импортной керамики, определены центры ее производства, найдены аналогии среди ближневосточных и среднеазиатских древностей, установлены максимальные даты распространения того или иного вида керамики.

⁷⁹ Пашуто В. Г. Внешняя политика древней Руси. М., 1968.

⁸⁰ Данные по Неревскому раскопу подтверждаются находками из Кировского раскопа, в котором в слоях XIV в. найдено 30 деревянных гребней, в то время как костяных всего пять.

⁸¹ Медведев А. Ф. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде. — МИА, № 117. М., 1963, с. 269—286.

В нашей работе мы используем лишь хронологическое распределение привозной поливной керамики в новгородских слоях, дополнив данные статьи находками 1961—1962 гг. Всего на Неревском раскопе собрано около 100 фрагментов привозной керамики (рис. 8).

Ближневосточная керамика иранского производства (центров Рея, Кашана и др.) найдена всего в нескольких

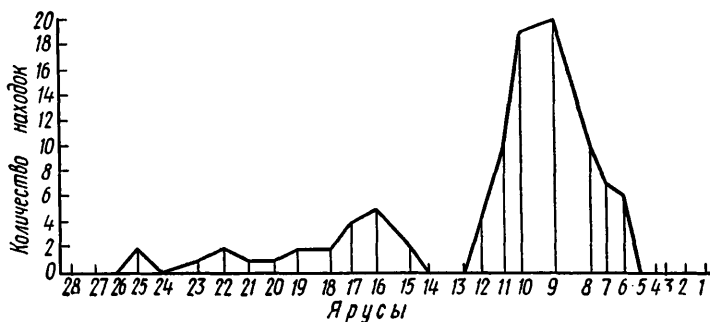

Рис. 8. График хронологического распределения поливной керамики

фрагментах (22 экземпляра). Эта керамика обнаружена в слоях XI — 30-х годов XII в.⁸² Количества имеющихся образцов данного типа недостаточно для определения динамики ее ввоза и характеристики торговых путей, однако некоторые выводы сделать все-таки можно. Распространение иранской поливной посуды в Новгороде только в слоях, предшествовавших монгольскому нашествию, может быть объяснено тем, что, вероятно, этот вид керамики поступал в Новгород днепровским путем, который с разрушением Киева перестал играть сколько-нибудь существенную роль в торговых связях Новгорода.

В большем количестве собраны фрагменты золотоордынской керамики (76 экземпляров). Вся она обнаружена в слоях второй половины XIII — начале XV в., достигая максимального числа в слоях XIV в.⁸³ Как отмечает А. Ф. Медведев, это «прекрасно согласуется с историче-

⁸² Медведев А. Ф. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика..., с. 270.

⁸³ Там же, с. 273.

скими событиями того времени» и подтверждается теперь хронологическим распределением в новгородских слоях самшитовых гребней, также доставлявшихся волжским путем.

Интересные наблюдения получены А. Ф. Медведевым при составлении топографии привозной поливной керамики. Оказалось, что все находки сосредоточены в районе усадеб аристократической семьи Мишиничей-Онцифоровичей⁸⁴. Это позволило автору утверждать, что импортная поливная керамика стоила дорого и была доступна лишь самым богатым новгородцам. Такой вывод подтверждается и раскопками следующих лет. Только на Ильинском раскопе (1962—1967 гг.), где была расположена усадьба богатого боярина, что устанавливается берестяными грамотами и другими находками, встречены образцы привозной поливной керамики. На всех других раскопах 1967—1971 гг. таких находок не обнаружено.

Сердоликовые и хрустальные бусы

Нам остается рассмотреть находки сердоликовых и хрустальных бус в новгородских слоях. Как убедительно доказала М. В. Фехнер, эти украшения являются предметами восточного импорта⁸⁵. По сообщению Бируни, Басра, Кашмир, Хорасан и Бадах, расположенные на Арабском Востоке и в Индии, были крупными центрами по производству различных поделок из камня, в том числе из сердолика и хрусталя⁸⁶.

Сердоликовые и хрустальные бусы получили широкое распространение в древней Руси и являются частой находкой при раскопках городищ и курганов. Территория их распространения почти полностью совпадает с ареалом арабских монет в древней Руси⁸⁷, что может

⁸⁴ Медведев А. Ф. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика... с. 271, 273.

⁸⁵ Фехнер М. В. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII в. — В сб.: «Международные связи России до XVII в.». М., 1961, с. 44—55.

⁸⁶ Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). Л., 1963.

⁸⁷ Янин В. Л. Денежно-весовые системы...; Фехнер М. В. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII в.

быть дополнительным аргументом в пользу их восточного происхождения.

В Новгороде сердоликовые и хрустальные бусы встречены в незначительных количествах: сердоликовых — 65 экземпляров, хрустальных — 33 (см. таблицу). Учитывая способность указанных бус к длительному бытованию, нельзя признать объективными их хронологические графики, но несомненно, что так же как и многие другие предметы южного импорта, они были распространены в Новгороде в домонгольское время. В слоях XIV—XV вв. сердоликовые и хрустальные бусы встречались единицами. В это время в Новгороде получили широкое распространение хрустальные вставки, составленные из двух половинок с цветной прокладкой. Исследованиями последних лет установлено их западноевропейское происхождение⁸⁸, поэтому их характеристика будет дана в соответствующем разделе главы «Западный импорт».

⁸⁸ Аксентон Ю. Д. «Дорогие камни» в культуре древней Руси (по памятникам прикладного искусства и литературы XI—XV вв.). Автореф. канд. дисс. М., 1974.

Глава II

ЗАПАДНЫЙ ИМПОРТ

Прежде чем переходить к характеристике предметов западного импорта, обнаруженных при раскопках Новгорода, необходимо дать хотя бы общий обзор истории торговых отношений Новгорода с Западом.

Если о южном направлении новгородской торговли почти нет сведений в письменных документах, то о западных торговых связях Новгорода имеется обширная группа источников, но в основном это документы XIV—XV вв., отчасти XIII в. Число же письменных сообщений, относящихся к раннему периоду новгородской торговли западного направления, также незначительно.

Начало торговым отношениям Новгорода с западными соседями и странами, расположенными на Балтийском побережье, было положено еще его связями с коренным славянским населением как северной, так и южной Прибалтики¹. «Жители незначительных городов в Нижней Саксонии и Вестфалии плавали на своих маленьких ладьях не только вверх по Эмсу, Везеру и Эльбе, но также в Северное и Балтийское моря, торговали по берегам Лифляндии и Эстляндии и до Новгорода еще задолго до того, как ими была основана на острове Готланд колония Висби — общий сборный и складочный пункт северонемецкого купечества»².

Основными партнерами в западной торговле Новгорода были Готланд, Любек, Швеция; позднее — Ганзейский союз. Историю развития торговых отношений с ними можно разделить на несколько периодов.

¹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, с. 89.

² Маркс К. Хронологические выписки. I. — «Архив Маркса и Энгельса», т. V, 1938, с. 340.

Первый период, продолжающийся в течение XI—XII вв., характеризуется активной торговой деятельностью Готланда, его господством на Балтийском море. Остров Готланд, расположенный почти на равном расстоянии от Швеции, Германии и Руси и не зависивший ни от одной из этих стран, сосредоточил в своих руках всю северо-западную торговлю и являлся продолжительное время основным посредником в балтийской торговле. Имеются свидетельства, сообщающие, что все купцы, отправлявшиеся из Германии на Русь, в северную Прибалтику и обратно, непременно должны были посещать Готланд. Таким образом, этот остров был как бы промежуточным пунктом на торговых путях Балтики³.

Доказательством ранних торговых связей Новгорода с Готландом могут служить многочисленные находки арабских монет, которые поступали на остров через территорию Руси, в частности и из Новгорода⁴.

В русских летописях сведения о русско-готских отношениях впервые появляются под 1130 г.: «В то же лето идуще и-замория, с Гот, и потопа лодии 7, и сами истопоша, и товар, а друзии вылезоша нъ нази»⁵. Кроме того, на присутствие готландцев в Новгороде указывают и некоторые косвенные данные. Так, есть известие о том, что новгородцы обращались за церковными требами к варяжским попам⁶. Варягами новгородцы называли жителей острова Готланд, в то время как жителей материковой Швеции они называли свеями⁷.

На существование самой Варяжской церкви в Новгороде указывают свидетельства летописей о ее пожарах. Первое подобное сообщение относится к 1152 г.⁸, в дальнейшем упоминание о пожарах Варяжской божницы встречается под 1181, 1217, 1272, 1311 годами. Единственной иноземной церковью в Новгороде в начале XII в. могла быть только божница, расположенная на Готском

³ Goetz L. K. *Deutsch-russische Handelgeschichte der Mittelalters*. Lübeck, 1922, S. 19.

⁴ Stenberger M. *Die Schatzfunde Gotlands. Der Wikingerzeit*. Bd. I. Stockholm, 1958; idem. Bd. II. Stockholm—Lund, 1947.

⁵ НПЛ. М.—Л., 1950, с. 22.

⁶ «Оже носили к варяжскому попу на молитву». РИБ, т. 6, ч. 1. СПб., 1908, стб. 60.

⁷ Шаскольский И. П. Сигтунский поход 1188 г. — «Исторические записки», 1949, № 29.

⁸ НПЛ, с. 29.

дворе и известная по иностранным источникам как церковь св. Олафа ⁹.

Иными словами, в XII в. мы застаем уже сложившуюся систему взаимоотношений Новгорода с Готландом, которые возникли, вероятно, еще в XI в.

Наряду с Готландом, в середине XI в. большое торговое значение приобретает город Любек, возглавивший впоследствии Ганзейский союз. Возникший на месте древнего славянского поселения в удобной бухте, этот город издавна стал важным торговым центром, куда съезжались купцы из разных стран. С началом агрессии немецких рыцарей Любек не утратил былого значения, напротив, стал быстро расти, получая все новые привилегии и раздавая таковые своим партнерам по торговле ¹⁰. Русские купцы посещали Любек уже в XII в., что подтверждается льготной грамотой, данной Фридрихом I иностранным купцам в 1188 г., по которой «русским, готам, норманнам и другим народам Востока» было предоставлено право беспошлинной торговли в Любеке ¹¹. Под «русскими» в данном случае следует подразумевать скорее всего новгородцев, которые были удобно связаны водным путем с Балтийским и Северным морями и совершали по ним поездки.

Основной торговой дорогой, соединявшей Новгород с Балтийским морем, была часть великого пути «из варяг в греки»: Волховом до Ладожского озера, далее — Невою в Финский залив, откуда попадали на Готланд и любой пункт на Балтийском побережье (*рис. 1*). Удалось уточнить маршрут кораблей, направлявшихся из Финского залива на Готланд, в Швецию, в южную часть Балтийского моря и далее. Исследуя сообщения арабского автора Идриси, описавшего в своем знаменитом географическом сочинении Балтийское море и окружающие его земли, И. П. Шаскольский пришел к выводу, что

⁹ Березков М. Н. О торговле России с Ганзой до конца XV в. Спб., 1879, с. 59.

О времени постройки этой церкви, так же как и о времени возникновения Готского двора, мы не имеем определенных известий. Об истории Готского двора, об этапах его существования будет рассказано в главе IV нашего исследования.

¹⁰ Фортинский Ф. Я. Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского Союза до 1370 г. Киев, 1887.

¹¹ Goetz L. K. Op. cit., S. 26.

в IX—XIII вв. торговый путь «от устья Невы вдоль эстонского берега пересекал Финский залив в районе Таллинской бухты и шел вдоль юго-западного побережья Финляндии и через Аландские шхеры к Швеции и далее»¹². На остров Готланд следовало плыть из Таллинской бухты вдоль северного побережья Эстонии, минуя острова Хиума и Сааремаа, через Балтийское море¹³. Однако движение в этих районах не всегда было безопасным, особенно во время столкновений со Швецией, неоднократно запрещавшей купцам торговые поездки в Новгород¹⁴.

Кроме того, были и другие пути, соединяющие Новгород с Западной Европой. Среди них главным являлся лужский, который исследователи считают даже более коротким, чем путь по Неве¹⁵. Следуя из Ильменя реками Шелонью и Мшагой, попадали далее волоками в р. Лугу, откуда открывался прямой путь в Нарву (исходный пункт этого пути) и в Финский залив¹⁶.

Еще был псковский путь, известный в литературе лучше других, который соединял Новгород с Псковом и с лифляндскими городами. Из Новгорода Ильменем попадали в р. Шелонь, затем в ее приток Узу, откуда волоком до р. Черехи, а далее беспрепятственно р. Великой приходили в Псков¹⁷.

Таковы основные торговые дороги, связывающие Новгород с Западом. Сами новгородцы в XI—XII вв. вели активную торговлю, т. е. совершали поездки в Любек (о чем свидетельствует приведенная выше льготная грамота), в Данию, в Швецию, на Готланд. Известно о существовании в последнем из названных пунктов новгородского двора с церковью св. Николая¹⁸. Исследова-

¹² Шаскольский И. П. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX—XIII вв. — «Географический сборник», вып. 3. М.—Л., 1954, с. 156.

¹³ Там же, с. 157—158.

¹⁴ Хорошкевич А. Л. Торговля Новгорода в XIV—XV вв. с. 311.

¹⁵ Ходаковский А. Пути сообщения в древней Руси. — РИС, т. 1, 1837, с. 18.

¹⁶ Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело..., с. 111; Никитский А. И. История экономического быта, с. 107.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Арсеньев С. В. Древности острова Готланд. — «Записки императорского русского археологического общества», т. 5. Спб., 1891, с. 230—235; Johansen P. Die Kaufmannskirche im Ostseegebiet. — «Vorträge und Vorschungen», Bd. IV.

тели новгородских торговых путей вообще характеризуют XII в. как время наибольшего расцвета морских поездок новгородцев, когда они свободно плавали по Балтийскому морю¹⁹. Существовало даже объединение «заморских» купцов, поставивших в 1156 г. в Новгороде, на Торгу, церковь Параскевы²⁰. Летописное сообщение о постройке этой церкви вызывало различные толкования, заключающиеся в основном в том, что в заморских купцах видели иностранцев, торговавших в Новгороде. Нам же представляется несомненным, что строителями церкви Параскевы были новгородские купцы, ведущие заморскую торговлю.

Распространяя свое влияние на Балтийском море, Любек становится одним из главных вендских городов (Висмар, Росток, Штральзунд и Грейфсвальд), послуживших впоследствии основой для создания общей немецкой Ганзы. Поскольку Готланд был центром всей балтийской торговли, немцы из Любека вступили с ним в непосредственные сношения, начало которых может быть отнесено ко времени второго основания Любека в 1158 г.²¹ Немецкие купцы из Любека охотно посещали готский рынок и даже переселялись на постоянное жительство в Висби. Особое значение для упрочения мирных отношений Готланда с Любеком имел договор 1163 г., по которому Генрих Лев предоставил готским купцам ряд привилегий с условием, что они будут посещать Любек²².

Укрепление мирных связей немцев с готами в результате этого договора вело к непосредственному знакомству немцев с давними партнерами готов — русскими. Развитие торговых отношений между Новгородом и его западными партнерами требовало установления определенных правил ведения торговли, которые оформлялись как договоры между заинтересованными сторонами. Древнейшим из таких дошедших до нас документов считается договор конца XII в., причем он называется под-

¹⁹ Мавродин В. В. Начало мореходства на Руси. Л., 1949; Шаскольский И. П. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX—XVIII вв. — Труды ЛОИИ, вып. II. Л., 1970, с. 15.

²⁰ НПЛ, с. 30. «В то же лето поставиша заморстии церковь св. Пятнице на Торгу» (под 1156 г.).

²¹ Goetz L. K. Op. cit., S. 22.

²² Ibidem.

тверждением старого мира: «Се яз князь Ярослав Владимирович, сгадав с посадником с Мирошкою и с тысяцким Яковом и с всеми новгородци, подтвердихом мира старого с послом Арбудом и с всеми немецкими сыны и с Гты и с всем латинским языком»²³. Интересно, что из пятнадцати статей договора по крайней мере десять относятся к уголовному праву и только в последних пяти определяется порядок судопроизводства. О торговле же не сказано ни слова, вероятно, предполагалось, что она будет вестись по старому обычаю, хорошо знакомому и готам и русским. Немцы же, столь любившие подробные письменные определения условий торговли, должно быть, в данном случае чувствовали себя не слишком уверенно, чтобы заявить свои требования. Торговля в это время велась еще под эгидой готских купцов.

Появившись в Новгороде, немецкие купцы тоже, по примеру готских, образовали свой двор с церковью св. Петра²⁴. Со временем число немецких купцов на Висби возросло настолько, что стало возможным образование их отдельной колонии в этом городе; «в актах второй половины XIII в. встречаются указания на постепенное преобладание немецкого элемента над готским и на превращение Висби в чисто немецкий город»²⁵. В конце концов немцы потеснили готов в торговле с русскими. С возвышением Любека начинается борьба за приоритет в северо-восточной торговле, продолжавшаяся с переменным успехом в течение всего XIII в. и закончившаяся в конце века победой любекских немцев.

С конца XIII в. начинается второй период (1269—1392 гг.) в новгородской торговле с Западом, для которого характерно преобладание влияния Любека²⁶. В 1370 г. окончательно оформляется Ганзейский союз, в котором с момента образования и вплоть до конца XIV в. Любек занимал ведущее положение.

К началу XV в. руководство в торговле с Новгородом в Ганзейском союзе переходит к ливонским городам, главными из которых были Рига, Дерпт и Ревель, что знаменует третий период (1392—1494 гг.) в новгородско-

²³ ГВНИП, с. 55, № 28.

²⁴ Вопросы основания и истории Немецкого двора будут рассмотрены в третьей главе одновременно с историей Готского двора.

²⁵ Фортинский Ф. Я. Приморские вендские города., с. 358.

²⁶ Goetz L. K. Op. cit., S. 32.

немецких отношениях²⁷. В это время Любек ведет борьбу с Данией, что позволило ливонским городам усилить свое влияние в новгородской торговле, чему способствовали также и территориальная близость названных городов Новгороду и установление непосредственно на материке торговых путей, независимых от соседних стран. Основным таким путем был псковский, по которому в Новгород можно было легко попасть из ливонских городов, минуя Балтийское море, бывшее ареной борьбы Дании, Швеции, Норвегии, запрещавших торговлю с Новгородом.

Вплоть до закрытия Немецкого двора в Новгороде в 1494 г. Иваном III руководство в Ганзейском союзе находится в руках ливонских городов. В этих городах существовали русские дворы, основателями которых, несомненно, были новгородские купцы.

Такой представляется история торговых отношений Новгорода с основными западными партнерами²⁸. Меньше известно о торговле с Данией и Норвегией в ранний период, но некоторые косвенные данные имеются²⁹.

Так же, как и в отношениях с Готландом, главным свидетельством установления ранних торговых связей Новгорода с Данией являются находки на территории последней кладов куфических монет IX—X вв. Всего в Дании известно в настоящее время 87 таких кладов³⁰. По сообщениям Адама Бременского и Саксона Грамматика, датчанам и норвежцам были хорошо знакомы побережье Балтийского моря и Новгород: «Датчане ходили из Дании в Остроград (Новгород)»³¹. В новгородской летописи есть сообщение о поездках новгородцев в начале XII в. в Данию³². Косвенным подтверждением

²⁷ Goetz L. K. Op. cit., S. 32.

²⁸ Здесь представлена только схема развития этих отношений, детальное изучение которых составляет тему специального исследования.

²⁹ Шаскольский И. П. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX—XVIII вв. — Труды ЛОИИ, вып. II, Л., 1970; Свердлов М. В. Дания и Русь в XI в. — Труды ЛОИИ, вып. II, Л., 1970.

³⁰ Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968, с. 38.

³¹ Никитский А. И. История экономического быта., с. 27.

³² Летопись под 1130 г. сообщает о благополучном возвращении новгородцев из Дании (НПЛ, с. 22). Под 1134 г. далее записано: «...рубаша новгородць за морем в Дони» (НПЛ, с. 23). В пользу

существования в раннее время торговых отношений Новгорода с Данией может служить находка в слоях XI в. кости с датской рунической надписью ³³.

О торговле с Норвегией русские письменные источники до XIV в. не содержат почти никаких сведений, за исключением двух известий исландских саг о торговых поездках норвежцев в Новгород ³⁴.

Совсем мало сохранилось письменных документов о торговле Новгорода с Тевтонским орденом, с которым после продолжительной борьбы в XIII в. Новгород установил торговые отношения.

Обращение к массовым археологическим категориям западного импорта позволяет уточнить и дополнить уже известные письменные данные о состоянии торговли Новгорода с Западом. К таким категориям западного ввоза, постоянно встречающимся при раскопках, относятся янтарь, цветные металлы, стеклянные изделия, ткани, хрустальные вставки перстней.

Янтарь

В предыдущей главе установлено, что хронологический график распространения янтарных находок в новгородском культурном слое объективно отражает ввоз янтаря в средневековый Новгород. Многочисленные сведения о месторождениях янтаря в Приднестровье и совпадение графика янтаря с графиками других южных товаров, доставлявшихся днепровским путем, делают несомненным вывод об импорте янтаря в X — первой четверти XIII в. из Приднестровья, а точнее, из самого Киева. С нашествием монголо-татар днепровский путь практически перестал играть сколько-нибудь заметную роль в новгородской торговле, о чем убедительно свидетельствует распределение в культурном слое Новгорода предметов южного импорта, поступающих днепровским путем. Следовательно, и янтарь перестал поступать из

непосредственного образования древнерусского «Донь» от «Дания» высказался М. Р. Фасмер, автор «Этимологического словаря русского языка», т. I. М., 1964. Ср. сообщение летописи под 1302 г.: «...послаша послы за море в Доньскую землю» (НПЛ, с. 91).

³³ Макаев Э. А. Руническая надпись из Новгорода. — СА, 1962, № 3.

³⁴ Шаскольский И. П. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX—XVIII вв., с. 42.

Приднестровья после монгольского нашествия, а его находки в слоях второй половины XIII—XIV вв. отражают закономерности ввоза янтаря уже из Прибалтики, где его месторождения известны с глубокой древности, а промышленные разработки ведутся до сих пор.

Заметное сокращение находок янтаря в слоях XIII в. (рис. 6) объясняется, кроме указанных выше причин, также и тем, что из Прибалтики янтарь в это время поступать не мог³⁵, поскольку на западных рубежах Новгородской земли складывается сложная политическая обстановка.

В начале XIII в. начинается захват прибалтийских земель немецкими рыцарями-крестоносцами. Тевтонский орден, орден Меченосцев, а затем и Ливонский орден начали завоевание Прибалтики, покорив в начале века ливов. К 1228 г. та же участь постигла эстов, ближайших соседей Новгорода, а в 30-е годы началось завоевание Пруссии, продолжавшееся более полувека. Агрессия рыцарей и их стремление укрепиться на земле эстов стали серьезной политической угрозой для Новгорода, тем более, что немцы неоднократно совершали набеги в пограничные новгородские земли. Новгородская летопись хранит многочисленные сообщения о походах новгородцев в Чудскую землю против немцев и о столкновениях с ними. Такие сведения записаны под 1212, 1214, 1219, 1223, 1224, 1228, 1234, 1240, 1241 годами³⁶. Наконец, в 1242 г. произошло знаменитое Ледовое побоище, которое остановило движение немцев на Русь. Однако и после этого разгрома они пытались предпринимать набеги на русские земли (в частности, в 1253 г. был совершен набег на псковский посад). Лишь после

³⁵ Определенное количество янтаря, обнаруженное в слоях второй половины XIII в., отражает закономерности его пережиточного бытования. Необходимо отметить, что янтарь, как и некоторые другие категории находок, имеет способность к длительному переживанию, т. е. однажды привезенный в Новгород, он продолжительное время был в употреблении и попадал в землю спустя несколько лет или даже десятков лет после его доставки. Следовательно, в каждом ярусе наряду с только что привезенными экземплярами находятся и такие, которые были импортированы задолго до того, как они попали в землю. Несомненно, что в слоях второй половины XIII в. (период, когда янтарь в Новгород не ввозили) находятся предметы, доставленные в начале века.

³⁶ НПЛ, с. 52, 59, 61, 66, 72—73, 77, 78.

Раковорской битвы 1269 г. отношения с немцами несколько стабилизировались.

Торговые пути, соединяющие Новгородскую землю с Прибалтикой, становятся особенно опасными именно в XIII в. Сохранность купеческих товаров, безопасность движения на этих путях перестали быть гарантированными. Но, разумеется, главной причиной нарушения торговли между Новгородом и Прибалтикой было состояние войны, которое исключало всякую возможность торговых сношений. А поскольку основной район добычи янтаря в Прибалтике (Пруссия) находился тогда в руках Тевтонского ордена, становится понятным и резкое сокращение находок янтаря в XIII в. в Новгороде.

Тевтонский орден, захватив Пруссию, на землях которой находили наибольшее количество янтаря, и получив от римского папы акт на вечное владение этой территорией, объявил своей собственностью все запасы янтаря. В XIII в. была установлена янтарная регалия, по которой Ордену передавалось исключительное право на получение доходов от монополизированной добычи и торговли янтарем. По приказу одного из правителей новых земель казнили любого человека, собиравшего янтарь без особого разрешения. Был даже специальный палач, приводивший в исполнение все приговоры по янтарным делам. Наказание было суровым — за присвоение трех фунтов янтаря грозило колесование. По распоряжению Ордена весь берег был покрыт виселицами для устрашения контрабандистов. Жители прибрежных селений давали присягу не собирать янтарь, а также не скупать его; с наступлением темноты запрещалось выходить к морю. Собирали янтарь для Ордена крепостные по особому назначению. В дальнейшем сбор янтаря был передан союзу немецких рыбаков, получавших от Ордена за каждый фунт янтаря фунт соли.

С захватом прусской территории Тевтонский орден стал единственным поставщиком янтаря в древнерусские и другие земли.

С начала XIV в. стабилизируются мирные отношения между Новгородом и Орденом, что нашло свое отражение и в доставке янтаря. Именно с начала XIV в. находки янтаря в Новгороде вновь становятся обильными, достигая максимального числа во второй половине XIV — начале XV в.

Одним из основных видов сырья, в котором остро нуждалась древняя Русь, в том числе и Новгород, было серебро. До XVII в., когда были открыты серебряные рудники Урала, Русь ввозила его из-за рубежа.

Находок серебра в новгородских слоях совсем немного. Их количество едва достигает 100 экземпляров (учитываются и предметы из биллона — сплава серебра с оловом). Примененный к другим предметам импорта наш метод распределения их по ярусам с целью выяснения динамики ввоза в данном случае не оправдывает себя. Серебро, поступающее в Новгород преимущественно в виде монеты, в дальнейшем многократно переплавлялось для нужд местного денежного производства (литья слитков) и для изготовления различного рода украшений³⁷. В силу этого оно не может непосредственно свидетельствовать о торговых связях Новгорода.

Об импорте серебра в Новгород, как и вообще в древнюю Русь, мы судим по ввозу монеты. Клады арабских и западноевропейских монет и многочисленные отдельные находки этих монет, обнаруженные на европейской территории СССР, отражают закономерности ввоза серебра в древнюю Русь, в том числе и в Новгород. Вопросам топографии кладов арабских и западноевропейских монет, а в связи с этим изучению торговых связей с Востоком и Западом, проблемам обращения серебра на территории Древней Руси, а также выяснению причин кризисов восточного и западноевропейского серебра посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных авторов, в которых все перечисленные проблемы подробно исследуются³⁸.

³⁷ «Нет никакого сомнения в том, что какая-то часть серебра, ввезенного в Восточную Европу еще в IX—XI вв., содержится в современной утвари и украшениях» (Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 13).

³⁸ См.: Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). Спб., 1910; Ильин А. А. Топография кладов древних русских монет X—XI вв. Л., 1924; Быков А. А. Клад серебряных куфических монет, найденный в Новгороде в 1903 г. ИГАИМК, 1925, т. 4; Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе. — ИАН, VII серия. Отд. обществ. наук, 1933, № 6—7; Янин В. Л. Денежно-весовые системы...; Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства...

Основным средством получения серебра до начала XI в. была восточная торговля. Изучение топографии кладов арабских монет дало возможность определить пути их продвижения по территории древней Руси, а следовательно, и основные торговые направления. Как отмечает В. Л. Янин, «значительная часть восточной монеты уходила на юго-запад по Окскому пути, который связывал Булгар с Киевом. Не менее обильный поток восточной монеты направлялся из Булгара через низовье Оки по Клязьме и Нерли на верхнюю Волгу, далее на территории кривичей и новгородских словен, уходя частично в Западную Европу»³⁹.

Тщательный анализ позволил установить четыре периода обращения куфических монет на территории Восточной Европы, для каждого из которых оказались характерными определенные типы монет⁴⁰.

В пределах Новгорода и его ближайших окрестностей к настоящему времени обнаружено 7 кладов куфических монет. В самом Новгороде известно три таких клада, один из них был найден еще в 1903 г., два других выявлены при систематических археологических исследованиях древнего Неревского конца. Первый неревский клад, обнаруженный в 1953 г., находился в срубке, расположенном недалеко от перекрестка Великой и Холопьевой улиц. В нем обнаружено 60 целых и 811 обрезков монет общим весом около 600 г.⁴¹ Второй клад найден в 1956 г. вблизи перекрестка Великой и Козмодьянской улиц. В его состав входит 735 монет (131 целая, остальные в обломках), общий вес которых равен примерно 1 кг⁴².

Оба клада обнаружены в 27 строительном ярусе, датированном 972—989 гг., и по своему географическому, династическому и хронологическому составу чрезвычайно близки друг другу, являясь по существу двойниками⁴³. Вместе с тем их состав характерен для

³⁹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 105.

⁴⁰ См.: Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет...; Янин В. Л. Денежно-весовые системы..., с. 105.

⁴¹ Янина С. А. Неревский клад куфических монет. X в. — МИА, № 55. М., 1956.

⁴² Янина С. А. Второй неревский клад куфических монет. X в. — МИА, № 117. М., 1963.

⁴³ Там же, с. 287.

всех русских кладов 70-х годов X в. и является прекрасным подтверждением выводов Р. Р. Фасмера и В. Л. Янина о периодах обращения на территории Руси определенных типов куфических монет.

Исследование монетного состава всех новгородских кладов этого времени показывает значительные их отличия от кладов дирхемов, обнаруженных в Западной Европе и в Скандинавии. Это позволило специалистам сделать выводы о том, что в отличие от IX в. восточные монеты, поступающие на Русь в X в., почти полностью были предназначены для нужд собственного товарно-денежного развития, а не для транзитной торговли⁴⁴.

С наступлением «кризиса» восточного серебра в конце X в. его поставщиком в Древнюю Русь, и в том числе в Новгород, становится Западная Европа. При этом Новгород оказывается в наиболее выгодном положении, поскольку ввоз западноевропейского серебра осуществлялся через северо-западные границы, в основном оседая на территории Новгородской земли и ближайших к ней областей.

В Новгородской земле обнаружено наибольшее количество находок западноевропейских денариев (45 кладов и 83 отдельных экземпляра)⁴⁵. Монетный состав данных кладов позволяет считать главными поставщиками западноевропейского серебра Германию и Англию. Монеты этих стран преобладают в новгородских кладах. Аналогичное распределение монет обнаруживается в кладах западноевропейских денариев, происходящих с южного славянского побережья Балтийского моря. Напрашивается вывод о едином торговом пути, по которому поступали западноевропейские монеты, и о традиционности связей древней Руси с балтийскими славянами.

С прекращением импорта западноевропейского денария на Руси наступает так называемый безмонетный период, в течение которого эквивалентом монеты служили различные предметы (меха, шиферные пряслица,

⁴⁴ Янин С. А. Неревский клад..., с. 184.

⁴⁵ Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства..., с. 47. Хотя в самом Новгороде не обнаружено кладов западноевропейских монет, однако отдельные находки денариев при раскопках известны.

бусы и др.)⁴⁶. Однако западноевропейское серебро продолжало поступать, но уже не в виде монеты, а в виде слитков. При этом подавляющее большинство их получал Новгород, переливавший это серебро в стандартные платежные слитки и снабжавший ими остальную Русь. Эти слитки, известные под названием «гривна серебра», представляли собой продолговатые бруски серебра с треугольным или близким к нему сечением, вес которых равнялся приблизительно 200 г.⁴⁷. Самая большая коллекция таких слитков находится в Эрмитаже. Известны и археологические находки серебряных слитков в Новгороде.

Кроме западноевропейского, некоторую часть серебра новгородцы могли получать в виде военной добычи и дани от угро-финских племен, живущих в северо-восточных приуральских местностях. В Новгородской

с. 187—189.
47 Сотникова М. П. Из истории древнерусской практической арифметики XII—XIV вв. — «Сообщения Гос. Эрмитажа», вып. 23. Л., 1962, с. 53.

летописи под 1193 г. сообщается: «В то же лето идоша из Новгорода в Югру ратью с воеводою Ядреем; и придоша в Югру и възяша город, и придоша к другому граду, и затворишася в граде, и стояше под городом 5 недель; и высылаху к ним Югра, лъстьюбою рекуше тако, яко «копим серебро и соболи и ина узорочья, а не губите своих смърд и своей дани»...»⁴⁸. Б. А. Рыбаков считает, что под словом «серебро» нужно понимать дань вообще⁴⁹. Но сам факт дальнейших перечислений («копим серебро, соболи и ина узорочья»), на наш взгляд, исключает всякую возможность такого толкования. В данном случае, несомненно, речь идет о металле, который, по-видимому, собирался у югорских племен в виде сасанидских блюд и других предметов восточного происхождения. Подобные находки обнаруживаются и в наше время в Прикамье, особенно при распашке полей⁵⁰. О наличии в Новгороде такого серебра сообщает летопись под 1322 г., когда Иван Калита «възверже гнев на Новъград, прося у них серебро закамское»⁵¹.

О доставке в Новгород в XIV в. заволоцкого серебра рассказывает берестяная грамота № 417 (рис. 9), обнаруженная в слоях первой четверти XIV в.: «Приехавъ из Заволоцея, носиле серебро Климець с племенъем на завете по Петрове дни. Носиле Федорку Слепеткову съ з братею. А серебро хо[ди]лъ Григорей Фларевъ, Давыдъ Поповъ, Матвей Кенище, Лука Онишковъ, Софронъ Мшкинъ»⁵².

Это сообщение интересно тем, что подтверждает факт доставки в Новгород серебра, получаемого в качестве дани у подвластных племен.

Цветные металлы

Самой массовой категорией западного импорта, постоянно встречающейся при новгородских раскопках,

⁴⁸ НПЛ, с. 40.

⁴⁹ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси, с. 143.

⁵⁰ Бадер О. Н. и Смирнов А. П. «Серебро закамское» первых веков нашей эры. Бартымское местонахождение. — Труды ГИМ, вып. 13. М., 1954; Лещенко В. Ю., Оборин В. А. Новые находки восточного серебра в Прикамье. — СА, 1966, № 3.

⁵¹ НПЛ, с. 99, 344.

⁵² Арциховский А. В., Янин В. Л. НГБ (1962—1976 гг.), № 417.

являются предметы из цветных металлов. Коллекция этих находок, собранная в Новгороде, насчитывает несколько тысяч предметов. В нашей работе по указанным ранее причинам использован материал Неревского раскопа, представленный почти тремя тысячами предметов из цветных металлов. Среди них готовые изделия, заготовки, сырье в виде пластин, проволоки, слитков.

Новгород, не обладая собственными запасами руд, но испытывая острую нужду в цветных металлах, ввозил их из-за границы. О торговле цветными металлами в Новгороде в XIV—XV вв. известно из письменных источников. Об импорте цветных металлов в X—XIII вв. мы знаем по археологическим материалам, которые дают представление и о динамике ввоза цветных металлов в Новгород с X в. вплоть до XV в., в то время, как письменные документы регулируют лишь порядок ввоза, правила торговли цветными металлами и размещения их в немецкой конторе. Письменные сообщения и анализ археологических находок показывает, что поступали цветные металлы на новгородский рынок в основном не в виде готовых изделий, а в виде сырья.

Большая работа по изучению технологии производства найденных ювелирных предметов из цветных металлов была проведена Н. В. Рындиной. Применение ею новейших в археологии методов исследования (металлографический, спектральный, термический, петрографический анализы), находки литейных форм, тиглей, льячек, заготовок и полуфабрикатов, отходов производства и различных инструментов, необходимых в ювелирном производстве, позволили убедительно аргументировать существование собственного новгородского производства изделий из цветных металлов⁵³. Кроме того, на Неревском раскопе были обнаружены ювелирные производственные комплексы. Мастерские ювелиров найдены также на Лубяницком раскопе в 1967 г. и при раскопках на Кировской улице в 1972 г.

Исследование многочисленных категорий находок показало, что новгородским мастерам были известны разнообразные технологические приемы, а именно: литье по восковой модели, навывплекс, в жестких, дере-

⁵³ Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. — МИА, № 117. М., 1963.

вянных, земляных формах,ковка, тиснение, волочение, отжиг. Многие технологические приемы были освоены новгородскими ювелирами уже в середине X в., о чем свидетельствует анализ украшений этого времени. Перечисленные технологические операции применялись при изготовлении различного рода украшений, среди которых обнаруживаются многочисленные типы браслетов, перстней, привесок, бубенчиков, височных колец, фибул, булавок, а также колты и бусы. Чашечки весов, гирьки, церковная утварь, некоторые виды металлической посуды также изготавливались в Новгороде. Для печатей, которыми скреплялись разнообразные документы, широко использовался свинец. В Новгороде и его окрестностях (в основном на Городище) найдено в общей сложности более 1500 таких печатей, принадлежавших представителям новгородской администрации.

Таким образом, исследование предметов из цветных металлов красноречиво свидетельствует о развитом ювелирном ремесле, литейном деле и других видах обработки цветных металлов в средневековом Новгороде и служит еще одним доказательством того, что торговля Новгорода во многих случаях поставляла сырье для развитого ремесленного производства города.

Предметы из цветных металлов появляются в новгородских слоях уже в середине X в. и прослеживаются вплоть до XV в. (рис. 10). Хронологический график распределения найденного на Неревском раскопе цветного металла по ярусам⁵⁴ показывает, что с каждым новым ярусом количество находок из цветных металлов возрастает, достигая максимума в середине XIII в. Тем же закономерностям подчиняется и распределение по ярусам находок из цветных металлов Суворовского раскопа 1970 г., что свидетельствует об объективности полученных данных. Здесь в слоях XV в. совсем не обнаружено предметов из цветных металлов, в слоях XIV в. найден 31 экземпляр; XIII в. — 41; XII в. — 19; XI в. — 22 экземпляра.

⁵⁴ Мы не выделяем из находок цветных металлов отдельные категории предметов, а даем распределение всего количества цветных металлов, обнаруженных в новгородских слоях, поскольку нас интересует не бытование разных типов украшений и других находок, а общая картина ввоза в Новгород всех цветных металлов.

Казалось бы, что динамику ввоза в Новгород цветных металлов можно объяснить, выяснив их сырьевые базы и исследуя историю развития торговых взаимоотношений Новгорода с районами, где эти базы находились. Однако такой метод может привести к существенным ошибкам, поскольку торговля в средневековые ве-лась преимущественно через посредников. Основными партнерами Новгорода в его западной торговле были

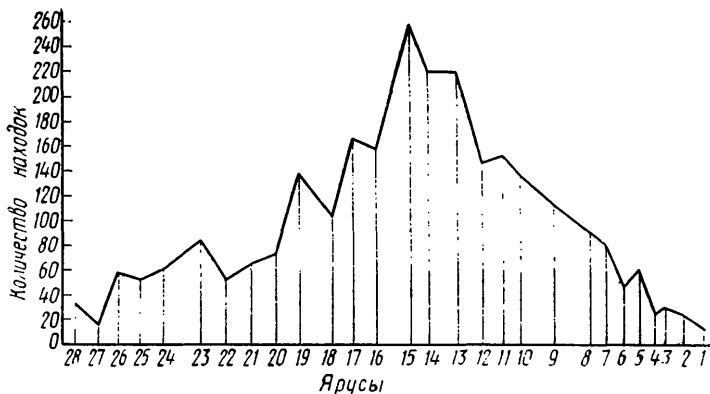

Рис. 10. График хронологического распределения цветных металлов

остров Готланд и город Любек, позднее возглавивший Ганзейский союз, которые доставляли в Новгород все западные товары. Распределение цветных металлов по ярусам, отражая реальное состояние их ввоза в Новгород, является достоверным свидетельством взаимоотношений Новгорода с его западными партнерами.

Необходимо отметить, что чаще всего цветные металлы обнаруживаются в слоях XIII в. На Неревском раскопе в этих горизонтах найдено в общей сложности более трети всех находок. На Суворовском раскопе в слоях XIII в. предметов из цветных металлов также собрано больше, чем в других напластованиях.

Такое распределение цветных металлов противоречит сделанному ранее выводу о сокращении западного импорта янтаря в Новгород в связи с борьбой республики против агрессии Тевтонского и Ливонского орде-

нов в Прибалтике. Как будто парадоксально выглядит на этом фоне необычайное обилие находок из цветных металлов именно в слоях XIII в.⁵⁵. Однако история взаимоотношений Новгорода с его западными партнерами рассеивает это недоумение.

Состояние войны Новгорода с Тевтонским орденом почти на всем протяжении XIII столетия никак не сказалось на торговле цветными металлами. Их поставляли в Новгород готские и немецкие купцы.

Остров Готланд был независим от Ордена, который, следовательно, не мог помешать его купечеству вести торговые дела в Новгороде. В XIII в. руководящая роль в торговле Новгорода с Западом постепенно переходит к Любеку. Будучи также независимым торговым городом, Любек вел самостоятельную политику, преследуя прежде всего свои торговые интересы. Помогая Ордену в его войнах с Прибалтикой, он не раз открыто заявлял, что делает это для расширения своего торгового рынка. Кроме того, именно в первой половине XIII в. обостряются отношения между Орденом и Любеком из-за статуса нового торгового города, который Любек предложил основать на только что завоеванных землях Замланда⁵⁶. Натянутые отношения между Любеком и Орденом сохранялись несколько десятилетий и лишь в конце XIII в. восстанавливаются мирные связи.

С XIV в. торговля цветными металлами находилась в руках Ганзейского союза, о чем имеются письменные свидетельства. Устав Немецкого двора в Новгороде, определяя порядок размещения ганзейских товаров в церкви св. Петра, указывает, что вдоль стен должны располагаться тюки с медью, оловом и свинцом⁵⁷. Статья 100 из IV редакции скры, датированной 1333 г., гласит: «Да будет известно всем, кто прочитает или услышит это постановление, что старосты и мудрейшие, и общий штевен решили, что никто не должен вешать

⁵⁵ Сам по себе этот факт требует специального исследования о состоянии в указанное время новгородского ювелирного ремесла и литейного дела. Возможно, одним из решений этого вопроса может быть установление факта увеличенного производства в XIII в. ювелирных украшений новгородскими ремесленниками для новгородской провинции.

⁵⁶ Фортинский Ф. Я. Приморские вендские города., с. 177.

⁵⁷ Бережков М. Н. О торговле Руси с Ганзой, с. 143.

на королевских (княжеских) весах ни медь, ни олово, ни свинец, которые русские покупают у немцев»⁵⁸.

Известны постановления шведского короля и Ордена, запрещающие ганзейским купцам ввозить в Новгород оружие и металл. Эти постановления относятся к XIV—XV вв.⁵⁹. Однако несмотря на запреты, ганзейцы, не желая терять выгодных русских рынков, продолжали свою деятельность.

Следовательно, на протяжении всего существования Новгородской республики основными поставщиками цветного металла в Новгород были Готланд, Любек и Ганзейский союз. Возможно, медь и олово доставляли в Новгород с Урала и Прикамья, с которыми Новгород был издавна связан. Олово добывалось в районе верхней Камы и оттуда поступало в Прикамье⁶⁰. На Урале же вдоль его западного склона проходит широкая полоса залежей медных руд, разработка которых была вполне доступна средневековым металлургам. Многочисленные указания на находки древних, так называемых «чудских», копей можно найти у ученых-путешественников⁶¹. Однако отсутствие письменных источников о поступлении в Новгород уральской меди и олова и достаточных аналогий новгородским сплавам не позволяет делать сколько-нибудь категорический вывод.

Вообще вопрос о сырьевых базах поступающего в Новгород цветного металла представляется весьма сложным из-за отсутствия достаточно точных письменных указаний. Исследователи обычно относят к источникам новгородского металла известные в древности разработки руд. Так, А. И. Никитский называет наиболее вероятными источниками меди — Швецию, олова — Англию, свинца — Испанию⁶². Л. Гетц относит к источникам поступления меди помимо того еще Венг-

⁵⁸ Перевод А. Л. Хорошкевич (Хорошкевич А. Л. Торговля Новгорода..., с. 310).

⁵⁹ Хорошкевич А. Л. Торговля Новгорода..., с. 311.

⁶⁰ Могильников В. А. Металлургия у коми-пермяков в X—XIV вв. — В кн.: Из истории нашего края. Сб. научных работ студентов Пермск. ун-та. Пермь, 1953.

⁶¹ Петра Симона Палласа путешествие по разным местам Российского государства. Спб., 1786, ч. 2, кн. 1, с. 198; Дневные записки академика И. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 г. Спб., 1802, ч. 2, с. 275.

⁶² Никитский А. М. История экономического быта..., с. 158.

рию, свинца — Венгрию и, возможно, Англию⁶³. А. Л. Хорошкевич добавляет к списку источников цветного металла Силезию, Чехию, Саксонию⁶⁴.

Высказывалось мнение, что определить рудные источники поступающих в Новгород цветных металлов можно с помощью спектрального анализа, т. е. путем выяснения набора химических элементов в новгородском металле и сравнением его с химическим составом руд из месторождений. Однако такая работа не может дать положительных результатов, так как цветные металлы поступали на новгородский рынок в значительной мере не в виде слитков первичного характера, а в виде испорченных, сношенных, или вышедших из моды изделий, переплавлявшихся в Новгороде для нужд местного производства⁶⁵. Только анализ слитков из рудных месторождений может указать место их добычи, поскольку химический состав этих слитков не нарушен искусственными добавками. В коллекции Новгородской экспедиции имеется несколько слитков меди и один слиток свинца, дающие возможность определить некоторые рудные источники новгородского металла.

Косвенным подтверждением письменных сообщений о доставке в Новгород шведской меди может служить слиток золотистой бронзы, найденный на Неревском раскопе в слое середины XII в. Слиток имеет вид длинного стержня треугольного сечения (длина — 39,8 см, толщина — 1 см, вес — 360,9 г). Он был получен путем выплескивания бронзы в форму, сделанную в утрамбованной земле, поскольку его поверхность испещрена мелкими выщербинками, получаемыми при употреблении такой технологии. Плоская сторона слитка имеет продолговатую выемку от усадки металла при остывании⁶⁶.

Целая группа совершенно аналогичных слитков «желтой меди» (видимо, со значительной примесью

⁶³ Goetz L. K. Op. cit.

⁶⁴ Хорошкевич А. Л. О торговле Руси с Ганзой..., с. 314.

⁶⁵ «Металлы в Новгород привозились в самом разнообразном виде — отдельными кусками, продававшимися на вес, в виде различных обрезков, упаковывавшихся в бочки, в виде проволоки, котлов и различных старых уже бывших в употреблении изделий» (Хорошкевич А. Л. О торговле Руси с Ганзой..., с. 312).

⁶⁶ Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв., с. 207.

цинка) опубликована Ольдебергом среди древностей острова Готланд⁶⁷. Кроме того в новгородской коллекции имеется еще три медных слитка:

1. Вес 367 г. Середина XI в.
2. Вес 41 г. Конец XI в.
3. Вес 529 г. Конец XV в.⁶⁸.

Чрезвычайно чистая структура меди без каких-либо примесей, выявленная при металлографическом исследовании этих слитков, свидетельствует, что они отлиты из первичной, еще не бывшей в употреблении меди. Слитки имеют одинаковую форму (подтреугольного сечения, с одной ноздреватой и двумя совершенно гладкими сторонами), но разный вес.

Микроструктурный анализ слитков позволил восстановить подробный технологический процесс их изготовления. После застывания расплавленного в конусовидном тигле металла полученную болванку отжигали и рубили на шесть равных частей через центр ее поверхности. Стандартность и устойчивость формы этих слитков, сохранившейся на протяжении четырех с половиной столетий, приводит к мысли о том, что именно в таком виде медь поступала на новгородский рынок из рудных районов⁶⁹.

Кроме нескольких слитков меди в Новгороде был обнаружен слиток свинца весом 151,3 кг⁷⁰, который представляет собой четверть круглой чушки, размеры которой — 72 см в диаметре и 20 см высоты (в центре). Размеры обнаруженной части слитка равны 36 см в радиусе, длина окружности — 55 см, высота в наиболее толстой части — 20 см. Одна сторона слитка плоская, другая — выпуклая. Эта находка оказалась необыкновенно важной для исследования импорта в Новгород свинца. Слиток имеет польское происхождение, что было выяснено в результате изучения клейм, расположенных на плоской стороне предмета. На одном из них изображен одноглавый орел, на другом — буква «К»

⁶⁷ Oldeberg. Metalltechnik under förhistorisk, Bd. I, S. 233.

⁶⁸ Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв., с. 206.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Янин В. Л. Находка польского свинца в Новгороде. — СА, 1966, № 2.

под короной. Оба эти изображения находят ближайšie аналогии на польских монетах, чеканенных во времена Казимира Великого (1333—1370 гг.). Полученные выводы подтвердились и данными спектрального анализа металла, которые показали, что в составе исследованного свинца имеется мышьяк и сурьма, характерные для польских галенигов. Эта находка дополнила сведения об источниках поступления свинца в Новгород.

Попытку определения рудных источников поступающих в Новгород цветных металлов предпринял А. А. Коновалов, посвятивший свою работу изучению сплавов новгородских изделий. Автор провел массовые спектрографические анализы 875 новгородских изделий из цветных металлов, в состав которых входят различные украшения, чашечки весов, обломки посуды, проволока. Весь этот материал распределяется по времени следующим образом: предметов X в. — 44 экземпляра, XI в. — 74; XII в. — 164; XIII в. — 359; XIV в. — 163; XV в. — 37 экземпляров. Наблюдается та же закономерность, характерная для общего распределения цветных металлов в Новгороде⁷¹.

Из отобранных для анализов предметов 114 оказались изготовленными из свинца, олова и их сплавов, остальные — из меди и ее сплавов. Автором были исследованы только изделия с медной основой. Спектрографический анализ выявил необыкновенную разнородность химического и металлургического состава новгородских цветных металлов, в связи с чем не представляется возможным выделение исходных химических групп, т. е. рудных источников цветных металлов, обнаруженных в Новгороде. Наиболее реальным является выделение и сопоставление металлургических групп, т. е. набора сплавов, употребляемых средневековыми ремесленниками и выявление искусственных добавок в первичный рудный металл. Определив характерные сплавы новгородских цветных металлов, можно попытаться найти аналогичный им сплав среди других древностей.

А. А. Коновалов установил, что наиболее частыми приплавками к меди в новгородских изделиях были цинк,

⁷¹ Коновалов А. А. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X—XV вв. Автореф. канд. дис. М., 1974.

олово, свинец. В некоторых случаях в качестве искусственных добавок употребляли мышьяк и сурьму, но самостоятельного значения как лигатура эти элементы не имели. Автор выделяет шесть металлургических групп на медной основе, т. е. шесть основных типов сплавов, которые использовали новгородские ремесленники для изделий из цветных металлов. Удалось проследить динамику употребления и установить хронологические границы бытования разных типов сплавов. Оказалось, что набор сплавов X—XI вв. значительно отличается от сплавов XIII—XIV вв.⁷² XII в. является переходным. В это время наряду со сплавами, характерными для X—XI вв., появляются новые типы сплавов, получившие широкое употребление в XIII—XIV вв.

Анализ показал, что сплавы X—XI вв. находят ближайшие аналогии среди прибалтийских древностей. Этот вывод особенно интересен, так как подтверждает наблюдения, сделанные при изучении кладов западноевропейских монет. Как уже отмечалось в рубрике «Серебро», клады, обнаруженные в Новгородской земле, аналогичны по монетному составу таким жекладам из Прибалтики. Эта особенность позволила сделать вывод о тесных торговых контактах между Новгородом и Прибалтикой в X—XI вв., что подтверждается теперь и анализом сплавов цветных металлов из этих областей: сплавы оказываются в значительной степени идентичными друг другу. Видимо, Новгород и Прибалтика получали цветные металлы в X—XI вв. из одного рудного источника, определение которого — задача будущих исследований.

Цветные металлы Новгорода XIII—XIV вв. обнаруживают, как указывает А. А. Коновалов, тесную химико-металлургическую связь с металлом Швеции, где разработки руд собственных месторождений начались еще в XI в. Именно из Швеции происходят и некоторые новгородские слитки меди.

⁷² Необходимо только отметить, что смена сплавов не обязательно фиксирует смену рудного источника, а чаще свидетельствует о смене технологии, которая требовала изменения состава сплавов. Сердечно благодарю Н. В. Рынди́ну за разъяснения по вопросам, связанным с технологией производства изделий из цветных металлов.

Стеклянные изделия

О южном импорте стеклянных изделий мы рассказали в предыдущей главе, здесь же характеризуем находки в Новгороде западноевропейского стекла⁷³. По сравнению со стеклянными предметами южного производства стеклянных изделий западноевропейского происхождения значительно меньше, но и они являются ценным материалом, помогающим восстановлению действительной картины новгородской торговли. К западноевропейским изделиям из стекла, находимым при раскопках Новгорода, относятся перстни, фрагменты посуды, обломки оконного стекла.

Перстни

Хронологический график импортных стеклянных перстней (рис. 4) показывает, что западноевропейские перстни появляются лишь в XIV в. Нашествие монголов разрушило южные стеклоделательные мастерские, откуда Новгород получал основную массу стеклянных изделий. Это привело к тому, что со второй половины XIII в. новгородские ремесленники приступили к собственному производству перстней. Они освоили изготовление этих изделий на базе производства стеклянных браслетов, число которых достигает максимума в 1238—1281 гг. (13—14 ярусы). Однако собственное новгородское производство перстней не удовлетворяло спрос на эти предметы украшения, так как местные мастера делали перстни только двух цветов: желтого и зеленого, что заставляло новгородцев ввозить западноевропейские изделия, которые отличаются от византийских, южнорусских и собственно новгородских более сложным составом стекла⁷⁴. В течение всего XIV в. осуществляется ввоз западноевропейских перстней, затем мода на них проходит, и с начала XV в. стеклянные перстни практически не встречаются.

⁷³ Как уже отмечалось в главе «Южный импорт», стекло различных центров производства отличается по своему составу, что сделало возможным выделение из общего числа стеклянных предметов изделий западноевропейских мастеров.

⁷⁴ Шапова Ю. Л. Стеклянные изделия древнего Новгорода, с. 115.

Первые образцы западноевропейской стекланной посуды появляются в Новгороде вскоре после монгольского нашествия, что также связано с разрушением киевских мастерских. Однако в слоях, датированных 1224—1281 гг. (13—15 ярусы), число фрагментов стекланной посуды западноевропейского происхождения незначительно⁷⁵. Но уже период с 1281 по 1422 гг. (13—5 ярусы) характеризуется полным отсутствием сосудов русского и византийского производства и наличием в новгородских слоях этого времени фрагментов только западноевропейской посуды⁷⁶ (рис. 5). Причем обломков стекланной посуды западноевропейского происхождения собрано гораздо меньше по сравнению со стекланными сосудами киевского производства, особенно широко распространенными в XII в. Как установила Ю. Л. Шапова, в указанном столетии количество стекланной посуды в Новгороде достигло максимальных размеров.

Стекланные сосуды западноевропейского происхождения так же, как и фрагменты привозной поливной керамики, встречаются почти исключительно на богатых усадьбах «В» и «И», которые принадлежали, как выяснилось в результате дальнейших исследований, богатым новгородским боярам из семьи Мишиничей-Онцифоровичей, бывших в XIV—XV вв. предводителями новгородского боярства.

Сокращение ввоза стекланной посуды в XIV в. может быть объяснено ее особой дороговизной в связи с импортом из отдаленных мест.

Оконное стекло

Обломки оконного стекла, как было отмечено выше, вообще крайне редкая находка в новгородских слоях, что объясняется, вероятно, трудностью его производства, а в связи с этим и высокой стоимостью. Образцы западноевропейского стекла появляются в начале XV в., наиболее многочисленны их находки в слоях 1396—

⁷⁵ Шапова Ю. Л. Стекланные изделия древнего Новгорода, с. 133.

⁷⁶ Там же.

1462 гг. (6—2 ярусы), в которых собрано более сорока экземпляров оконного стекла. По своему составу это стекло очень близко посудному стеклу западноевропейского происхождения⁷⁷.

Распределение импортных стеклянных изделий по новгородским ярусам показывает, что ввоз западноевропейского стекла начинается во второй половине XIII в. и продолжается на протяжении XIV—XV вв., уже никогда не достигая того уровня, который был характерен для южного импорта стеклянных изделий. Отсутствие западноевропейского стекла в слоях X — первой половины XIII в. объясняется тем, что в это время новгородцы вполне удовлетворяли свой спрос на стеклянные изделия их ввозом из Киева, доставка откуда была дешевле и удобней. Но когда в результате монголо-татарского нашествия прекращается стеклоделательное производство в Киеве и прерывается торговля с югом, торговые интересы Новгорода целиком переключаются на Запад. С конца XIII столетия начинается ввоз стеклянных западноевропейских предметов, но в гораздо меньших размерах, что объясняется трудностью их доставки (хрупкость сосудов) и в связи с этим, вероятно, их значительной дороговизной.

Исследование привозного стекла дает интересные материалы как по истории развития его импорта в Новгороде, так и по истории новгородской торговли в целом. Распределение импортных стеклянных изделий по ярусам соответствует основным направлениям всей новгородской торговли. В начальный период преобладает южное направление, которое с монгольским нашествием теряет свое значение, и основной центр интересов новгородской торговли перемещается на Запад.

Ткани

Еще одной категорией западного импорта, встречающейся при археологических раскопках, являются ткани, коллекция которых ежегодно пополняется новыми находками. О торговле тканями, которые наряду с цветными металлами, серебром и другими товарами были одним из основных предметов западного ввоза в Новго-

⁷⁷ Шапова Ю. Л. Стеклянные изделия древнего Новгорода, с. 143—144.

род, хорошо известно по письменным источникам. Об импорте в Новгород разнообразных английских, фландрских, немецких сукон подробно рассказывается в работах А. Л. Хорошкевич⁷⁸, Л. Гетца⁷⁹ и др.

Однако несмотря на достаточно полное и всестороннее освещение вопроса о торговле тканями в письменных источниках изучение археологических находок дает новые существенные материалы для восстановления истории торговли тканями в Новгороде, тем более что письменные сведения об импорте иностранных тканей относятся, в основном к XIV и последующим векам. Кроме того, не все вопросы, связанные с торговлей в Новгороде импортными тканями, решены и для указанного времени. А. Л. Хорошкевич, много занимавшаяся проблемами торговли Новгорода в XIV—XV вв., в том числе и торговлей тканями, в частности, отмечает, что несмотря на большой фактический материал о торговле тканями и интерес исследователей к этим проблемам, остаются нерешенными еще многие важные вопросы, а именно: начало производства сукон на экспорт во Фландрию, бывшей главным поставщиком этого товара, в Северную Европу; структура ввоза сукон в Новгород в XIV—XV вв., соотношение ввоза различных сортов сукна и некоторые другие вопросы⁸⁰.

Ранний период новгородской торговли тканями, как, впрочем, и многими другими импортными товарами, письменными источниками вообще не освещается, поэтому археологический материал приобретает в связи с этим обстоятельством особое значение.

Археологические находки тканей были частично освещены в статье Н. Б. Черных⁸¹. Специальное исследование тканей из новгородских раскопок было проведено А. Нахликом⁸², тщательно изучившим около 500 образцов тканей по способу их прядения, качеству шер-

⁷⁸ Хорошкевич А. Л. Торговля иностранными тканями в Новгороде в XIV—XV вв. — «Исторические записки», № 63; ее же. Торговля Великого Новгорода в XIV—XV вв. (раздел «Ткани»).

⁷⁹ Goetz L. K. Op. cit.

⁸⁰ Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода в XIV—XV вв., с. 160—161.

⁸¹ Черных Н. Б. Новгородские ткани из Неревского раскопа. — «Вестн. Моск. ун-та, ист.-филол. сер.», 1958, № 4, с. 101—112.

⁸² Нахлик А. Ткани Новгорода. — МИА, № 123. М., 1963.

сти, толщине волокна, красителю и т. д. Анализируя распределение импортных тканей в Новгороде, мы пользуемся данными, опубликованными А. Нахликом.

Из 484 исследованных им образцов тканей большинство (462 экземпляра) оказались шерстяными. Определение импортных тканей из всего числа найденных фрагментов представляет собой довольно сложную задачу. Трудности выделения импортных тканей в составе новгородских находок определяются, главным образом, отсутствием среди материалов Западной Европы аналогичной коллекции средневековых тканей. А. Нахлик отмечает, что среди критериев, позволяющих разделить новгородские ткани на местные и привозные, самым надежным и решающим признаком является определение шерстяного сырья, из которого изготовлена ткань. Остальные элементы: структура переплетения ткани, плотность и связанное с ней качество изделия, способ скручивания пряжи, толщина пряжи, внешний вид ткани — лишь помогают установить происхождение тканей, но решающего значения для классификации не имеют, поэтому без специальных исследований импортные ткани определить практически невозможно.

Исследовав образцы новгородских импортных тканей, автор называет основных поставщиков их в Новгород: Англию, Фландрию и Испанию, позднее — Германию. Так же, как и остальные товары, ткани в Новгород поступали через посредников, главными из которых были Готланд и Ганзейский союз.

Известные теперь по археологическим раскопкам новгородские импортные ткани могут быть разделены на несколько типов (по А. Нахлику): ткани специального типа, ткани суконные крашенные I—IV сортов, ткани вальные I—IV сортов и полосатые ткани⁸³.

Распределение по ярусам импортных тканей показывает, что больше всего их содержится в слоях XII, XIV вв., в XIII в. количество импортных тканей сокращается. Обратившись к таблицам, опубликованным А. Нахликом, на основе которых составлен наш хронологический график, заметим, что для разных периодов характерны и разные типы тканей⁸⁴ (рис. 11).

⁸³ Нахлик А. Ткани Новгорода, с. 285—292.

⁸⁴ Там же (см. раздел «Приложение»).

В X—XII вв. наибольшее распространение получили ткани специального типа. Как отмечает А. Нахлик, эти ткани отличались повышенной плотностью и относительно простым процессом производства по сравнению с высококачественными сукнами. Такие ткани делали из шерсти с длинными волокнами и оставляли сырыми. Производство подобных тканей было хорошо налажено в X—XII вв. в Англии, что полностью соответствует рас-

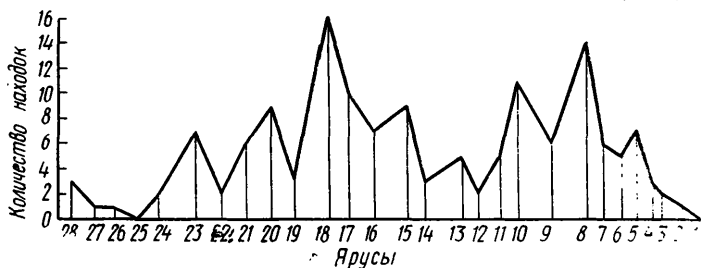

Рис. 11. График хронологического распределения импортных тканей

пространению в новгородских слоях этого времени тканей специального типа, которые мы, таким образом, можем считать английскими⁸⁵. Резкое уменьшение подобных тканей в слоях XIII в. объясняется усилившейся конкуренцией фламандского суконного производства, которое в это время достигает наивысшего развития⁸⁶. Кроме того, тогда же наиболее укрепилась связь немецких городов, бывших посредниками в торговле с Новгородом и монополизировавших торговлю сукнами и другими товарами с Фландрией. Судя по таблице А. Нахлика, с XII в. происходит увеличение суконных валяных тканей фламандского производства, со временем вытеснивших с новгородского рынка ткани английского производства. Наибольшее распространение фламандские ткани получают в XIV в.⁸⁷

Исследование импортных тканей, найденных в Новгороде, имеет большое значение не только для изучения истории новгородской торговли, но и для истории развития западного ткацкого ремесла начиная с X в., так

⁸⁵ Нахлик А. Ткани Новгорода, с. 271, 289.

⁸⁶ Там же, с. 280.

⁸⁷ Там же, с. 290.

как новгородская коллекция западноевропейских шерстяных тканей — явление исключительное.

По письменным источникам и берестяным грамотам известно о существовании в Новгороде шелковых и хлопчатобумажных тканей восточного производства. Примером может служить берестяная грамота № 125, в которой мать просит сына привезти ей «зендянцу добру»⁸⁸. Зендень — дешевая хлопчатобумажная ткань из селения Зандана под Бухарой⁸⁹. Грамота обнаружена в слоях XIV—XV вв. и может служить еще одним подтверждением существования в это время торговых связей Новгорода с Поволжьем, откуда новгородцы получали предметы восточного происхождения.

Хрустальные вставки перстней

К категории западного импорта можно отнести и вставки перстней из горного хрусталя⁹⁰, особенность которых заключается в том, что каждая вставка склеивалась из двух частей: высокой, верхней, и уплощенной, нижней. Вставки имеют в плане овальную, иногда круглую формы. Представляет интерес склеивающее вещество, которое служило вместе с тем и подсвечивающим слоем, и имеющее чаще всего розовый или переходящий в розовато-сиреневый цвет. Химическим анализом этого красителя, проведенным в лаборатории Эрмитажа, было установлено, что это шеллак.

Всего на Неревском раскопе обнаружено 89 экземпляров таких вставок, происходящих в основном из слоев 1267—1394 гг. (13—7 ярус). Отдельные экземпляры найдены в слоях XI—XII вв. и XV в. (рис. 12).

Первоначальное предположение о доставке этих вставок с Востока, где широко было развито производство различных поделок из драгоценных и полудрагоценных камней, было поколеблено найденными аналогиями. Среди них ларец-реликварий Софийского собора

⁸⁸ Арциховский А. В., Борковский В. И. НГБ (1953—1954). М., 1958, с. 59—60.

⁸⁹ Фехнер М. Ф. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. — Труды ГИМ, вып. 31. М., 1956, с. 75.

⁹⁰ Довольно долго большинство этих предметов из коллекции Новгородской археологической экспедиции считалось стеклянными. В результате квалифицированного анализа было установлено, что вставки хрустальные (определение Ю. Д. Аксентона).

в Новгороде, украшенный пятью крупными вставками из горного хрусталя. Ларец происходит из Рейнской области⁹¹. Форма и способы обработки хрустальных вставок ларца совершенно идентичны формам и приемам обработки хрустальных вставок, собранных при

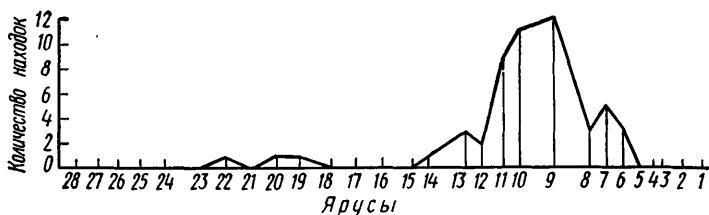

Рис. 12. График хронологического распределения хрустальных вставок

археологических работах. Это обстоятельство позволило автору исследования Ю. Д. Аксентону высказать предположение о едином центре производства тех и других вставок⁹² и тем самым констатировать существование новой категории западноевропейского импорта, не нашедшей отражения в письменных источниках.

Распределение вставок из горного хрусталя в слоях последней трети XIII в. и в XIV в. соответствует основным этапам торговых связей Новгорода с Западом, получивших наибольшее развитие именно в это время.

⁹¹ Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). — САИ Е1—57. М., 1966, с. 30.

⁹² Аксентон Ю. Д. «Дорогие камни» в культуре древней Руси (по памятникам прикладного искусства и литературы XI—XV вв.). Автореф. канд. дисс. М., 1974.

Глава III

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НОВГОРОДСКОЙ ТОРГОВЛИ

Среди археологических источников по истории новгородской торговли существенно важную группу составляют берестяные грамоты, которых к концу 1977 г. насчитывалось 576 (562 из Новгорода и 14 из Старой Руссы). Уже давно они стали для историков незаменимым свидетельством многих областей жизни средневекового города. Значение этого источника возрастает из года в год по мере обнаружения все новых и новых текстов.

Анализу берестяных грамот посвящены многочисленные работы советских и зарубежных авторов. Помимо систематической публикации их находок наиболее важными исследованиями берестяных текстов являются опубликованные в последние годы монографии Л. В. Черепнина (в ней содержится характеристика 415 грамот, изданных к 1968 г.)¹ и В. Л. Янина². Примененный Л. В. Черепниным источниковедческий анализ текстов дал возможность распределить эти документы по группам, каждая из которых характеризует различные стороны экономической, политической и культурной жизни Новгородской республики. Определенную, хотя и сравнительно небольшую группу, подробно исследованную в труде Л. В. Черепнина, составляют документы, связанные с торговлей³. В книге В. Л. Янина бере-

¹ Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.

² Янин В. Л. Я послал тебе бересту... Изд. 1-е. М., 1965; Изд. 2-е. М., 1975.

³ Некоторые грамоты не содержат достаточных данных для их истолкования как источников по истории торговли, предложенного Л. В. Черепниным. Поэтому они не использованы в настоящем разделе.

стяные грамоты рассматриваются одновременно в связи с соответствующими местам их находок археологическими комплексами, а также во взаимосвязи между собой, что представляет возможность применительно к нашей теме судить о месте торговли в экономической жизни тех усадеб, на которых найдены документы, связанные с торговлей. В этой же книге рассказано также о многих, найденных в последнее время берестяных грамотах, еще не вошедших пока в их систематическую публикацию.

Поскольку в упомянутых работах дана полная характеристика почти всех берестяных текстов, в той или иной степени характеризующих торговлю, нам представляется необходимым коснуться только их общей характеристики, а также привлечь некоторые тексты торгового содержания, не включенные в предыдущие публикации. Помимо собственно новгородских находок мы используем и берестяные документы, найденные при раскопках Старой Руссы.

Берестяные грамоты, освещающие торговые сюжеты новгородской истории, не являются таким цельным источником, как многие уже рассмотренные выше категории импорта, которые характеризуют динамические процессы развития новгородской торговли на протяжении нескольких веков. Число таких грамот невелико, многие из них к тому же сохранились в обрывках, что затрудняет интерпретацию текстов. Очевиден также элемент случайности в их находках. Однако ценность их сведений от этого не уменьшается. Привлеченные к исследованию новгородской торговли вместе с другими, более систематическими, источниками, они дают немало новых сведений о торговой деятельности новгородцев, об организации торговли, о товарах, обращавшихся на новгородском рынке; о купеческом суде, о торговом складничестве. Грамоты порой сообщают такие детали и конкретные факты торговой жизни, каких нет в иных, более традиционных, источниках.

Особый интерес представляют берестяные грамоты, фиксирующие случаи торгового складничества, поскольку в других источниках подобные указания крайне малочисленны. К их числу, несомненно, относятся новгородские берестяные документы № 439 и 490, а также старорусская берестяная грамота № 2.

Грамота № 490 (рис. 13), происходящая из слоев середины XIV в., является единственным документом на бересте, содержащим прямое употребление термина «складник» применительно к торговым делам: «...прода ми. Три дни в городи ако би, ходило оу дворо и ко складникоу товоемоу. А ты ко ми нъ явишися коуни шити ношю»⁴. Автор письма сообщает своему адресату, что, находясь в течение трех дней в городе (видимо, по торговым делам: в предыдущей фразе говорится «прода[л]ми»), он ходил домой к адресату, а также и к его складнику. Вероятно, автор письма и его адресат вели какие-то общие торговые операции, поскольку автор приглашает последнего «куны шить». Последняя фраза этого письма весьма примечательна потому, что в ней не просто упоминаются деньги (куны), а сообщается об их шитье, т. е. подтверждаются сведения иноземцев о существовании на Руси «меховых денег» (сшитых в сорочки шкур пушных зверей)⁵. Историки хорошо знают о существовании на Руси в XII—XIV вв. безмонетного периода, когда в обращении находились серебряные слитки, пригодные только для крупных расчетов. Необходимую для обслуживания мелкой розничной торговли монету они заменить не могли⁶.

Уже много десятилетий в русской нумизматической литературе дискутируется вопрос о том, чем была заменена монета в безмонетный период. Однозначного решения, вероятно, здесь быть не может, но поиски предметов, которые могли выступать эквивалентами мелкой разменной монеты, вполне реальны. К числу таких товаро-денег могли относиться и шкурки пушных зверей (особенно малоценных пород). О таких «заменах» сообщали иностранные авторы; теперь появилось свидетельство на бересте.

Чрезвычайно интересна в связи с проблемой торгового складничества берестяная грамота № 439 (рис. 14),

⁴ Арциховский А. В., Янин В. Л. НГБ (1962—1976). М., 1977, № 490.

⁵ Спасский И. Г. Из истории русского товароведения. — КСИИМК, вып. 62, 1956; Монгайт А. Л., Большаков О. В. Путешествие Абу Хамида аль-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). М., 1971.

⁶ Янин В. Л. Деньги и денежные системы. — В сб.: Очерки русской культуры XIII—XIV вв., ч. I. М., 1970, с. 321.

Рис. 13. Берестяная грамота № 490 (прорись)

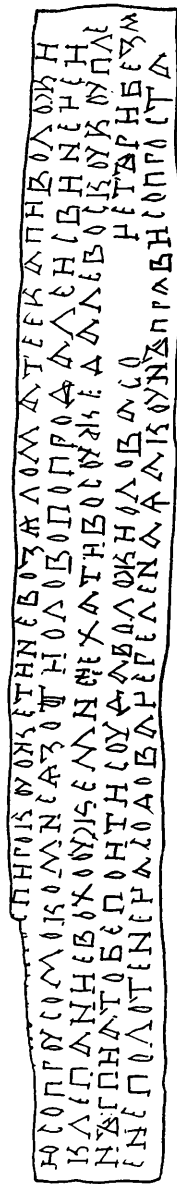

Рис. 14. Берестяная грамота № 439 (прорись)

обнаруженная в слоях рубежа XII—XIII вв. на Лубяницком раскопе, находящемся в непосредственной близости к древнему новгородскому Торгу. Текст ее подробно рассмотрен в предварительной публикации⁷ и в последнем томе академического издания берестяных грамот⁸. А. В. Арциховский и В. Л. Янин предлагают двоякое толкование этого документа в зависимости от возможного перевода слова «пи», несколько раз встреченного в тексте документа. Отдавая должное научной осторожности исследователей, считаем более убедительным второй вариант перевода этой грамоты: «...ко Спи року. Если Матейка [еще] не взял пи, вложи ее [вместе] с Прусом ко мне. Я распродал олово, свинец и клепание все. Мне уже не [нужно] ехать в Суздаль. Воску куплены три пи. А тебе [нужно] пойти сюда. Вложи олова красного примерно четыре безмена, [то есть] примерно два полотенца. А деньги собери поскорее». «Пи» соответствует карельскому слову, означающему голову и служит единицей измерения воска. Красным оловом, по-видимому, назывался сурик. Безмен и полотенце — единицы измерения, первая — весового, вторая — штучного. Грамоту № 439 можно трактовать как переписку купцов-складников, к числу которых относятся Спирок, Прус, Матейка и автор письма (его имя оторвано). О торговом характере вскрытого на Лубяницком раскопе комплекса свидетельствуют и многочисленные находки, и тексты остальных обнаруженных на этом участке грамот, представляющие владельца исследованной усадьбы как купца.

Чрезвычайно интересное свидетельство торгового складничества содержится в тексте старорусской берестяной грамоты № 2, найденной в слоях первой четверти XV в.: «Приказъ от Кузми к сину к своему к Исаку, и к Улияну, и к Тимофию. Соли не купи... а и не купя с триця... и у мосту. Прося зде соли по семи лубовъ за рубль. А наши хотя давать. А на д[е]нь ни луба не продать. А просоле зде по пяти гривоне бочка». Автор письма, Кузьма, торгует солью по всей вероятности, в Новгороде; «у моста» можно понимать как указание на новгородский торг, который, как известно, располагался

⁷ Арциховский А. В. Берестяная грамота № 439. — СА, 1971, № 3.

⁸ Арциховский А. В., Янин В. Л. НГБ (1962—1976), № 439.

у Великого Волховского моста. Эту торговлю Кузьма ведет вместе с компаньонами-складниками. Соль, оказывается, более выгодно продать оптом, хотя при этом владельцы товара теряют на цене. Об этом Кузьма информирует других своих компаньонов, оставшихся в Руссе и, вероятно, готовых в случае благоприятной рыночной конъюнктуры привезти еще какое-то количество соли на продажу. Попутно Кузьма сообщает им о ценах на соленую рыбу⁹.

С некоторыми оговорками к грамотам, характеризующим торговое складничество, могут быть отнесены и новгородские документы 105, 165, 420. Возможно, о купеческой корпорации свидетельствует грамота № 68¹⁰.

В грамоте № 105 как будто нет прямых указаний на торговые операции. Однако ее содержание и сопутствующие находки говорят об авторе этого документа как о торговце: «От Сьмъка къ Коулотъке. Оже то еси казале Несъде веверичъ тих деля, коли то еси приходиле въ Роусь съ Лазъвкъмъ, тьгъдгъ взяле оу мене Лазовъке Переяславъле»¹¹. Исследователи по-разному трактуют текст этой грамоты, но несомненно, что ее автор связан денежными расчетами с другими лицами, возможно, его компаньонами и совершает поездки в Киевскую Русь. видимо, с торговыми целями. В грамоте № 420 Панко сообщает Захарию и Огафону о продаже им бобров некоему Миляте и просит своих адресатов получить с Миляты деньги¹². Можно предположить, что указанные в грамоте лица вели общее торговое дело. В грамоте № 165 говорится: «От Миха[л]я ко Стыпану Гюр... се товар продале а б...е. А Путила пришьле ...шьлесто...»¹³. Речь идет о продаже товара, и в этой торговой операции каким-то образом заинтересовано несколько лиц.

Некоторые грамоты Л. В. Черепнин относит к числу документов, повествующих о купеческом суде. Существование специального суда для разбора торговых и гостиных дел в Новгороде зафиксировано в «Рукописа-

⁹ Арциховский А. В., Янин В. Л. НГБ (1962—1976), № 2.

¹⁰ Подробнее текст этой грамоты рассмотрен далее.

¹¹ Арциховский А. В., Борковский В. И. НГБ (1953—1954). М., 1958, с. 35.

¹² Арциховский А. В., Янин В. Л. НГБ (1962—1976), № 420.

¹³ Арциховский А. В., Борковский В. И. НГБ (1955). М., 1958, с. 51.

нии» Всеволода и других письменных источниках. Возглавляли такой суд тысяцкий и купеческие старосты: «...И яз, князь великий Всеволод постави есмь святому Ивану 3 старосты: от житых людей и от черных тысяцкого, а от купцев 2 староста, управливати им всякаа дела торговаа Иваньскаа и гостинаа»¹⁴. Документы с решениями этого суда скреплялись, как и прочие официальные акты, свинцовыми печатями, право пользования которыми принадлежало тысяцкому и купеческим старостам («новгородским тиунам»). Такие печати, обнаруженные в значительном количестве в новгородских сфрагистических материалах, датируются главным образом XIV в. Хотя их детальная хронология еще не разработана, очевидно, что древнейшие буллы тиунов относятся к концу XIII в., т. е. именно к тому периоду, к которому В. Л. Янин относит оформление известной редакции «Рукописания» Всеволода¹⁵.

Берестяные грамоты не содержат прямых сообщений о купеческом суде, однако в некоторых из них, несомненно, речь идет о конфликтах, которые, вероятно, требовали вмешательства суда. Примером может служить документ № 68: «...ожь ти, будь гостьмь, не жди торьгу и ми... нь правя, я како доспью буду, а Богъш... оставиво, а ты, братъ, нь дъшиси сделити, будь тамо, ли в соши. И ты, аци восопрашееть Местиловъ сыно: цого ма-ла года, и ту я стою»¹⁶. Значительные утраты текста не позволили сделать достаточно полный перевод грамоты, но Л. В. Черепнин, проведя параллельный анализ документа со статьями «Русской Правды», сумел раскрыть содержание этого письма. В нем упоминается несколько лиц, связанных, вероятно, общими торговыми делами. Автор письма советует своему адресату, названному им «братом», как вести себя в конфликте, возникшем между Богшей и Местиловым сыном¹⁷. Письмо найдено в слоях второй половины XIII в. и, следовательно, относится ко времени, когда существование купеческого суда подтверждено находками свинцовых печатей «новгородских тиунов».

¹⁴ НПЛ, с. 508.

¹⁵ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962; с. 93; его же. Актовые печати древней Руси, т. II. М., 1970, с. 109—111.

¹⁶ Арциховский А. В. НГБ (1952). М., 1954, с. 70.

¹⁷ Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты..., с. 84—86.

В берестяных письмах содержатся сведения и о внутренней торговле. В частности, ряд текстов сообщает о торговле хлебом. Хотя их немного, но они несут важную информацию о снабжении Новгорода этим жизненно необходимым продуктом. В самом Новгороде и его округе с давних пор возделывались различные зерновые культуры: рожь, пшеница, овес, ячмень, просо. Зерна этих злаков часто встречаются при археологических раскопках, особенно многочисленны их находки в слоях XIII—XIV вв.¹⁸ Сельскохозяйственные заботы земледельцев и землевладельцев нашли отражение в многочисленных берестяных грамотах, исследование которых показало, что основным массивом земли владели богатые новгородские бояре¹⁹. Особенно показательна в этом отношении переписка крупнейших новгородских феодалов из семьи Мишиничей-Онцифоровичей. Заботы о земле, об урожае были главной ее темой. В руках бояр, вероятно, была сосредоточена и торговля хлебом, о чем свидетельствуют некоторые документы на бересте.

Так, в грамоте № 97, адресованной посаднику Юрию Онцифоровичу, крупнейшему политическому деятелю конца XIV — начала XV в., ее авторы сообщают, что «рожь продают...»²⁰. К сожалению, дальнейший текст, в котором, возможно, называлась и цена ржи, утрачен. В грамоте № 364 конца XIV в. Семен и Мих просят Сидора дать им ржи на полтину, когда он начнет продавать свое зерно²¹. Сидор — богатый новгородский феодал из семьи Мишиничей — хорошо известен по другим берестяным документам²².

О стоимости ржи сообщает грамота № 442, найденная на Лубяницком раскопе в слоях первой половины XIII в.: «...9 гривено половоза рож[е]»²³. Хлебной торговле посвящена и грамота № 350 середины XIII в.: «От Степана и о[т] матери к Полюдоу. Восоли рожи, конь

¹⁸ Кирьянов А. В. История земледелия Новгородской земли X—XV вв. (по археологическим материалам). — МИА, № 65. М., 1959.

¹⁹ Янин В. Л. Заметки о берестяных грамотах. — СА, 1965, № 2; его же. Я послал тебе бересту..., с. 104—115.

²⁰ Арциховский А. В., Борковский В. И. НГБ (1953—1954), с. 24.

²¹ Арциховский А. В. НГБ (1958—1961). М., 1963, с. 61.

²² Янин В. Л. Я послал тебе бересту..., с. 141—142.

²³ Арциховский А. В., Янин В. Л. НГБ (1962—1976), № 442.

продаво»²⁴. Эта грамота вызвала разные толкования²⁵. В целом, как нам представляется, прав Л. В. Черепнин, считающий, что речь в грамоте идет о продаже коня с той целью, чтобы на вырученные деньги купить соль и рожь. Однако детали такой интерпретации все же уязвимы, поскольку она слишком свободна и не вполне соответствует синтаксической конструкции текста. Слово сочетание «восоли», в котором исследователи усматривают сообщение о соли, вероятнее всего, является повелительной формой глагола «выслать» (в такой форме этот глагол встречается, например, в старорусской грамоте № 11)²⁶. Следовательно, перевод последней фразы грамоты № 350 должен скорее всего быть таким: «Вышли рожь, коня продав».

Озабочен покупкой овса Яков, автор грамоты № 271, относящейся ко второй половине XIV в.: «Поклоно от Якова куму и другу Максиму. Укупи ми, кланяюся, овса у Ондreja, оже прода. Возми у него грамоту. Да пришли ми чтения доброго. Да вести ми прикажи... дее во годе. Оже ти ту не буде овса и...»²⁷.

Перечисленные грамоты свидетельствуют, очевидно, о торговле хлебом, выращенном в новгородской округе. Однако случались неурожайные годы, и городу не хватало собственных хлебных запасов. В таких случаях новгородцы были вынуждены ввозить хлеб из других областей. В новгородской летописи постоянно отмечаются случаи больших неурожаев, сообщается о ценах на хлеб, о состоянии торговых путей, по которым он доставлялся. Новгород снабжался хлебом из южных и восточных областей Русской земли. Прекрасной иллюстрацией зависимости Новгорода от хлебного ввоза в голодные годы может служить берестяная грамота № 424 (рис. 15). Один из новгородцев, Гюргий, отправившийся на юг, сообщает своим родителям в Новгород, чтобы они шли к нему в Смоленск или же в Киев, потому что там «дешев ти хлеб»²⁸. Грамота относится к рубежу XI—XII в., времени, когда сведения о голодных

²⁴ Арциховский А. В. НГБ (1958—1961), с. 39.

²⁵ Там же; Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты..., с. 269—270.

²⁶ Арциховский А. В., Янин В. Л. НГБ (1962—1976), № 11.

²⁷ Арциховский А. В., Борковский В. И. НГБ (1956—1957). М., 1963, с. 96—97.

²⁸ Арциховский А. В., Янин В. Л. НГБ (1962—1976), № 424.

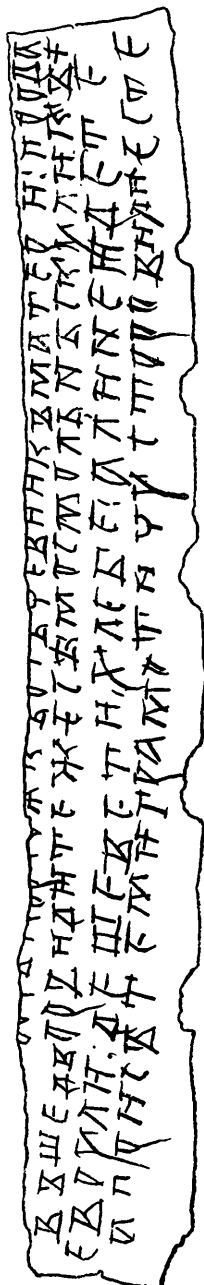

Рис. 15. Берестяная грамота № 424 (прорись)

годах в Новгороде встречаются на страницах летописи особенно часто. Вероятно, об одном из них и рассказывает документ № 424. Несколькo странно, на первый взгляд, что дешевый хлеб из Смоленска и Киева почему-то не везут в Новгород, где, воспользовавшись затруднениями с хлебом, можно было бы продать этот продукт по высокой цене. По всей вероятности, здесь мы сталкиваемся с торговой блокадой Новгорода, о чем также неоднократно упоминают летописи именно в связи с доставкой хлеба²⁹. Для рубежа XI—XII вв., которым датируется рассматриваемая грамота, как уже было отмечено, характерно резкое сокращение объема южного импорта в Новгород, что объясняется ухудшением взаимоотношений Новгорода и Киева и связанной с ним торговой блокадой. Именно поэтому дешевый хлеб из Смоленска и Киева в это время не поступал в Новгород.

Имеются в берестяных грамотах и сведения о торговле некоторыми товарами внутреннего рынка, о которых умалчивают другие источники. Восемь берестяных писем содержат сведения о рыбном промысле. И хотя ни в одном из них нет непосредственных сообщений о торговле рыбой, косвенно они позволяют сделать некоторые наблюдения по интересующему нас вопросу. К грамотам на бересте, характеризующим рыбный промысел, относятся документы № 92, 144, 169, 186.

²⁹ НПЛ, с. 253.

249, 258, 260, 280, имеющие примерно одинаковое содержание. На основании их изучения В. Л. Черепнин сделал важный вывод о выделении в Новгородской земле групп населения, специализировавшихся на занятии рыбным промыслом. В грамотах № 92 и 258 XIV в. указан список лиц, за каждым из которых числится определенное количество ценной рыбы: «...на Спехове на Стефана лосось. На шюрине его лосо. На Сидоре лосьсь. На брате его лосось. На Фларе 20 и 2 и на Заяце 4 беле. На Лавре 2 лососи. На Олферье 9 лососен. На Суике 9 лосо. Оу Петра 13 лососи. На Стуковиць 2 лососи. На Миките 4 лососи. На Сидоре 2 лососи» (№ 92)³⁰; «у Давыда 9 лососи сухых, 3 просолни. У Ивана 7 лососии с...» (№ 258)³¹.

К указанным грамотам примыкает сохранившаяся в обрывке берестяная грамота № 280 второй половины XIV в.: «3 таимени, 2 просолеи, 5 сигово, 5 таимени Яко...»³² и практически целая грамота № 260 того же времени: «Приказо ко Остафии от Сидора. Возми у Григории у Тимошина рубль и 4 лососи. Да возми у Григории полорубля, цто Сидору сулилъ. У Клима возми у Шекарова рубль, 10 било и 4 лососе наклада. У Ольксандра у Рацлала возми 50 било. У Ондрия у Цирицина возми полосорока. У Кондра у Возгреши возми полосорока. У попа у Михаили возми полорубля, 10 лососеи, то за Иванка поруцнь. У Вигали у Остафии възми 50 било»³³.

Исследователи по-разному толкуют эти записи. Относительно последней грамоты, как кажется, вряд ли можно сомневаться в ростовщическом характере ее текста. Сложнее квалифицировать грамоты другой группы (№ 92, 258 и 280). Одни усматривают в них запись товара, другие считают их записью оброка, который выплачивают господину зависимые от него люди³⁴. Однако даже в том случае, если это запись оброка, то

³⁰ Арциховский А. В., Борковский В. И. НГБ (1953—1954), с. 16.

³¹ Арциховский А. В., Борковский В. И. НГБ (1956—1957), с. 84.

³² Там же, с. 107.

³³ Там же, с. 86, 87.

³⁴ Янин В. Л. Я послал тебе бересту..., с. 138—139; Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты..., с. 277.

все равно часть полученной рыбы, вне всякого сомнения, шла на продажу, так как вряд ли одна семья в состоянии была использовать для своего стола такое количество рыбы, какое, например, названо в грамоте № 92. По подсчетам В. Л. Янина, по этой грамоте следовало получить примерно 360 кг лососей³⁵. Во всех перечисленных случаях речь идет о поставках рыбы в Новгород, где она становилась товаром.

Если, с одной стороны, рыбный промысел, как это видно из грамот, организуется корпорациями, артелями рыбаков, то, с другой стороны, сама организация сбыта, вероятно, вела к выделению в самом Новгороде групп торговцев, специализирующихся на торговле рыбой. Показательна в этом отношении берестяная грамота № 186 середины XIV в.: «Поклоно от Стыпана ко Смынку. Возми оу Кануниковыхо десять лосои, а другую десять возми оу Данилки оу Бешкова, а даи Смыну Флареву. А язю тебе ся кланяю»³⁶. Лососи здесь становятся средством расчетов, их должны и ими расплачиваются. Грамота № 144, датируемая рубежом XIII—XIV вв., фиксирует торговлю рыбой в кредит: «Приказ Косарику от Есифа. Възми у Тимофея 50 сивов о 3 рубля, а [с]роко на росто»³⁷, т. е.: «Приказ Косарику от Есифа. Возьми у Тимофея 50 сивов примерно на 3 рубля, а срок [уплаты] на Рождество».

К документам, имеющим отношение к рыбным промыслам и рыботорговле, принадлежит также грамота № 169 рубежа XIV—XV вв., неверно понятая А. В. Арциховским и Л. В. Черепниным: «Василеве Софонтеева. Онтане послале Овдокиму два клеща, да щука. С Василевы рыбы клеще послале. Клеще Стопане цетворты»³⁸. Упомянутые исследователи под «клещами» этой грамоты понимают кузнечный инструмент, а под Щукой и Васильевой рыбой — прозвища разных лиц. А. В. Куза и А. А. Медынцева убедительно показали, что термин «клещ» является иным написанием слова «лещ»³⁹.

³⁵ Янин В. Л. Я послал тебе бересту..., с. 139.

³⁶ Арциховский А. В., Борковский В. И. НГБ (1955). с. 70—71.

³⁷ Там же, с. 22—24.

³⁸ Там же, с. 55.

³⁹ Куза А., Медынцева А. Заметки о берестяных грамотах. — В сб.: Нумизматика и эпиграфика, вып. XI. М., 1974, с. 222—223.

Грамоты на бересте свидетельствуют о широко распространенной в Новгороде купле-продаже лошадей. Данные об этом находим в документах № 109, 160, 163, 350, 354, 469. В работе Л. В. Черепнина эти тексты не рассматриваются с предлагаемой нами точки зрения, поэтому подытожим их сообщения. Древнейшей является грамота № 109, происходящая из слоев рубежа XI—XII вв. Ее автор, обвиненный в покупке украденной у княгини рабыни, приобретает коня для «княжего мужа», чтобы вести расследование⁴⁰. Просьба о покупке двух коней содержится в известном письме посадника Онцифора Лукинича середины XIV в. (грамота № 354)⁴¹. В остальных документах сообщается о продаже коней. В грамоте № 160 начала XII в. содержится приказ: «Продаите половъи конь»⁴². В грамоте № 163 середины XII в. ее автор Демьян советует своему адресату продать коня за любую цену⁴³. В уже цитированной выше грамоте № 350 середины XIII в. требуют продать коня, чтобы на вырученные деньги купить рожь⁴⁴. Вероятно, владельцы коней, о которых говорится в последних трех документах, попав в затруднительное положение, вынуждены были продавать их.

Представляет интерес для рассматриваемого вопроса грамота № 469 начала XV в.: «...продалы лоша... а покинулъ мя кобылу в дес... моего, осп[оди]не, направили бы на поруку, даль...»⁴⁵. Как полагают А. В. Арциховский и В. Л. Янин, суть конфликта, очевидно, заключается в том, что недобросовестный покупатель лошади не расплатился, оставив в залог лишь кобылу, цена которой была меньше суммы его долга. Автор этого письма был вынужден обратиться в суд.

В берестяных грамотах содержатся сведения и по внешней торговле. К известным по археологическим материалам и письменным источникам предметам импорта добавляются еще некоторые товары. В грамоте № 173 рубежа XIV—XV вв. упомянуто деревянное мас-

⁴⁰ Арциховский А. В., Борковский В. И. НГБ (1953—1954), с. 38—41.

⁴¹ Арциховский А. В. НГБ (1958—1961), с. 43.

⁴² Арциховский А. В., Борковский В. И. НГБ (1955), с. 43.

⁴³ Там же, с. 50.

⁴⁴ Арциховский А. В. НГБ (1958—1961), с. 39.

⁴⁵ Арциховский А. В., Янин В. Л. НГБ (1962—1976), № 469.

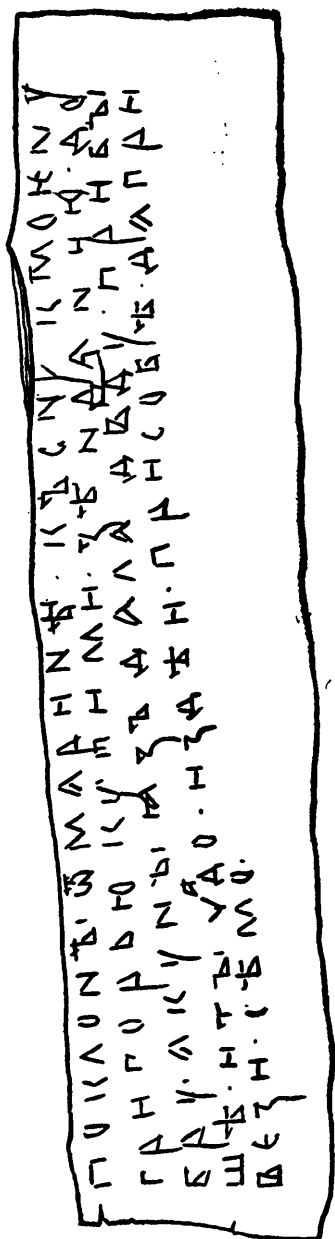

Рис. 16. Берестяная грамота № 125 (прорись)

ло, т. е. низший сорт оливкового масла, который употреблялся в лампадах: «Поклон от Панфил к Мар[фе] и ко попу. Купите маслица деревяного да пришлите симъ»⁴⁶. В уже цитированной грамоте № 125 того же времени (рис. 16) мать просит сына купить ей зендянцу: «Поклон от Маринек сыну к моему Григорью. Купи ми зендянцу добру. А куну яз дала Давыду Прибыше. И ты, чадо, издеи при себе, да привези семо»⁴⁷. Как указывают исследователи, «зендянь» — хлопчатобумажная ткань бухарского производства, называемая так по местности, где она производилась. О привозных суконных тканях сообщает грамота № 130, датируемая рубежом XIV—XV вв.: «У Вигаря 20 локото хери безо локти. У Валита в Кюлолакши 14 локти хери. У Вайваса у Ваякшина 12 локти водмолу и полотретиянацате локти хери. У Мелита в Куроле 4 локти хери»⁴⁸. По разъяснению эстонского академика П. Аристэ, «водмол» — слово нижненемецкого происхождения, обозна-

⁴⁶ Арциховский А. В. Борковский В. И. НГБ (1955), с. 58.

⁴⁷ Арциховский А. В. Борковский В. И. НГБ (1953—1954), с. 60.

⁴⁸ Там же, с. 66.

чающее грубую шерстяную ткань. До сих пор не ясно значение слова «хери», но очевидна справедливость предположения А. В. Арциховского, что это название какой-то иноземной ткани, поскольку единицей измерения здесь служит локоть⁴⁹.

В берестяных грамотах встречаем и сообщения о снабжении Новгорода солью. Солеторговля подробно изучена А. Л. Хорошкевич по данным письменных источников. В ее работе исследованы вопросы солеварения в древней Руси, места добычи соли, организация соляной торговли, проблема поставки соли в Новгород иноземными купцами⁵⁰.

Ближайшим к Новгороду местом соледобычи был район Старой Руссы⁵¹. Однако своей соли было недостаточно, и Новгород какое-то ее количество ввозил из-за рубежа. Торговля солью была сосредоточена, как свидетельствуют письменные источники, в руках ганзейских купцов. Покупку немецкой соли фиксирует берестяная грамота № 282 второй половины XIV в.: «...равь... не купи. Купилъ есмь соль немецкую. То бѣ еси семь припровадиль»⁵². О покупке соли сообщается также в документе № 32 XIV в.: «Фешке Юрьгию целомъ... соле наборзи не была. От тебе соль по 2 года мни... купиле...»⁵³. Обе грамоты относятся к XIV в., времени активной торговли Новгорода с ганзейскими городами. Что касается торговли местной солью, мы уже цитировали выше интереснейшую старорусскую грамоту № 2, целиком посвященную складнической операции солеторговли.

⁴⁹ Арциховский А. В., Борковский В. И. НГБ (1953—1954), с. 67.

⁵⁰ Хорошкевич А. Л. Торговля Новгорода в XIV—XV вв., с. 213—263.

⁵¹ Археологические находки, связанные с солеварением, обнаруженные при раскопках в Старой Руссе, свидетельствуют о развитии соляного промысла в этом городе и вблизи него уже в XI в. В ранних слоях Старой Руссы встречаются отходы соляного производства (сидерит), остатки солевареных печей, обломки цренов и др. (см.: Медведев А. Ф., Смирнова Г. П. Раскопки в Старой Руссе. — В кн.: Археологические открытия 1974 г. М., 1975, с. 25).

⁵² Арциховский А. В., Борковский В. И. НГБ (1956—1957), с. 109.

⁵³ Арциховский А. В. НГБ (1952), с. 33—34.

В некоторых грамотах содержатся сведения о стоимости разных товаров. В уже упомянутом документе № 420 указано, что сорок шкурок бобров проданы за десять гривен серебра. О цене бобровых шкур, — а именно о них идет речь в этом письме, — известно лишь из сообщений XV—XVI вв. Анализируемая грамота относится к первой половине или середине XIII в., цена в 10 гривен очень высока для этого времени, она соответствует примерно двум килограммам серебра.

О стоимости полувоза ржи в первой половине XIII в. сообщает грамота № 442 (это количество зерна стоило 9 гривен). Цены на скот зафиксированы в документе № 437⁵⁴. Большой интерес представляет берестяная грамота № 335 начала XII в., в которой автор обращается с просьбой выменять ему колток золотых по полугривне: «...ные добро же. Мени же ми кълтъке цетыри, по полоугривне кълтъкъ золотыхъ. А за тобою 12 коуне робьих ве... же тими веверицами шело...»⁵⁵. Пожалуй, это единственный случай, когда нам становится известной цена ювелирных украшений столь раннего времени. В приводимой выше старорусской грамоте № 2 говорится о цене на соль (в розницу по семи лубок за рубль) и соленую рыбу (по пяти гривен бочка).

Некоторые берестяные грамоты не могут быть целиком отнесены к документам торгового содержания, однако в их текстах встречаются или термины, связанные с торговлей, или же сообщения об отдельных покупках. Так, в бересте № 61 упоминаются гости⁵⁶, в грамотах № 107 и 351 идет речь о товарах⁵⁷; просьба о покупке излагается в заключительной части грамоты № 283 («а купи ми...») ⁵⁸. О какой-то покупке за два рубля упоминает грамота № 375⁵⁹. В документе № 381 автор дает указание взять три с половиной гривны и что-то ку-

⁵⁴ Арциховский А. В., Янин В. Л. НГБ (1962—1976), № 437.

⁵⁵ Арциховский А. В. НГБ (1958—1961), с. 23.

⁵⁶ Арциховский А. В. НГБ (1952), с. 63.

⁵⁷ Арциховский А. В., Борковский В. И. НГБ (1953—1954), с. 36—37; Арциховский А. В. НГБ (1958—1961), с. 40.

⁵⁸ Арциховский А. В., Борковский В. И. НГБ (1956—1957), с. 110—111.

⁵⁹ Арциховский А. В. НГБ (1958—1961), с. 74.

пить⁶⁰. Подобное распоряжение имеется и в грамоте № 478 середины XIV в.: «...ку[не]оу Рашка. Аже не боуде кунь оу Рашка, коупи своими кунами Колушке шапоцнику»⁶¹. Вероятно о торговце, хранящем свои товары в церкви, рассказывается в берестяной грамоте № 413 XIV в.⁶²

Анализ берестяных документов позволяет установить круг новгородского населения, связанного с торговлей. В орбиту ее действия вовлечены не только профессиональные торговцы, но также феодалы, крестьяне, ростовщики. Кроме уже упомянутых грамот, об участии феодалов в торговле дают представление также документы № 129 и 133. Письмо № 129 является частью переписки двух братьев — Есифа и Фомы, новгородских землевладельцев, живших на рубеже XIV—XV вв. Рассматриваемая грамота, кроме упоминания различных товаров, содержит некоторые подробности, связанные с торговлей: «Цолобитъ от Есифа брату своему Фоме, цобъ еси прислало воську да мѣда да овьцини добро-сошье. По шубе сошьем а... емъ да переслъшиваи о Таныи, цобъ не блодила цого зря. Только поцьне продавать тебе, и ть у еи купи, а Юблу п... дил.. ть виновату. А иное все добро, здорово здесе»⁶³. В грамоте № 133 XIV в. речь идет о различных товарах, посланных автором письма для продажи. К сожалению, текст разорван и ясно только, что среди этих товаров находились нерпа, кожа тюленя: «Поклоно от Григории к оц[поди-ну мо]ємо ко Смену. Послало [есмо с хрести]аномо со своимо с Увладн... кипу непре, 9 сото и 3 в... веревки узкои. А то дале... [дру]гонодцате рубля. А [то, го]сподине прод[аи] при себе, [а с]еребро к собе возми»⁶⁴.

Из берестяных писем иногда удается получить сведения и о путешествиях новгородцев, скорее всего, с торговыми целями в другие земли. О поездке в южную Русь сообщает документ № 105 начала XII в.; определено о торговых поездках в Суздаль говорится в грамоте № 439 и в Киев в грамоте № 524.

⁶⁰ Там же, с. 82.

⁶¹ Арциховский А. В., Янин В. Л. НГБ (1962—1976), № 478.

⁶² Там же, № 413.

⁶³ Арциховский А. В., Борковский В. И. НГБ (1953—1954), с. 66.

⁶⁴ Там же, с. 71—72.

Почти нет в берестяных письмах сведений о торговле с немцами. Кроме уже известных документов, имеющих отношение к солеторговле, есть только два текста, упоминающие немцев. О каком-то конфликте сообщает грамота № 44 XIV в.: «...Науму Соленови. Кто мое целование не надоби... побегле во немьце, а товару...»⁶⁵. В ходе этого конфликта к немцам бежали, вероятно, купцы, поскольку здесь же упоминается и товар. О конфликте с немцем (но не по торговым делам) рассказывает грамота № 25 рубежа XIV—XV вв.⁶⁶. Наконец, в грамоте № 500 XIV в., содержащей опись какого-то имущества, указывается «шуба немецкая»⁶⁷.

Рассматривая берестяные грамоты, освещающие торговлю, необходимо отметить весьма широкий круг сюжетов в них затронутых. Находки новых грамот на бересте, несомненно, увеличат число документов древнего Новгорода, рассказывающих о торговле, а их предельная конкретность и многообразие сведений дадут возможность в будущем детально восстановить торговую жизнь новгородцев во всех ее возможных аспектах.

⁶⁵ Арциховский А. В. НГБ (1952), с. 46.

⁶⁶ Там же, с. 27.

⁶⁷ Арциховский А. В., Янин В. Л. НГБ (1962—1976), № 500.

Глава IV

ТОРГОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ В НОВГОРОДЕ

Важным археологическим источником по истории торговли Новгорода становятся материалы раскопок участков Торга, купеческих усадеб, иноземных дворов. Обращаясь к характеристике торговых комплексов, мы в первую очередь хотим показать возможности этого вида источников по истории новгородской торговли, перспективы, которые открывают археологические исследования районов города, связанных с торговой деятельностью новгородцев. Однако в настоящее время мы располагаем пока еще небольшим количеством материалов, обнаруженных при раскопках таких участков. Поскольку они в большинстве своем в силу ряда объективных причин раскапывались частично, приходится оперировать неполными данными и отдельными фактами, полученными в результате археологических исследований, высказывать по некоторым вопросам торговли лишь предположения, сожалея о недостатке полноценного археологического материала для характеристики той или иной сферы торговой деятельности Новгорода.

Торг

Территория Торга, расположенного вблизи Ярославова дворища, и прилегающие к нему участки археологически исследовались неоднократно (*рис. 17*). В конце 30-х годов и в первые послевоенные годы постоянные работы в этом районе вели московские археологи под руководством А. В. Арциховского и сотрудники Новгородского музея, работавшие самостоятельно. А. В. Арциховский отмечал, что работы эти имели разведочный характер и не затронули основной территории Торга. Раскопы закладывались в разных местах и были неве-

лики по площади, составляя от 48 до 96 м², что исключало возможность выяснения подробной, детальной топографии и организации Торга.

В связи с изучаемой темой представляют интерес два раскопа (№ 4, 8), расположенные между Никольским собором и церковью Параскевы Пятницы, а так-

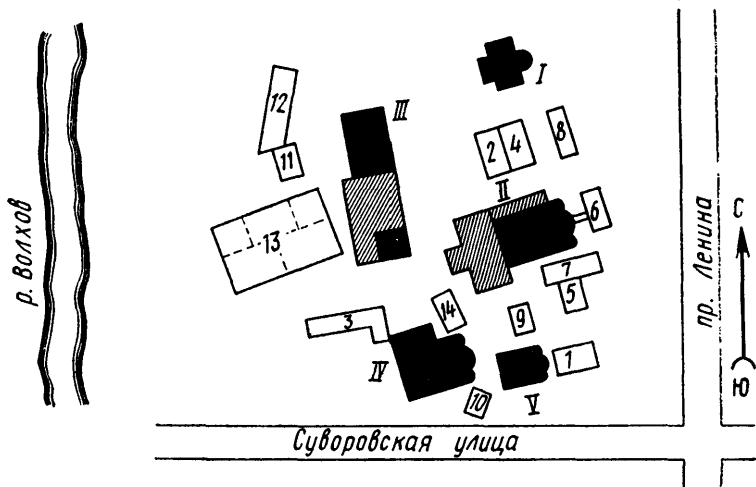

Рис. 17. Схема раскопов на Дворище и Торге (раскопы: 1—10, 14 — 1937—1939 гг., 11 — 1946 г., 12 — 1947 г., 13 — 1947—1948 гг.; архитектурные сооружения: I — ц. Параскевы, II — Никольский собор, III — проездная башня Гостинного двора, IV — ц. Жен Мироносиц, V — ц. Прокопия) (по Т. М. Константиновой)

же два раскопа (№ 11, 12), находящиеся к западу от проездной башни Гостинного двора, примерно на уровне упомянутых выше раскопов (рис. 17). Все раскопы к югу от Никольского собора не дали никаких материалов, связанных с Торгом¹.

В раскопах № 4 и 8 были обнаружены три яруса нескольких мостовых; дендрохронологический материал для датировки в археологии Новгорода в то время еще не применялся и эти ярусы получили довольно обобщенные даты: 1 ярус — XV в., 2 — XIV в. и 3 — XIII².

¹ Арциховский А. В. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде. МИА, № 11. М.—Л., 1949.

² Там же, с. 158, 160—161.

Настилы мостовых шли параллельно друг другу, расстояние между ними составляло только 7 м, и, вероятно, прав А. В. Арциховский, определивший их как торговые ряды. По обеим сторонам от мостовых находились частоколы, отгораживающие, по-видимому, торговые помещения. Здесь же были найдены остатки конструкций самих лавок и прилавков в виде многочисленных столбов и плах³. К сожалению, определить, какие именно ряды были исследованы раскопками, не представляется возможным, поскольку вещевой материал ограничен. Возможно, справедливо предположение руководителя раскопок, относящего открытые ряды Торга к продовольственным, так как в одном из раскопов собрано большое количество зерен ржи. В обоих раскопах, как отмечает А. В. Арциховский, обнаружена масса скорлупы лесных орехов, бывших, видимо, любимым лакомством новгородцев.

К западу от проездной башни Гостиного двора на одном уровне с рассмотренными раскопами, сотрудниками Новгородского музея было изучено два участка (раскопы № 11 и 12).

Любопытна находка из раскопа № 11 (площадь 72 м²), представляющая собой комок, состоящий из нескольких тысяч мелких костей беличьих лапок⁴. Несомненно, что эта находка должна быть отнесена к «меховым деньгам», которые сшивали из шкурок белки или других мелких пушных животных. Именно о таких деньгах упоминает берестяная грамота № 490, автор которой приглашает своего компаньона «куны шить». В этом же раскопе исследованы жилище ремесленника, занимавшегося обработкой кож, и другие постройки, связанные с кожевенным производством. Весь комплекс относится, по мнению специалистов, к XII в.⁵. Возможно, что ремесленник сам же был и продавцом своей продукции.

Большой интерес представляют для нас материалы раскопа № 12, который по площади превосходил ос-

³ Арциховский А. В. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде, с. 158, 161.

⁴ Константинова Т. М. Археологические работы Новгородского музея в послевоенный период. — НИС, вып. 9. Новгород, 1959, с. 96.

⁵ Там же, с. 96—99.

тальные раскопы, заложенные в районе Торга, составив 170 м². В данном раскопе обнаружено несколько разновременных срубов: в слоях XII в.—2, XIII—XV вв.—5 построек⁶. Их конструкция, взаимное расположение и другие характерные признаки позволяют считать указанные сооружения торговыми — лавочками или кладовыми. Стены этих построек сложены из неокоренных бревен, пол тоже бревенчатый, бытовые находки отсутствуют; остатков печей — неперменного признака жилых помещений — также нет.

Во всех перечисленных раскопах не было обнаружено слоев ранее XII в.⁷, из чего следует, что данная территория к северу от Никольского собора была занята торговыми рядами не ранее XII в. Следовательно, древнейший новгородский Торг в X—XI вв. располагался в ином месте. По мнению новгородского краеведа А. И. Семенова, Торг поначалу занимал пространство к югу и юго-востоку от Ярославова дворища⁸. Видимо, необходимо признать справедливость этого положения, тем более обоснованного показаниями летописи, в которой в связи с пожаром 1152 г. сообщается: «...загоряся церкви св. Михаила в сред Торгу»⁹. Таким образом, сохранившаяся до настоящего времени церковь св. Михаила, расположенная к югу от Ярославова дворища, в середине XII в. находилась посередине Торга, следовательно, и Торг был размещен в указанном районе.

Вместе с тем уже в первую четверть XII в., как считает А. И. Семенов, Торг стал распространяться к северу от Ярославова дворища¹⁰, а впоследствии окончательно переместился на эту территорию, которую занимал вплоть до XIX в. Его южная граница, как это установлено раскопками, находилась между Николь-

⁶ Константинова Т. М. Археологические работы..., с. 105.

⁷ Датировка нижнего слоя раскопа № 4 X в. требует уточнения, так как недостаточно аргументирована. Опубликованные же профили раскопа, содержащие разновременные постройки, связанные со строительством близлежащих церквей не дают материалов ранее XII в. (Арциховский А. В. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде, с. 155).

⁸ Семенов А. И. Древняя топография южной части Славенского конца Новгорода. — НИС, вып. 9. Новгород, 1959, с. 56.

⁹ НПЛ. М.—Л., 1950, с. 29.

¹⁰ Семенов А. И. Древняя топография..., с. 56.

ским собором и церковью Параскевы Пятницы и шла отсюда к Волхову.

Большой участок (836 м²), исследованный на Ярославовом дворище в 1947—1948 гг. (на *рис. 17* он обозначен цифрой 13), не дал никаких материалов, характеризующих изученную территорию как торговую¹¹, тем самым подтвердив правильность установления южной границы Торга.

К сожалению, в последующие годы район Торга археологами не исследовался и эти первые разведочные раскопы остались пока единственными, если не считать заложенного в 1971 г. неподалеку от церкви Иоанна Предтечи раскопа, получившего даже название «Торгового» (*рис. 18*). Однако никаких данных, подтверждающих принадлежность этого участка Торгу, в раскопе не встретилось (всякие постройки в нем отсутствовали, вещевой комплекс был обычным)¹² за исключением уже упоминавшейся берестяной грамоты № 490, сообщающей о складничестве и шитье кун. Этот участок, как выяснилось в ходе раскопок, был также освоен в XII в.; он находится в районе, примыкавшем в древности к новгородскому мосту, и, видимо, поэтому торговые ряды сюда не распространялись.

Приведенные сведения, полученные при археологическом исследовании Торга, несмотря на свою разрозненность дали некоторые конкретные материалы об устройстве рядов и лавок Торга, уточнили его южную границу.

Купеческие усадьбы (Лубяницкий и Кировский раскопы)

Важнейшим достижением новгородской археологии после находки берестяных грамот стало открытие усадеб. Археологические раскопки городов поначалу не дали ни одной открытой хотя бы наполовину усадьбы. Только на Неревском раскопе, когда площадь исследуемого участка достигла нескольких тысяч квадрат-

¹¹ Арциховский А. В. Новгородская экспедиция... — КСИИМК, вып. 27, 1949; его же. Раскопки в Новгороде... — КСИИМК, вып. 33, 1950.

¹² Отчет Новгородской археологической экспедиции за 1971 г. [Архив ИА АН СССР].

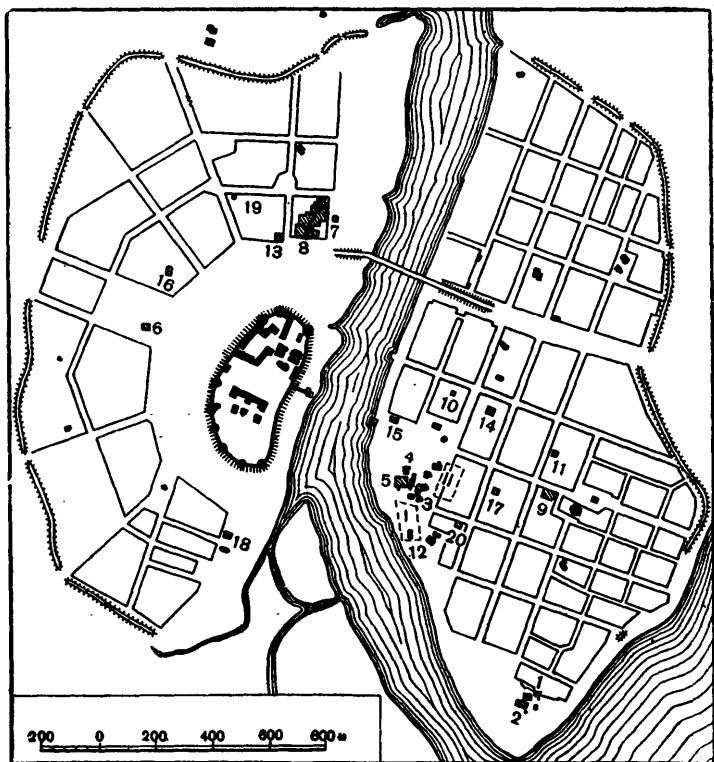

Рис. 18. План раскопов в Новгороде: 1 — Славенский, 1932 г., 2 — Славенский, 1934—1935 гг., 3 — на Ярославовом Дворище, 1938 г., 4 — на Ярославовом Дворище, 1939 г., 5 — на Ярославовом Дворище, 1947—1948 гг., 6 — на Чудинцевой ул., 1947 г., 7 — Неревский, 1948 г., 8 — Неревский, 1951—1962 гг., 9 — Ильинский, 1962—1967 гг., 10 — Лубяницкий, 1967 г., 11 — Славенский, 1968 г., 12 — Готский, 1968—1970 гг., 13 — Тихвинский, 1969 г., 14 — Рогатицкий, 1971 г., 15 — Торговый, 1971 г., 16 — Людогошинский, 1972 г., 17 — Кировский, 1972—1974 гг., 18 — Троицкий, 1973—1975 гг., 19 — Козмодемьянский, 1974 г., 20 — Суворовский, 1970 г. Пунктиром обозначено примерное местоположение иноземных дворов: I — Готского, II — Немецкого

ных метров, впервые появилась возможность говорить об усадьбах. На всем пространстве раскопа их разместились двенадцать, восемь из которых были вскрыты полностью, остальные исследованы частично. Комплекс вещевых находок и берестяные грамоты позволили определить владельцев, жителей открытых усадеб и их занятия. В результате анализа всего полученного материала оказалось, что в большинстве своем владельцами усадеб были бояре, а на территории их владений находились жилища купцов, ремесленников и других представителей населения Новгорода. Этот сам по себе чрезвычайно интересный факт, к которому мы еще вернемся, привел к окончательному решению одного из важнейших теоретических споров о проблеме экономической природы Новгородской республики. В начале работы мы уже отмечали, что долгое время исследователи считали Новгород исключительно торговым городом, существовавшим в первую очередь благодаря торговле. На первом месте историкам виделась фигура купца, державшего в своих руках все нити большой торговли, которая признавалась первоосновой новгородской экономики. Преувеличение торгового фактора в экономике Новгорода вело и к неверному представлению о роли купечества в политической организации Новгородской республики. Историки были склонны ставить знак равенства между стоящим у власти боярством и крупным купечеством.

Подробный анализ боярской экономики, предпринятый советскими учеными еще в конце 30-х годов, привел к обоснованному выводу о том, что экономическую основу боярства составляло крупное и крупнейшее землевладение¹³. Последующие исследования в этом направлении дополнительно аргументировали данное положение¹⁴, а открытие и изучение найденных на Неревском раскопе берестяных грамот, обнаружение

¹³ Арциховский А. В. К истории Новгорода. — «Исторические записки», 1938, № 2; Тараканова-Белкина С. А. Боярское и монастырское землевладение в Новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939.

¹⁴ Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955; Бернадский В. Н. Новгород и новгородская земля в XV в. М.—Л., 1961; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.

усадеб богатейших бояр, руководивших государством, окончательно развенчали мысль об отождествлении боярина и купца. Переписка боярской семьи Мишиничей-Онцифоровичей (известно 26 берестяных писем, написанных членами этой семьи) убедительно доказывает, что владение землей, заботы о ней, эксплуатация крестьян были основой хозяйства и власти новгородского боярства. В этих грамотах нет ни слова о заморских товарах, о торговых операциях, потому что торговля в боярском хозяйстве не играла решающей роли¹⁵.

Вместе с тем заново встала проблема определения места торговли в новгородской экономике. Среди нескольких тысяч открытых на Неревском раскопе построек лишь об одной можно с полной уверенностью сказать, как о принадлежавшей купцу. На усадьбе «Е» в северо-западном углу на уровне напластований 30-х годов XII в. были вскрыты остатки постройки, владельцем которой был купец. Берестяная грамота № 105, найденная здесь, сохранила нам и его имя: Кулотка. Некий Семен сообщает адресату, что долг ему он вернул в Переяславле¹⁶. Ассортимент и количество найденных на этом участке предметов (хрустальные, янтарные и стеклянные бусы, бронзовые подвески и браслеты, костяные и деревянные гребни, шиферные пряслица) явно превышали потребности одной семьи, и, вероятно, были предназначены для продажи¹⁷.

Как эта постройка с ее инвентарем, так и рассмотренные в предыдущих главах настоящей работы многочисленные импортные предметы составляли часть боярского хозяйства. В такой же степени это относится и к продукции ремесленников и к самим остаткам десятков ремесленных мастерских, характеризующих не свободное, а вотчинное ремесло. Это позволило В. Л. Янину выдвинуть следующую концепцию взаимоотношения главных факторов в экономике Новгорода.

Одним из основных товаров в новгородском импорте было сырье, необходимое для обеспечения городского

¹⁵ Янин В. Л. Заметки о берестяных грамотах. — СА, 1965, № 4; его же. Я послал тебе бересту... М., 1965.

¹⁶ Арциховский А. В., Борковский В. И. НГБ (1953—1954). М., 1958, с. 34—35.

¹⁷ Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М., 1967, с. 116.

ремесла и отсутствующее в собственных месторождениях. Однако ввоз требовал эквивалентного вывоза, состоящего из тех статей, которые больше всего требовались в странах, с которыми Новгород вел активную торговлю. Наиболее вероятными статьями экспорта были пушнина, воск, мед, мех, ценная рыба, т. е. продукты промыслов. Коль скоро основными владельцами таких промысловых угодий были землевладельцы и в первую очередь крупные землевладельцы — бояре, они в конечном счете и получали наибольший доход от торговых операций, будучи собственниками исходного экспортного товара, эквивалентного импорту. Яркий пример такой взаимосвязи дает эпоха рубежа XI—XII вв., когда переход ремесла от производства на заказ к производству на рынок потребовал резкого увеличения сырьевого импорта, что, в свою очередь, активизировало возглавленные боярством колонизационные процессы, а полученные в результате этого выгоды именно в данный период повлекли резкое усиление политической роли боярства и его успех в антикняжеской борьбе¹⁸.

Эти чрезвычайно ценные и в целом верные наблюдения, полученные в результате анализа материалов Неревского раскопа, требуют некоторой корректировки. Отсутствие на Неревском раскопе усадеб купцов и других представителей новгородского населения как будто делало правомерным первоначальный вывод о том, что все усадьбы в Новгороде принадлежали боярам, которые сдавали отдельные постройки или часть своих владений в аренду остальным жителям города.

Однако дальнейшие работы в этом направлении, обстоятельный анализ многообразных письменных источников, предпринятый М. Х. Алешковским, В. Л. Яниным и другими исследователями, позволили уточнить предложенную схему социальной организации топографии Новгорода¹⁹. Главный вывод, к которому пришли авторы, заключается в том, что организация

¹⁸ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... Изд. 2-е. М., 1975 (глава «Немного о торговле»).

¹⁹ Янин В. Л. Возможности археологии в изучении Новгорода. — «Вестник АН СССР», 1973, № 8; Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV веков. — СА, 1974, № 3.

новгородского населения была двучленной. Эта двучленность выразилась в сосуществовании двух административных систем — кончанской (боярской) и сотенной (включающей все небоярское население Новгорода), причем убедительно была доказана первичность кончанской системы по отношению к сотенной системе.

Самостоятельных купеческих усадеб на Неревском раскопе и не могло быть, поскольку древнейшие концы (именно к ним относится Неревский) являлись местом поселения боярских родов, купцы же относились к сотенному населению, селившемуся первоначально вне концов.

Вместе с тем наблюдения М. Х. Алешковского позволили ему сделать перспективное для дальнейших работ в Новгороде заключение, подтвержденное многочисленными письменными сведениями о том, что «археологи должны находить при раскопках не только боярские, но и купеческие усадьбы»²⁰. Искать такие усадьбы следует вне пределов древнейших напластований Новгорода. Кроме того, необходимо учитывать, что выделение купеческих владений из числа остальных новгородских усадеб весьма затруднено некоторыми дополнительными обстоятельствами. Дело в том, что процесс постепенного отделения купеческого сословия от ремесленников и его обособления был чрезвычайно долгим и сложным, что, естественно, затрудняет поиски «чисто» купеческих усадеб.

Даже в XVI в., как явствует из документов этого времени, полного отделения ремесла от торговли еще не произошло. Об этом свидетельствуют, например, лавочные книги 1583 г., в предисловии к изданию которых С. В. Бахрушин писал, что «главную массу владельцев лавок составляли, по-видимому, ремесленники, продававшие предметы своего производства»²¹.

К аналогичному выводу пришел и М. Х. Алешковский, которому анализ лавочных книг и других письменных источников позволил утверждать, что вплоть до конца новгородской независимости торговля еще не была в сколько-нибудь заметной степени отделена от ре-

²⁰ Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода..., с. 108.

²¹ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. Предисл. и ред. С. В. Бахрушина. М., 1930, с. IV.

месла. В это время нет еще терминологической разницы между понятиями «купец» и «ремесленник». Как указывает автор, «купцами называли и собственно торговцев чужой продукцией и самих ремесленников, ведущих широкую торговлю собственной продукцией»²².

Несомненно, что все это касается лишь организации внутренней торговли Новгорода. Вместе с тем часть торговых людей, ведущих «заморскую» торговлю, т. е. занятых внешнеторговыми операциями, видимо, была обособлена с самого начала. М. Н. Тихомиров, много занимавшийся проблемами древнерусских городов, утверждал, что поначалу в торговле специализировались лишь купцы, ведущие внешнюю торговлю. В отличие от купцов, занятых внутренней торговлей, они назывались «гостями»²³. В 1156 г. заморские купцы поставили в Новгороде свою патрональную церковь Параскевы на Торгу²⁴. Видимо, усадьбы этой категории торговцев найти будет легче, а искать их нужно, скорее всего, на Торговой стороне города.

Необходимо отметить, что в наши задачи не входит подробное исследование затронутой проблемы. Мы хотим лишь подчеркнуть, что вопросы социальной организации новгородского купечества и торговли достаточно сложны и требуют при их решении привлечения разнообразных источников. Что же касается купеческих усадеб, то наибольший интерес для их археологической характеристики представляют материалы Лубяницкого и отчасти Кировского раскопов, к анализу которых мы и приступаем.

Оба раскопа расположены на территориях, заселенных лишь в XI в., что делает маловероятным местоположение здесь боярских усадеб, которые концентрировались, как установлено, в древнейших концах Новгорода. Участки, где были заложены Лубяницкий и Кировский раскопы, относились к сотенной административной системе города, и, следовательно, владельцами усадеб в этом районе были представители сотенного населения, в том числе и купцы.

²² Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода..., с. 105.

²³ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 153—154.

²⁴ НПЛ, с. 30.

К сожалению, ни в одном из указанных раскопов из-за их малых размеров не исследовано целой усадьбы, однако комплексный анализ обнаруженных здесь материалов приводит к интересным наблюдениям.

Лубяницкий раскоп

Лубяницкий раскоп²⁵ был заложен в 1967 г. у подножия телевизионной башни (рис. 18). По отношению к территории древнего Новгорода этот участок расположен в непосредственной близости от древнего Торга, что позволяло надеяться на находки здесь предметов, связанных с торговлей.

В силу объективных причин площадь раскопа составляла всего 160 м², причем часть его была занята древней мостовой. Однако насыщенность культурного слоя раскопа разного рода находками такова, что они дают исчерпывающую характеристику этого участка. Особенно важными источниками представляются обнаруженные на раскопе девять берестяных грамот (№ 436—444). Все они относятся к единому хронологическому комплексу, происходящему из одного строительного периода последней четверти XII — первой четверти XIII в. В связи с ценностью этих материалов считаем необходимым характеризовать каждую грамоту отдельно.

В предыдущей главе нами уже подробно рассмотрена грамота № 439 с Лубяницкого раскопа, содержащая ценные сведения о торговых операциях, связанных с покупкой цветных металлов и воска. Вполне вероятно, что адресат этого письма, названный Спироком, и был владельцем усадьбы.

Тем же почерком, что письмо № 439, написаны грамоты № 436 и 437 (рис. 19)²⁶. Документ № 436 найден в обрывке, текст которого может быть переведен сле-

²⁵ Раскоп назван Лубяницким, так как открытая здесь мостовая первоначально была определена по плану С. Н. Орлова как древняя новгородская улица Лубяница (Орлов С. Н. К топографии Новгорода. — В кн.: Сборник статей к 1100-летию Новгорода. М., 1964, с. 280). При более тщательном анализе источников было установлено, что в действительности Лубяница находилась южнее раскопанного участка, а исследованная мостовая является частью древней Буяны улицы.

²⁶ Арциховский А. В., Янин В. Л. НГБ (1962—1976). № 436, 437.

дующим образом: «... и пять гривен осталось. Я пришлю тебе, получив серебро в добавок, если разрешишь. А доход ...»²⁷. В грамоте № 437, дошедшей до нас в четырех обрывках, речь идет о ценах на скот: «...мо...лше... во восеме гривено... тыхо молодых коне... ецеи

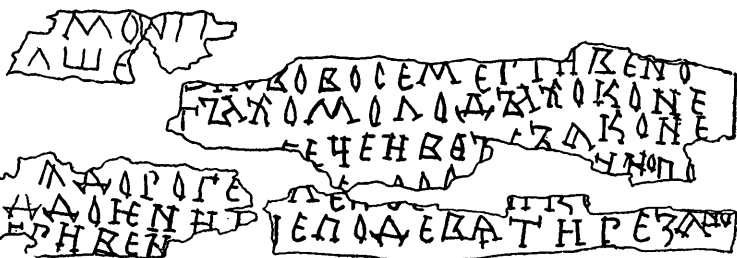
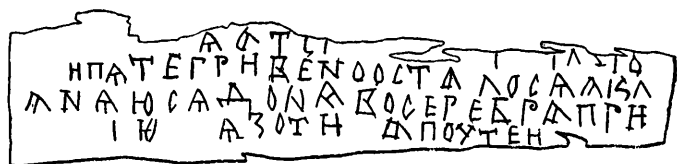

Рис. 19. Берестяные грамоты № 436, 437 (прорись)

во... законе... уноп... а дороге... д до ни... гривен... е по девяти резано»²⁸.

Почерк автора письма № 440 похож на почерк только что рассмотренных грамот, хотя с полной уверенностью утверждать их идентичность нельзя. Эта грамота также представлена в обрывке: «...яти векоше новои...», который сообщает, что кто-то должен взять новую векшу²⁹. Векша — денежная единица, которая на рубеже XII—XIII вв. меняется в связи с перестройкой новгородской денежной системы, что и вызвало появление термина «новая векша».

Интересно содержание берестяного свитка № 438: «...40 резанъ, подышевъ 6 ре[занъ] и 30, а въ 30 ре-

²⁷ Арциховский А. В., Янин В. Л. НГБ (1962—1976), № 436.

²⁸ Там же, № 437.

²⁹ Там же, № 440.

зане[хъ]... гр[и]вна, въ първое коробее на 12 гр[и]вне, въ другее коробее дробь[нее]... [п]о резане, а большее по 3 резане, ножевы 50, полъгр[и]вне головеце... мь 2 гр[и]внъ, на гребеньихъ гр[и]вна... [ко]жухъмъ»³⁰. Этот документ фиксирует подсчет стоимости различных предметов кожевного производства, которые, видимо, принадлежали или самому ремесленнику, их изготовлявшему, или торговцу.

Обрывок бересты под № 441 содержит конец фразы: «...ноу я слю к тобъ», начало которой может быть понято как часть слова «гривна», и тогда общий смысл отрывка звучит «гривну я шлю к тебе»³¹.

Берестяная грамота № 442, хотя и сохранилась не полностью, но содержит вполне связный текст: «От Радиле ко матери... 9 гривено половоза рож[е]...»³². Целиком дошедший берестяной документ под № 443 представляет собой перечень имен автора и его адресатов: «От Домитра ко ко Феларю и ко Несодиле»³³. Эта грамота, вероятно, являлась ярлыком, который привешивался при пересылке к отправляемой вещи. Такие ярлыки неоднократно встречались и на других раскопах.

Наконец, последняя из найденных на Лубяницком раскопе берестяных грамот, № 444, содержит часть русского алфавита «абвгдф»³⁴.

Мы так подробно остановились на пересказе содержания берестяных документов данного раскопа, поскольку, рассмотренные вместе, они характеризуют владельца усадьбы как человека, занятого различными торговыми операциями. Даже грамоты, сохранившиеся лишь в обрывках, могут быть отнесены к тому же торговому комплексу. В них идет речь или о денежных расчетах (документы № 436, 440) или о ценах на различные товары (№ 437, 438, 442). В целом все берестяные документы с Лубяницкого раскопа, кроме последней грамоты № 444, свидетельствуют о купеческом характере обнаруженной здесь усадьбы. Особенно важна для характеристики ее владельца уже упомянутая

³⁰ Арциховский А. В., Янин В. Л. НГБ (1962—1976), № 438.

³¹ Там же, № 441.

³² Там же, № 442.

³³ Там же, № 443.

³⁴ Там же, № 444.

берестяная грамота № 439, характеризующая торговое складничество в торговле цветными металлами. Однако владелец усадьбы не ограничивался только торговлей предметов, связанных с ювелирным производством; из других грамот мы узнаем, что он, наряду с торговлей свинцом, оловом и воском занимается подсчетом стоимости различных изделий кожевенного и галантерейного производства (подошв, ножен, предметов конской сбруи и гребней), интересуется ценами на рожь и скот, ведет различные денежные расчеты.

Торговый характер открытой усадьбы помимо грамот подтверждают и другие находки. В первую очередь привлекают внимание более 1 000 кусочков янтаря, среди которых 5 готовых изделий (4 бусины и 1 крестик) и семь заготовок янтарных бус. Такое огромное количество янтаря на относительно небольшом участке раскопа найдено в Новгороде впервые, что, несомненно, свидетельствует о торговых занятиях жителей усадьбы³⁵.

Наряду с предметами, фиксирующими торговую деятельность владельца усадьбы, на Лубяницком раскопе обнаружены находки, доказывающие существование на этом участке ювелирного производства. Среди таких предметов — литейная форма, обломки тиглей, остатки проволоки и обрезков из цветных металлов, складные весы, необходимые в ювелирном ремесле. Эти предметы, рассмотренные вместе с берестяной грамотой № 439, свидетельствуют о том, что владелец, ведущий активную торговлю, был также озабочен организацией ювелирного дела на своей усадьбе. Это лишний раз подчеркивает неразрывность ремесла и торговли в средневековом Новгороде.

К сожалению, на территории раскопа из-за его малых размеров почти не обнаружено сколько-нибудь значительных построек, что затрудняет окончательную характеристику открытого комплекса. Трудно судить о размерах торговой деятельности его владельцев, но главный вывод, полученный в результате анализа всей совокупности обнаруженных древностей, остается не-

³⁵ Кроме массовых импортных находок на раскопе обнаружена камея итальянской работы XIII в. (Рындина А. В. Итальянская камея XIII в. с изображением богоматери Одигитрии из Новгорода. — СА, 1968, № 4).

сомненным: владельцем усадьбы, частично исследованной в Лубяницком раскопе, был крупный торговец, занимавшийся наряду с различными торговыми операциями и организацией ювелирного ремесла. Вероятно, и свою торговую деятельность он в какой-то степени подчиняет интересам ювелирного производства.

Лубяницкий раскоп показал возможности и перспективы исследования усадеб, владельцами которых могли быть купцы или люди в той или иной степени связанные с торговлей.

Кировский раскоп

Кировский раскоп³⁶, исследованный в 1972—1974 гг., расположен так же, как и Лубяницкий раскоп, на Торговой стороне Новгорода. Он находится сравнительно недалеко от территории древнего Торга, во дворе дома №24 по ул. Кирова (отсюда и название раскопа). Площадь раскопа равнялась 320 м², а мощность культурного слоя в этом районе достигла 9 м. Несмотря на довольно скромные размеры раскопа, здесь была собрана богатейшая коллекция древних предметов. Особенно интересны в связи с рассматриваемой темой находки из слоев XIV в. Напластования этого времени отложились почти в двух метрах слоя, их характеристике посвящен данный раздел.

Необходимо отметить, что целой усадьбы на указанном участке не обнаружено, в раскопе была исследована пограничная зона 2 или 3 усадеб, одна из которых заняла значительную часть раскопа. Об этой усадьбе, исследованной достаточно подробно, и пойдет дальше речь.

На ней обнаружены остатки нескольких ремесленных мастерских, а именно: ювелирной, ткацкой, деревообделочной, кожевенной. Об этих мастерских мы судим не по единичным находкам, а по всему комплексу предметов, обнаруженных здесь. О ювелирном ремесле свидетельствуют находки 11 литейных форм, разнообразных инструментов (пинцет, ювелирный молоточек и другие), целых тиглей и льячек и их обломков, мно-

³⁶ Отчет Новгородской археологической экспедиции за 1972—1974 гг. [Архив ИА АН СССР].

гочисленных обрезков пластин и проволоки, остатки шлаков. Кроме того, найдены и различные готовые изделия ювелирного производства, среди которых привлекают внимание 5 целых и 2 бракованных зооморфных шумящих подвески.

Остальные ремесла также представлены вполне убедительно. Для ткацкого ремесла обнаружены десятки веретен (37 штук), глиняных и каменных пряслиц (42), детали прялок и ткацких станков в виде разнообразных подшипников (53), юрков (15), челноков (4). Найдены также более трех десятков деревянных чесал, применявшихся при обработке льна.

Существование на раскопе мастерской по обработке дерева (в основном по изготовлению различной посуды и, возможно, гребней) несомненно, поскольку встречены несколько заготовок ковшей (6), заготовка гребня, инструменты для обработки дерева и многочисленные образцы готовой продукции в виде ложек (25 штук), ковшей (10), мисок и чашек (34), точеных крышечек (10), деревянных гребней (33).

Кожевенное производство характеризуется находками деревянных сапожных колодок-правил в количестве 13 штук, нескольких десятков шильев (32), разнообразных образцов готовой обуви (ажурные туфли, поршни) и ножен (34).

Перечисленный материал со всей очевидностью свидетельствует об организации на исследованной усадьбе крупного ремесленного производства.

Вместе с тем в этих же слоях найдены и разнообразные предметы импорта — в первую очередь сырье (цветные металлы, самшит, янтарь) для некоторых из указанных ремесел. Наряду с ним встречены в значительном количестве и готовые изделия импортного происхождения, к которым относятся хрустальные вставки перстней и западноевропейские ткани, принадлежащие к массовым категориям импорта.

Следует отметить, что импортные находки связаны в основном с западным направлением новгородской торговли, которое характерно для XIV в.

Тесную связь владельца усадьбы с западной торговлей подчеркивает и обнаруженная на раскопе группа предметов, имеющих аналогии только в материалах Готского раскопа. Это прежде всего образцы характер-

ной западноевропейской керамики, в большом количестве собранной на Готском раскопе; к этой же группе относится крышечка из биллона, по размеру, форме и общей композиции повторяющая «готскую» находку: в центре предмета изображен всадник, вокруг орнаментальной бордюры; найденные деревянные подсвечники со знаками геометрического характера, также совершенно подобны таким же предметам с Готского раскопа. Кроме того, небольшой плоский футлярчик из биллона, орнаментированный с двух сторон узором из лилий несомненно происходит из Западной Европы. Все указанные находки не являются предметами торговли, на Готском раскопе они характеризуют быт иноземных купцов. Обнаруженные на Кировском раскопе, эти предметы могут служить подтверждением письменных сообщений о том, что немецкие купцы из-за недостатка места на своих торговых дворах (Готском и Немецком) иногда поселялись во дворах новгородцев. Видимо, в XIV в. на данной усадьбе, владельцем которой был новгородец, жили иноземные купцы, тем более что сам Немецкий двор находился в соседнем квартале.

Обнаруженные на раскопе берестяные грамоты, к сожалению, не содержат конкретных данных для социальной характеристики владельца усадьбы. И все-таки рассмотренные в комплексе с остальными находками они дают некоторую информацию. Из слоев XIV в. происходит 4 грамоты, одна из которых — вежливый ответ на полученное приглашение (№ 497). Два обрывка длинной узкой бересты, сохранившие имена «Михин» (№ 498) и «Мишино» (№ 499), представляют собой ярлыки, прикреплявшиеся обычно к товарам. Наконец, грамота № 500 содержит опись имущества: «Полтора роубля серьбром, ожерье вь...дроугое съ хрустаю, шюба немечкая, кожа деланая, ржи 6 коробы, а 2 недьланы кожи, чепь котельная, мьхъ коунъ, 5 телянь, 5 овьцин, котлець, скоророда, скобъкаръ, полтъна 2 локти, о... польсть, 3 хомоуты рьмяны, оузда кована робична, икона съ го[и]таномъ... о невъля». Предметы, перечисленные в этом документе, чрезвычайно разнообразны: здесь и деньги, и готовые изделия, и рожь, и выделанные и невыделанные кожи. Можно предположить, что в грамоте записаны вещи, принадлежащие владельцу усадьбы и отражающие в какой-то степени

круг его занятий. Для нас важны упоминания шубы немецкой и хрустального ожерелья, несомненных предметов импорта.

Несмотря на отсутствие прямых сведений для определения социальной принадлежности владельца усадьбы весь комплекс полученных из слоев XIV в. материалов позволяет считать его богатым купцом, ведущим активную заморскую торговлю и вместе с тем занятым организацией на своем участке ремесленного производства по изготовлению различных изделий, необходимых на внутреннем рынке.

Что касается более ранних слоев Кировского раскопа, а именно XI—XII вв., то установить преемственную связь усадьбы XIV в. с усадьбами XI—XII вв. не представляется возможным. Планировка данного района в XII в. была иной, что прослежено по расположению срубов и частоколов, открытых в древних напластованиях. Насыщенность слоя XI—XII вв. находками значительно меньше по сравнению со слоями XIV в.

Лубяницкий и Кировский раскопы только крошечные «окна», позволившие заглянуть в мир купеческих усадеб древнего Новгорода, но, вероятно, в будущем такие усадьбы будут исследованы археологами полностью, что позволит решить многие вопросы новгородской торговли.

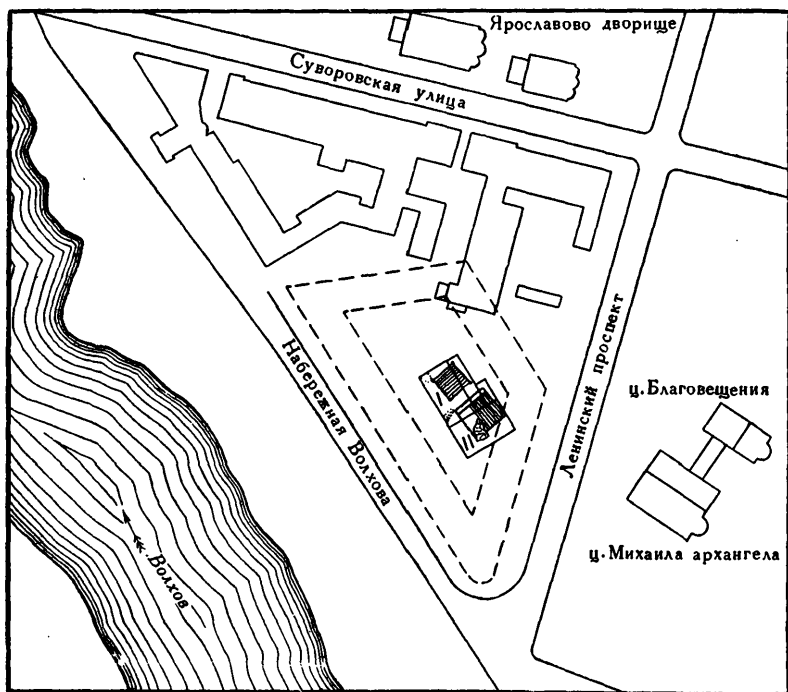
Иноземные дворы (Готский раскоп)

Значительное место в новгородской торговле занимала организация в Новгороде иноземных торговых дворов. И здесь археологический материал дает нам новые сведения. Большой интерес для указанной темы представляют раскопки Готского двора. Хотя результаты этих работ уже опубликованы в специальной археологической литературе, считаем необходимым рассказать о них в данном исследовании.

Готский раскоп был заложен в 1968 г. в районе строительства гостиницы, вблизи церкви Благовещения и св. Михаила архангела к югу от Ярославова дворища (рис. 20).

Территории, примыкающие к Дворищу, имели большое значение в истории торговли Новгорода. Этот район был центром торговой жизни города, где находи-

лись торговые ряды, пристани, торговые дворы иностранных купцов. Участок, отведенный под строительство гостиницы, занимал, как это было установлено по письменным источникам, как раз часть одного из иностранных дворов. По документам известно о двух таких

Масштаб 1 : 500

Рис. 20. Ситуационный план Готского раскопа (пунктиром обозначено место будущей гостиницы, внутри обозначен Готский раскоп со срубами 4 и 5)

дворах в средневековом Новгороде: Готском и Немецком.

В литературе существует некоторая путаница относительно размещения их на территории Новгорода. Так, исследователи прошлого века не всегда верно определяли количество и местонахождение этих дворов. Известный исследователь топографии древнего Новго-

рода И. Красов указывает местоположение только Немецкого гостиного двора, не упоминая о Готском³⁷. При этом он ссылается на автора «Исторических разговоров» Е. Болховитинова, который также говорит о наличии в Новгороде лишь одного гостиного двора немецких купцов³⁸. У местного краеведа В. С. Передольского вопрос об иноземных дворах крайне запутан. Он считал, что в древности в Новгороде было два Готских двора: один на месте Путевого дворца, построенного не ранее 1778 г. против Предтеческой церкви на Опоках на берегу Волхова, другой — на пространстве между Дворищенскими церквями, Молочной горкой, Б. Михайловской ул. и р. Волхов³⁹.

Лишь М. Н. Бережков⁴⁰ и А. И. Никитский⁴¹, тщательно исследовав источники, особенно иностранные, правильно отмечали наличие и примерное местоположение в Новгороде иноземных дворов.

По показаниям письменных документов оно устанавливается, хотя не вполне точно, однако достаточно определено⁴².

Оба двора — Готский и Немецкий находились в непосредственной близости от княжеской резиденции на Ярославовом дворе (рис. 18).

Сведения о конфликтах Готского двора с жителями древней Михайловой улицы позволяют с полным основанием помещать Готский двор на Михайловой улице,

³⁷ Красов И. О местоположении древнего Новгорода. Спб., 1851, с. 97.

³⁸ [Болховитинов Е.] Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808.

³⁹ Передольский В. С. Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898.

⁴⁰ «Из древней скры новгородского двора, из латинской и немецкой редакции договора 1270 г., наконец, из новгородских летописей видно, что с конца XII в. в Новгороде существовали два двора: Готский с церковью св. Олафа и Немецкий с церковью св. Петра». (Бережков М. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. Спб., 1879, с. 61).

⁴¹ «Таких дворов в рассматриваемое время у иноземцев было уже два: старый — Готский и новый — Немецкий» (Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. Спб., 1893, с. 111).

⁴² Документы, содержащие сведения о местонахождении иноземных дворов относятся к XIII—XV вв., однако, несомненно, что Готский и Немецкий дворы в это время находились на тех же территориях, что и в момент основания.

вблизи Волхова, т. е. с южной стороны княжеского двора. В «Проекте договорной грамоты», датируемом 1371 г., говорится: «А что учинилось зло на Готском дворе, то мы (иностранные купцы.— *Е. Р.*) с нашими соседями с улицы св. Михаила dokonчили по дружбе»⁴³. В 1439 г. вновь возник инцидент между жителями Михайловой улицы и Готским двором в связи с установлением новых ворот двора. Когда управляющий двора решил подвинуть косяки ворот на полфута вперед, то тотчас явились старосты Михайловской улицы с толпой народа, требовавшей выдачи виновника, дерзнувшего посягнуть на принадлежащую уличанам землю⁴⁴.

Рядом с Немецким двором находилась русская церковь Иоанна Крестителя, которая в источниках постоянно называется как церковь, стоящая у Немецкого двора. Местоположение этой церкви обозначено на одном из сохранившихся планов Новгорода XVIII в. Она находилась напротив Никольского собора, к востоку от него⁴⁵. В латинских текстах договоров русских с немцами последние оговаривают себе право прохода от Готского двора к Торгу через княжеский двор, а также требуют, чтобы пространство между Немецким двором и церковью св. Николая не застраивалось, так как оно было необходимо для свободного сообщения между Готским и Немецким дворами⁴⁶. Из этого показания следует, что Немецкий двор находился к востоку от Ярославова дворища и расположенного на нем княжеского двора, т. е. напротив Никольского собора, что подтверждают и свидетельства о спорах Немецкого двора с жителями древней Ильиной улицы (примерно нынешняя улица Первого мая)⁴⁷.

Косвенные сведения о размещении в Новгороде иностранных дворов содержатся и в донесении Немецкого двора рижскому магистрату о ссоре между немцами и русскими. Когда немцы с Готского двора шли через княжий двор варить пиво на Немецкий двор, между

⁴³ ГВНИП, с. 76, № 42.

⁴⁴ Никитский А. И. История экономического быта., с. 111.

⁴⁵ Летом 1975 г. остатки этой церкви были обнаружены при археологических раскопках (Археологические открытия 1975 г. М., 1976).

⁴⁶ Никитский А. И. История экономического быта., с. 112.

⁴⁷ Там же.

ними и русскими завязалась драка, в результате которой был убит русский⁴⁸. Этот документ XV в. ценен для нас тем, что он подтверждает наличие в Новгороде двух иноземных дворов, имеющих в XV в. общее хозяйство, и содержит сведения о размещении этих дворов вблизи княжеского двора на Ярославовом дворище.

О времени возникновения иноземных дворов почти нет никаких письменных показаний. Однако несомненно, что Готский двор возник раньше Немецкого двора. Это положение логически вытекает из истории развития русско-немецких отношений⁴⁹. Кроме того, оно подтверждается косвенным свидетельством договора Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенного в 1270 г., по которому плата за доставку товаров к Готскому двору равнялась 10 кунам, а к Немецкому — 15 кунам⁵⁰. Из этого сообщения следует, что Готский двор занимал более выгодное положение, находясь в непосредственной близости от речных пристаней. Готландцы могли освоить этот участок только в том случае, если их торговая контора появилась в Новгороде раньше Немецкой.

Вполне вероятно, что готландцы основали свой двор в Новгороде уже в начале XII в., так как к этому времени существуют развитые торговые отношения между Новгородом и Готландом⁵¹. Во всяком случае в Новгородской летописи под 1152 г. упоминается уже Варяжская божница (а это была церковь св. Олафа на Готском дворе) в связи с пожаром Славенского конца: «Априля 23 загореся церкы св. Михаила в сред Торгу, и много бысть зла; и погоре весь Торг и двори до ручья, а само до Славна, и церквии сгоре 8, а 9 Варяжская»⁵².

Новгородская летопись различает Варяжскую и Немецкую церкви: если о церкви, расположенной на Готском дворе, говорится как о Варяжской божнице, то о церкви на Немецком дворе упоминается, как о Немец-

⁴⁸ Бахрушин С. В. Памятники истории Великого Новгорода. Спб. 1909, с. 76—80.

⁴⁹ См. главу II настоящей работы.

⁵⁰ Бахрушин С. В. Памятники истории..., с. 69.

⁵¹ См. главу II настоящей работы. Сведения о возникновении Готского двора могут быть дополнены также показаниями легенды о чуде посадника Добрыни, которая рассмотрена далее.

⁵² НПЛ, с. 29.

кой. Например, под 1275 г. имеется запись: «В ночь загорися на княжи дворе подле Немецкого двора и погоре Торг семо до Славна, а семо и до Рогатище и сгоре церкви 7 деревянных, а каменных 4 огореша, а 5 Немецкая»⁵³. Возникновение в Новгороде Немецкого двора с церковью св. Петра исследователи склонны относить к концу XII в.⁵⁴, что также соответствует этапам развития новгородско-немецких отношений. К тому времени немцы уже вполне освоились на Готланде, основали там свою факторию и стали устанавливать торговые отношения с партнерами готов, в том числе и с русскими.

Сведения о времени основания немецкой церкви, а значит, и Немецкого двора в Новгороде могут быть почерпнуты из Третьей Новгородской летописи, в которой сообщается, что «в лето 6700 (1192) перенесли церковь древяну святого Иоанна Предтечи на ино место, а на том месте поставиша немецкую ропату и о том бысть чудо о посаднике Добрыне»⁵⁵. Содержание упомянутой в летописи легенды известно из рукописных сборников XVI—XVII вв., причем сохранилось два варианта списков повести о посаднике Добрыне⁵⁶. Суть ее заключается в том, что немцы, прибывшие торговать в Новгород (необходимо заметить, что в разных списках легенды иноземные купцы именуются по-разному; в одном варианте — немцами, в другом — латинянами), захотели поставить там свою церковь, в чем им сначала было отказано. Но потом, при содействии посадника Добрыни иноземцы получили разрешение на постройку церкви, выбрав для нее место «посреди града в Торгу, где стоит церкви древяна святого Иоанна Предтечи. Посадник же Добрыня, ослеплен мздою и научен диаволом и повеле церкви святого Иоанна Предтечи нести

⁵³ НПЛ, с. 323.

⁵⁴ Никитский А. И. История экономического быта..., с. 30; Фортинский Ф. Я. Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 г. Киев, 1887, с. 361; Костомаров Н. И. Северо-русские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. СПб., 1904, с. 330; Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922, S. 32.

⁵⁵ Новгородские летописи. СПб., 1879, ст. 194.

⁵⁶ Никольский А. И. Сказание о двух новгородских чудесах из жития святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня. — ИОРЯС, т. 12, кн. 3, СПб., 1907.

на ино место, а то место отвел немцам». За такие действия Добрыня был сурово наказан: при возвращении с веча его насад вихрем был поднят на высоту и упал в воду, тело Добрыни с трудом выловили, а за свое «лукавство» он не получил православного погребения⁵⁷.

Несомненно, эта повесть, несмотря на свой легендарный характер, основывается на реальных исторических событиях, что неоднократно отмечали многие исследователи.

Достоверным является сообщение легенды о переносе при посаднике Добрыне православной церкви Иоанна Предтечи и строительстве на ее месте католической божницы. Факт переноса церкви зафиксирован в «Рукописании» Всеволода: «а буювище Петрятино дворище от прежних дверей святого, великого Ивана...»⁵⁸. Как видно, речь идет об известной церкви Иоанна Предтечи на Опоках. В. Л. Янин, анализируя изображение древней фрески на восточной стене этой церкви, убедительно показал, что в 10-е годы XII в. был совершен ее перенос с первоначального местоположения на участок, где церковь находится до сих пор.

Вместе с тем текст летописного рассказа содержит алогизм: строительство немецкой ропаты в 1192 г. связывается с именем посадника Добрыни, умершего в 1117 г.⁵⁹ Кроме того, вызывает недоумение присутствие немцев в Новгороде, согласно тексту легенды, в начале XII в.

Однако источниковедческий анализ разных списков легенды, привлечение некоторых дополнительных данных и обращение к истории взаимоотношений Новгорода с западными партнерами позволяет разобраться в указанных несоответствиях, а главное, установить тот факт, что в приведенной выше повести о посаднике Добрыне рассказывается о строительстве не церкви св. Петра на Немецком дворе, как считалось прежде, а церкви св. Олафа, поставленной на Готском дворе в начале XII в.⁶⁰ Вероятно, летописная дата, сообщаю-

⁵⁷ Памятники старинной русской литературы, вып. 1. Спб., 1860, с. 252.

⁵⁸ НПЛ, с. 508.

⁵⁹ НПЛ, с. 20, 204.

⁶⁰ Рыбина Е. А. Повесть о новгородском посаднике Добрыне. — В кн.: Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978.

щая о строительстве немецкой церкви в 1192 г., достоверна, так как соответствует этапам развития новгородско-немецких отношений.

Строительство в Новгороде первой католической церкви, которой была Варяжская божница, вероятно, возмутило новгородцев и послужило поводом для возникновения легенды о посаднике Добрыне.

Впоследствии, когда оба двора объединились под общим руководством немецкой купеческой компании, когда церковь св. Олафа на Готском дворе перестала существовать (в новгородской летописи последний раз она упоминается в 1311 г.), народное предание стало связывать перенесение церкви Иоанна Предтечи со строительством немецкой церкви св. Петра.

Итак, анализ легенды о посаднике Добрыне в совокупности с другими материалами делает бесспорным вывод о существовании в Новгороде Готского двора с церковью св. Олафа в начале XII в. и о возникновении собственно Немецкого двора с церковью св. Петра лишь в конце XII в.

Если основателями Готского двора в Новгороде были готские купцы, то основателями Немецкого двора были, вероятно, выходцы из немецкой колонии на Готланде и первоначально их двор был как бы отделением Готского. Оба двора находились под одним управлением и зависели от готско-немецкой компании Висби. Ежегодный остаток от дворовых расходов по общему определению всех немецких городов отсылался на Готланд, где хранился в церкви св. Марии⁶¹.

Время существования в Новгороде иноземных дворов, разделенных территориально, но имевших общую казну, общее управление и, вероятно, общие складские и хозяйственные помещения, можно разделить на несколько периодов, соответствующих этапам развития новгородско-немецких отношений⁶². Так, первый период с конца XII до конца XIII в. характеризуется господством Висби. Второй период — с конца XIII в. до середины XIV в. — определяется общим руководством Висби и его партнера и соперника по торговле с Новго-

⁶¹ Строев С. Первоначальное образование и распространение немецкого двора в Новгороде. — ЖМНП, 1838, № 3.

⁶² Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. S. 32.

родом Любека. Со второй половины XIV в. наступает третий период, продолжающийся до середины XV в., когда в торговле с Новгородом наряду с Любеком и Висби приобретают большое значение лифляндские города (Рига, Дерпт, Ревель) и двор находится под руководством всех западных партнеров Новгорода. О том, что лифляндские города получают все больший вес в торговой конторе в Новгороде, свидетельствует договор об аренде Готского двора, заключенный в 1402 г. Ревелем от имени ганзейских городов и всего немецкого купечества на Висби⁶³. В дальнейшем этот договор постоянно обновляется. Последний, четвертый, период существования гостиного двора немецких купцов относится ко второй половине XV в., вплоть до его закрытия в 1494 г., и характеризуется полным господством лифляндских городов⁶⁴. В это время Готский двор носит название Немецкого речного двора⁶⁵, а позднее его территория называется местом ливонских немцев⁶⁶.

Письменные источники дают нам материал и об устройстве иноземных дворов и о их статусе. Больше всего подобной информации содержится в скре — уставе Немецкого двора в Новгороде, известной в семи редакциях. Этот документ широко используется всеми исследователями русско-немецких отношений, историками Ганзейского союза и торговых контор в Новгороде. В русском переводе скра изложена в статьях И. Е. Андреевского⁶⁷ и П. Талья⁶⁸, на основании ее изучения построены работы С. Строева⁶⁹. Активно исполь-

⁶³ Goetz L. K. Op. cit., S. 99.

⁶⁴ Ibid., S. 32.

⁶⁵ «В лето 6980 (1472) октября загорелось в Новгороде с вечера в ночь, от Белого костра с берега и горе в гору всю ночь и до обеда, мало не оба конца выгорело и немецкий двор речной скоре» (Псковские летописи, вып. 2. М., 1955, стр. 185).

⁶⁶ Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду великому конца XVI в. Спб., 1911.

⁶⁷ Андреевский И. Е. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. Спб., 1855.

⁶⁸ Таль П. Третья Новгородская скра (ок. 1325 г.). М., 1905.

⁶⁹ Строев С. Первоначальное образование и распространение немецкого двора в Новгороде; его же. О торговле немецких купцов с Россней до конца XIV в. — ЖМНП, 1839, № 4—6, отд. II.

зует материалы скры и А. И. Никитский в его фундаментальной «Истории экономического быта Великого Новгорода».

Готский и Немецкий дворы, расположенные в чуждом, а нередко и враждебном им городе, огороженные высоким прочным тыном, поддержание которого в порядке было одной из постоянных забот немецкого купечества, были своеобразными крепостями для иностранных купцов. Внутри оград располагались церковь, помещения для жилья, различные хозяйственные постройки: амбары, пивоварни, мельница, больница и прочее⁷⁰. Известно и о существовании лугов, которые тянулись вдоль берега Волхова и истари были уступлены готам и немцам во владение⁷¹.

Археологический материал, накопленный в результате раскопок предполагаемой территории Готского двора, уточнил и конкретизировал предварительные выводы о его местоположении, дал новые сведения об устройстве частокола, амбаров двора; также был собран значительный вещевой материал.

Готский раскоп

Площадь Готского раскопа в результате трехлетнего исследования (1968—1970 гг.) достигла 542 м², на территории которой были вскрыты остатки нескольких деревянных и одного каменного сооружений (рис. 21). Среди деревянных построек внимание исследователей привлекли остатки двух срубов № 4 и 5, вошедших в раскоп полностью (остальные были затронуты частично и были обычными).

Сруб № 4 был расчищен на глубине 100 см и прослежен до 183 см; его площадь составляла 72,25 м². Восточная стена сруба сохранилась на два венца, северная — на один, западная и южная — фрагментарно. По соседству с этим срубом обнаружены остатки еще одного сооружения, сруба № 5, площадь которого равнялась 110,25 м². В нем на два венца сохранились восточная и южная стенки, на один венец — северная и, частично, западная. Оба сруба были сложены из мощ-

⁷⁰ Никитский А. И. История экономического быта..., с. 113.

⁷¹ Бережков М. Н. О торговле Руси с Ганзой..., с. 134.

ных бревен диаметром 60—70 см. Бревна такой толщины впервые встретились в древних новгородских постройках. Новгородцы использовали для строительства любых помещений, будь то жилище, хозяйственные или производственные постройки, бревна диаметром не

Рис. 21. Остатки деревянных сооружений (сруб 4 и 5) на Готском раскопе

более 16—30 см⁷². Внутри срубов сохранились настилы пола из горбылей диаметром 20—25 см, уложенные на переводинах — бревнах диаметром 20—30 см, что также превышает обычные размеры настилов новгородских построек.

Выяснен и еще ряд особенностей этих сооружений. Торцы углов новгородских строений обрубались всегда топором очень ровно по отвесу, в рассматриваемых же срубках они опилены. П. И. Засурцев отмечает, что «рубленный угол меньше поддается гниению, так как при рубке волокна дерева сжимаются, тогда как при отпиливании они, наоборот, разломачиваются. Но обрубка

⁷² Засурцев П. И. Усадьбы и постройки Великого Новгорода., с. 18.

углов — это очень трудоемкая операция, требующая к тому же от плотника высокого мастерства»⁷³.

Новгородцы при рубке стен делали специальный паз в нижнем венце, в который вставлялось верхнее бревно. В наших срубах таких пазов не прослежено. Щели между бревнами, которые образовывались при кладке стен таким образом, строители пытались ликвидировать берестяными прокладками по внешней стороне стены. Такой прием наблюдается в восточной стене сруба № 4, сохранившейся на два венца. Отмеченные особенности лишней раз подчеркивают своеобразие строительной техники, с которой исследователи столкнулись впервые.

При строительстве срубов, открытых на Готском раскопе, была применена целая система укрепления западных стен, так как они покоились на рыхлом культурном слое и своей тяжестью продавливали его. Восточные стены срубов лежали на плотной материковой глине и не требовали специальных укреплений. Под западные стены срубов были подведены мощные подкладки из горбылей диаметром 35—40 см, а с внешней стороны эти стены были укреплены сваями — бревнами диаметром 20 см⁷⁴. Стараясь избежать перекоса построек, их строители, кроме системы подкладок западных стен, прибегли к понижению, вернее, утоплению восточных стен в материке, в специально вырытом котловане глубиной 60 см.

Открытые постройки не могли быть не чем иным, как амбарами для хранения товаров. Этим объясняются и значительные размеры срубов, мощные бревна, из которых они сложены, отсутствие печной конструкции, непременной для жилого помещения. Не было обнаружено каких-либо следов товаров, некогда хранившихся в этих амбарах, что может быть объяснено тем обстоятельством, что участок подвергся сильному пожару (следы его неоднократно встречены при раскопках), в результате которого погибли не только все товары, хранившиеся внутри, но и сами сооружения пострадали значительно.

⁷³ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки Великого Новгорода..., с. 19.

⁷⁴ К сожалению, полностью проследить конструкцию укреплений западной стены невозможно, так как она серьезно пострадала от сооруженного здесь во время войны дота.

Важным аргументом в пользу определения открытых построек как амбаров является обнаружение остатков каменного здания на Готском раскопе, непосредственно примыкающего к срубам № 5 (рис. 22). При строительстве позднейших сооружений была срезана

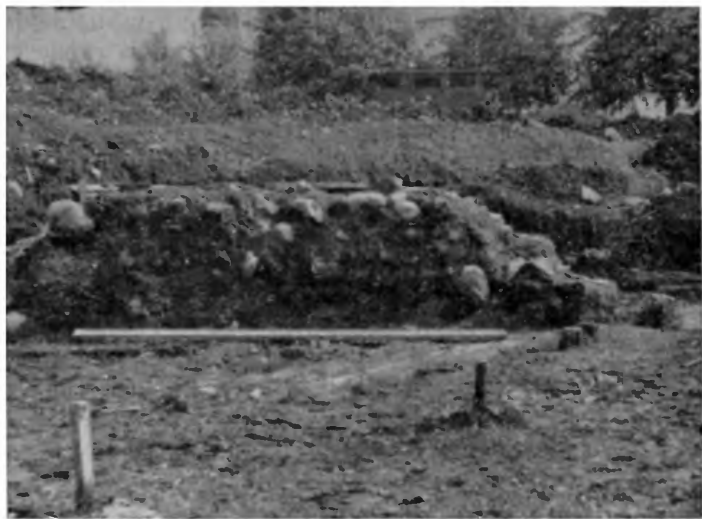

Рис. 22. Остатки каменной башни на Готском раскопе

до основания вся западная часть каменной постройки, однако представляется возможным, несмотря на эти утраты, реконструировать постройку и определить ее назначение⁷⁵.

Сохранившаяся часть каменной постройки представляет собой фундамент, сложенный из валунов, скрепленных известковым раствором. Снаружи стены были облицованы розовым ракушечником, а внутри заполнены бутовым камнем с известью. Кладка сохранилась в высоту на 110 см. В связи с тем что материк на этом участке представляет собой плотную глину,

⁷⁵ Засурцев П. И. Каменные постройки XV в. в Повгороде. — В кн.: Новое в археологии. Сборник к 70-летию А. В. Арциховского. М., 1972.

фундамент не был заглублен, а был лишь выровнен склон берега. Лучше всего сохранился юго-восточный угол постройки со сторонами по линии север — юг — 6 м, запад — восток — 4 м. Он занимал юго-западный угол сруба № 5, выступая за пределы его южной стены на 2,5 м. Конструктивные особенности соединения двух построек (деревянного амбара и каменной постройки) хорошо прослеживаются на стыке южной стены амбара и восточной стены каменного фундамента. В стене сруба был сделан паз шириной 60 см и глубиной 25—30 см специально для соединения каменной постройки с бревнами сруба. Вероятно, соединение западной стены амбара с каменным сооружением было таким же. Внутренняя облицовка стен каменной постройки не сохранилась, так что толщина ее стен нам неизвестна. Можно лишь предполагать, что она не отличалась от толщины стен подобных построек и составляла около 1 м.

Трудно судить о высоте каменного здания, но оно, несомненно, возвышалось над деревянными постройками двора, выполняя роль сторожевой башни. Выдвинутая за пределы сруба (его южной и западной стен), она давала возможность просматривать все пространство, примыкающее к деревянным постройкам. Особенно важно было наблюдение за западной стеной амбаров (здесь был вход со стороны Волхова), где располагались пристани. Таким образом, вход в амбары, а вероятно, и во двор находился под защитой башни. Кроме того, являясь частью деревянного амбара, башня сама служила хранилищем для наиболее ценных товаров, будучи более надежным сооружением.

В северо-западном углу раскопа обнаружены остатки частокола (рис. 23) из мощных свай, диаметром 40 см. Мощность частокола напоминает о крепком тыне, которым обносились торговые дворы иностранных купцов (обычный диаметр столбов частокола новгородских построек равнялся 12—14 см, достигая иногда 20—22 см⁷⁶). К сожалению, размеры раскопа не позволили проследить дальнейшее направление открытого частокола. Возможно, он примыкал к каменной башне.

⁷⁶ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки Великого Новгорода... с. 45.

Таким образом, в результате археологического исследования удалось выяснить некоторые особенности строительства построек иноземных дворов, способы их защиты.

Сведения по истории иностранной торговой конторы в Новгороде могли быть более полными, если бы не

Рис. 23. Остатки частокولا на Готском раскопе

строительство гостиницы. К сожалению, именно по этой причине не удалось осуществить намеченные планы широкого изучения данной территории, чрезвычайно интересной для истории новгородской торговли.

Культурный слой Готского раскопа значительно потревожен постройками, как во время его формирования, так и в более поздние времена. Нарушению культурного слоя способствовали и оползни, поскольку участок расположен на берегу реки. В нижних горизонтах слоя встречаются плывуны, что мешало исследованию предматериковых напластований. Кроме того, до материка Готский раскоп не был доведен еще и потому, что неоднократно ставился вопрос о музеефи-

кации открытых сооружений, в связи с чем постройки оставались на местах, препятствуя тем самым дальнейшему изучению культурного слоя раскопа. Полный профиль был получен лишь в специальной траншее.

В силу указанных выше причин объективного и субъективного характера нет ясной стратиграфической картины, что затрудняет датировку комплекса.

Дендрохронологическая датировка Готского раскопа в настоящее время невозможна, так как образцы бревен для анализа удалось взять в небольшом количестве. Кривая их годовичного прироста аномальна и имеет индивидуальную вариацию годовичных колец, что объясняется особыми условиями произрастания деревьев, использованных при строительстве Готского двора.

В связи с этим большое значение при датировании открытого комплекса приобретает вещевой материал, который, хотя и не позволяет получить точную дату каждого яруса в отдельности, но оказывается достаточным для установления хронологических границ открытой части Готского двора.

В коллекции предметов, собранной на Готском раскопе, находятся вещи как русского, так и иноземного происхождения. Среди них определенную группу занимают датирующие находки: керамика, ключи, предметы вооружения (наконечники копья и стрелы), обломок кресала, шиферные пряслица и стеклянные бусы (рис. 24).

По материалам Неревского и других раскопов шиферные пряслица получили в Новгороде наибольшее распространение в XII в., начиная с середины XIII в. они исчезают⁷⁷. Шиферные пряслица в неповрежденном культурном слое служат надежным хронологическим признаком. Однако наличие их на Готском раскопе всего в двух экземплярах не может являться достаточным аргументом при датировании памятника.

То же самое касается и стеклянных бус. Из семи найденных на раскопе бусин только три были определены достаточно точно, это — желтая зонная, голубая эллипсоидная и гладкая бусина со спирально-волнистой инкрустацией. По классификации Ю. Л. Шаповой, последняя из этих бусин датируется XIII—XIV вв., две

⁷⁷ См. главу I настоящей работы.

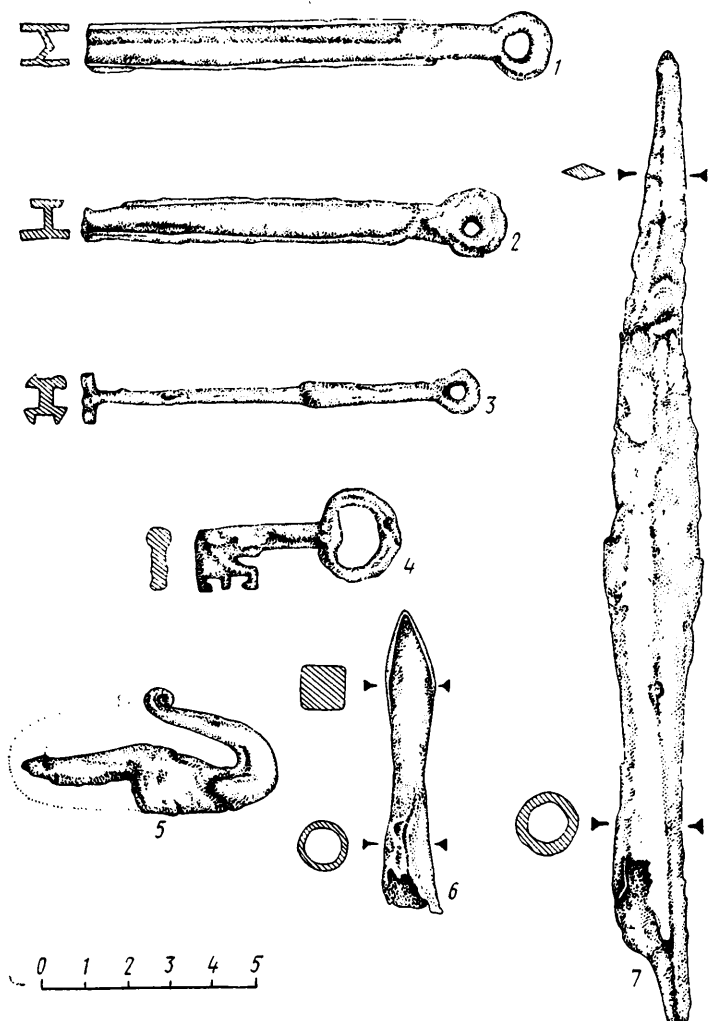

Рис. 24. Датирующие предметы Готского раскопа: 1—4 — ключи XIII—XIV вв., 5 — кресало XII в., 6 — наконечник стрелы XIV в., 7 — наконечник копья XIV в.

другие характерны для XII—XIII вв., но встречаются и в более поздних слоях⁷⁸. Остальные четыре бусины найдены обгоревшими или в обломках.

Из других хорошо датированных вещей следует упомянуть наконечник копья XIV в.⁷⁹, наконечник стрелы XIII—XIV вв.⁸⁰, три обломка ключей XIV—XV вв., шесть ключей, распространенных с середины XIV — до

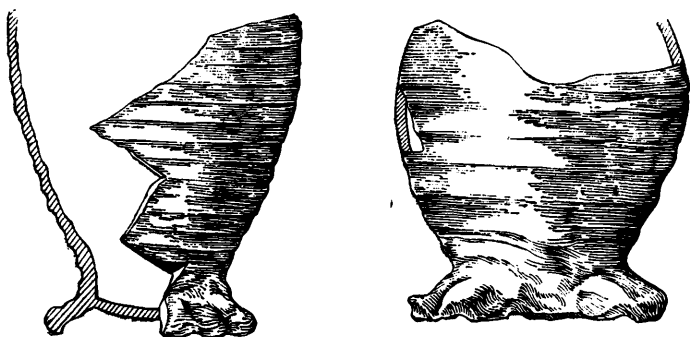

Рис. 25. Образцы керамики Готского раскопа

середины XV в., один ключ конца XIII — начала XIV в.⁸¹. Остальные шесть ключей найдены в обломках, не поддающихся классификации.

К датирующим предметам иноземного происхождения относятся в первую очередь многочисленные образцы рейнской керамики, известной под названием *Steinzeug*⁸². Это серовато-желтая глазированная хорошо отмученная керамика с полосами на тулове и характерными зашипами на донце (рис. 25, 27). Такая керамика производилась в городских центрах на Рейне, откуда распространялась по всей средневековой Германии. Наибольшего развития производство этой керамики достигло в XIV—XV вв.

⁷⁸ Шапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода, с. 168, 170, 177.

⁷⁹ Ср.: Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. — МИА. № 65, М., 1959, с. 129.

⁸⁰ Там же, с. 161.

⁸¹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло., с. 87.

⁸² Mechelk H. W. *Mittelalterische Keramik aus dem Stadtkeern* Dresden. Berlin, 1967, S. 49; *Studien zur mittelalterischen Keramik von Konrad Strauss*. Leipzig, 1923, S. 13, F. 13.8.5.

Благодарю Г. П. Смирнову за консультацию по этому вопросу.

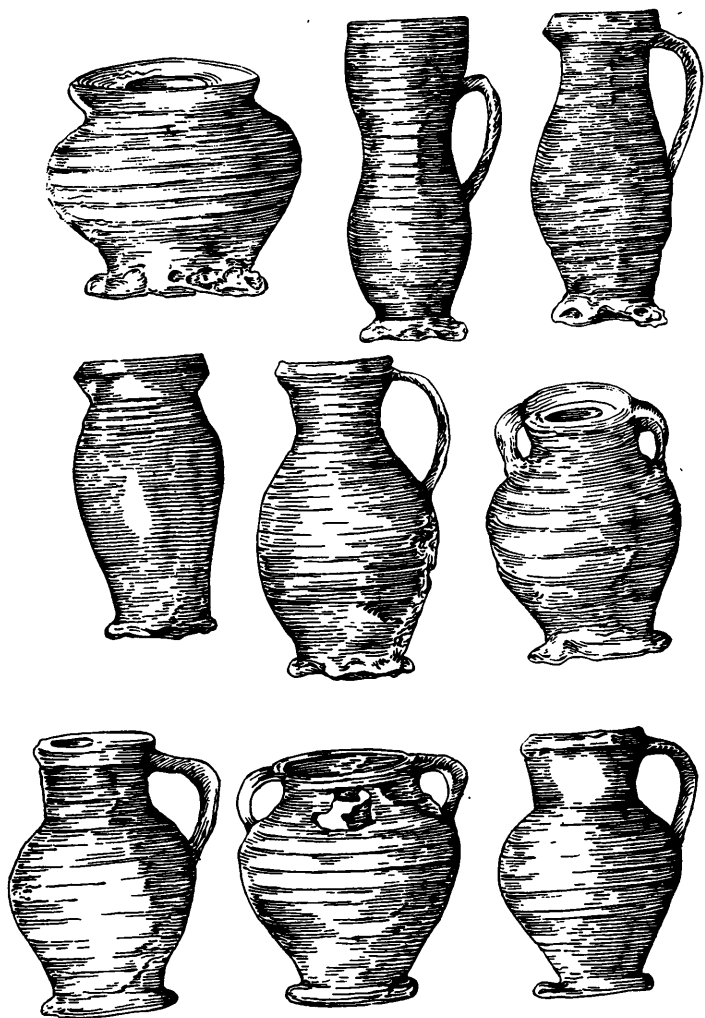

Рис. 26. Западноевропейская керамика рейнского типа (по Н. W. Mechelk)

Остальные предметы иноземного происхождения также датируются временем не ранее XIV в.⁸³. Упомя-

Рис. 27. Глиняный кувшин Готского раскопа

нем здесь о находке первого латинского текста на бересте. Палеографический анализ определил дату его написания началом XV в.⁸⁴.

⁸³ Группа импортных предметов со всеми найденными к настоящему времени аналогиями будет охарактеризована далее.

⁸⁴ Дрбоглав Д. А. Латинская берестяная грамота из новгородских раскопок (конец XIV — начало XV в.). — СА, 1973, № 3.

Хронологические границы вещей подтверждаются и остатками каменной башни. По мнению Г. М. Штендера, кирпичи этой постройки относятся ко времени не ранее 1370 г.

Таким образом, перечисленный датирующий материал позволяет ограничить хронологические рамки открытого комплекса XIV—XV вв.

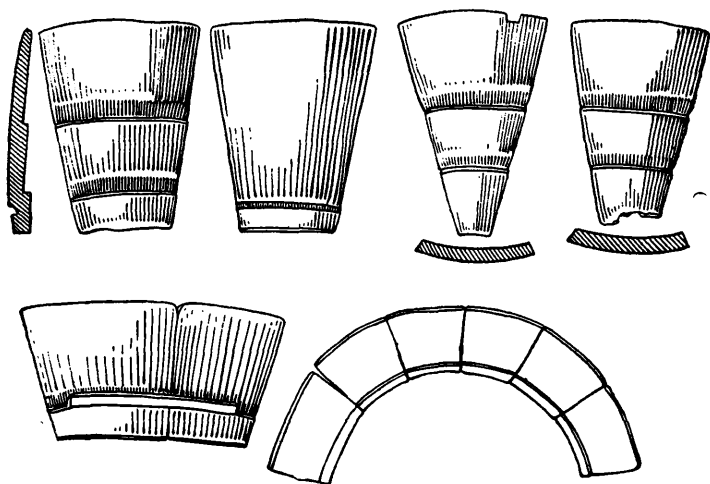

Рис. 28. Клепки деревянных чашечек

Среди коллекции вещей Готского раскопа имеется группа предметов, резко отличающихся не только от находок данного раскопа, но и от всех предметов, найденных при раскопах в Новгороде.

Кроме керамики, к таким предметам относятся 26 клепок бондарных чаш (рис. 28). Деревянные сосуды, составленные из таких клепок имеют многочисленные аналогии в материалах средневековых городских центров Германии. Особенно много такой посуды обнаружено в Любеке, где найдено 120 целых сосудов и сотни обломков⁸⁵. Сосуды из клепок, скрепленные ивовым прутom, получили широкое распространение в XIV—

⁸⁵ Neugebauer W. Typen mittelalterlichen Holzgeschirrs aus hübek. — „Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte“. Bd. 2. Berlin, 1954.

XV вв. В Прибалтике этот вид посуды употреблялся вплоть до XIX в.⁸⁶.

Представляют интерес плоские прямоугольные деревянные пластинки с различными знаками геометрического характера и подобные знаки на других деревянных предметах: мисках, днищах бочек (*рис. 29*). Подобные знаки встречались и прежде на деревянных предметах, находимых при раскопках, чаще всего на днищах дубовых бочек. В своде деревянных изделий, изданном Б. А. Колчиным, они приведены в отдельной таблице (*рис. 30*)⁸⁷. Все изделия с такими знаками с Неревского раскопа происходят из слоев XIV—XV вв. Б. А. Колчин считает их аналогичными бортным знакам, изданным Г. Н. Анпиловым (*рис. 31*)⁸⁸. Однако на наш взгляд, сходство между этими группами знаков отсутствует. Если бортные знамена по сходству рисунка можно отождествить с каким-либо реальным предметом или животным, отчего они и получили свое название: соха, орик, мотовило, белка и т. д., то наша группа знаков никак не может быть связана с подобными предметами, так как даже отдаленно не напоминает их. Между тем геометрические знаки, обнаруженные в Новгороде, имеют прямые аналогии в системе знаков собственности, распространенной в Западной Европе и особенно в Германии⁸⁹. Наряду с другими условиями активно пользовались такими знаками и купцы. В ганзейских документах неоднократно примеры употребления геометрических знаков ганзейскими купцами, причем знаки Готского и Неревского раскопов совершенно аналогичны им по форме. Известны подобные знаки также среди гербов и печатей Ревельского архива⁹⁰ (*рис. 32*). Значительное число предметов с геометрическими знаками на Готском раскопе вполне закономерно, а наличие днищ бочек с подобными знаками на других участках Новгорода отражает конечный результат немецкого импорта: по-видимому, в клейменных

⁸⁶ Моора Х. А. О возникновении г. Таллина. — «ИАН ЭССР», 1953, т. 11, с. 175—180.

⁸⁷ Колчин Б. А. Новгородские древности..., с. 26, 31.

⁸⁸ Анпилов Г. Н. Бортные знамена как исторический источник. — СА, 1964, № 4, с. 167.

⁸⁹ Hommeyer C. G. Die Haus-und Hofmarken. Berlin, 1870.

⁹⁰ Nottbeck. Siegel aus dem Revaler Rathsarchiv nebst Sammlung von Wappen der Revaler Rathsfamilien. Lübek, 1880.

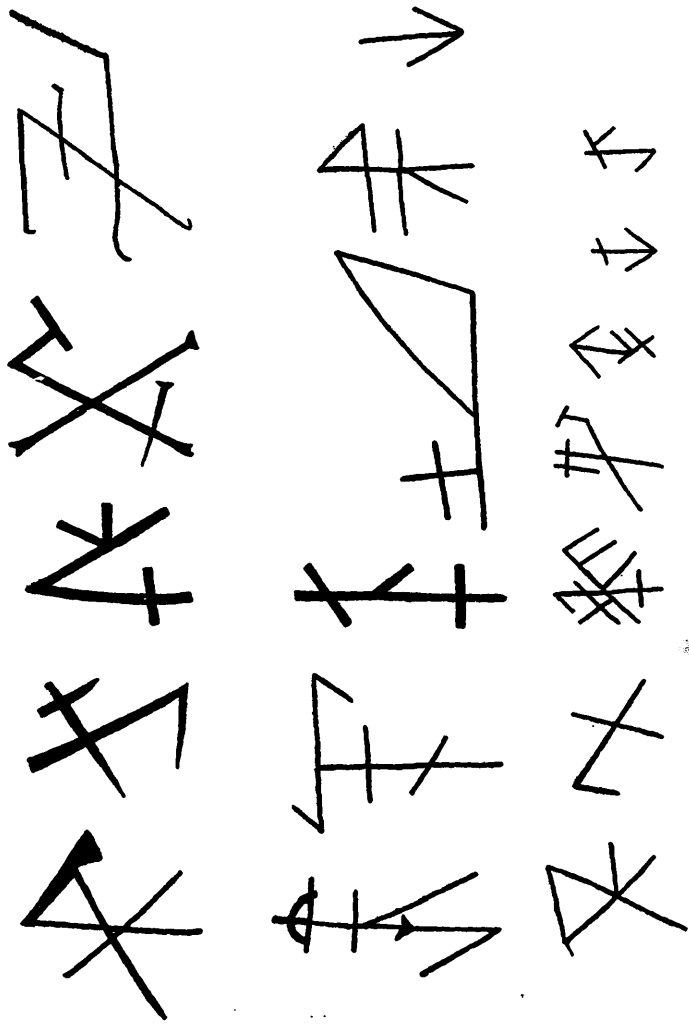

Рис. 29. Знаки на деревянных предметах Готского раскопа

бочках в Новгород доставлялась сельдь или цветной металл⁹¹. Деревянные же пластинки со знаками, возможно, являлись своего рода бирками, прикреплявшимися

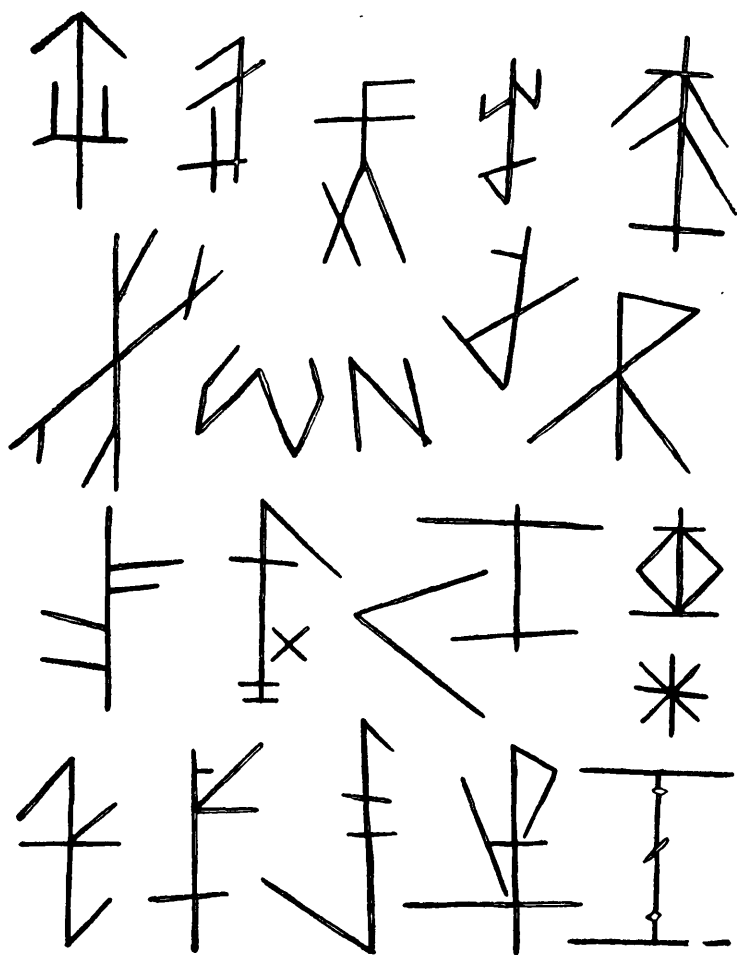

Рис. 30. Знаки на днищах бочек Неревского раскопа
(по Б. А. Колчину)

⁹¹ Известны сведения о доставке в Новгород цветного металла в бочках (см. цитату в 65 ссылке на с. 73).

к товарам, определяя их принадлежность тому или иному купцу.

Большой интерес специалистов вызвала находка на Готском раскопе бересты с первым латинским текстом (рис. 33). Это не берестяная грамота как таковая, а часть уже отслужившего берестяного сосуда, на кото-

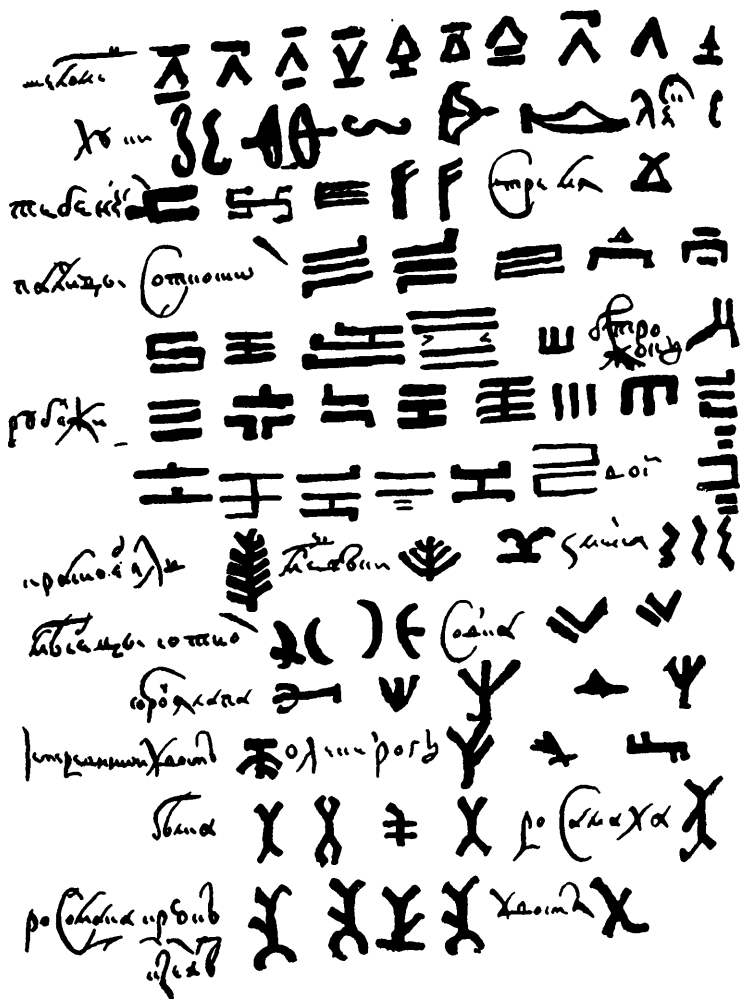

Рис. 31. Бортовые знамена (по Г. Н. Анпилову)

рой иноземец упражнялся в письме на бересте. Написано уверенной рукой, хорошо видно, что писавший достаточно знаком с техникой письма на этом материале. Надпись, состоящая из пяти строк, выполнена ста-

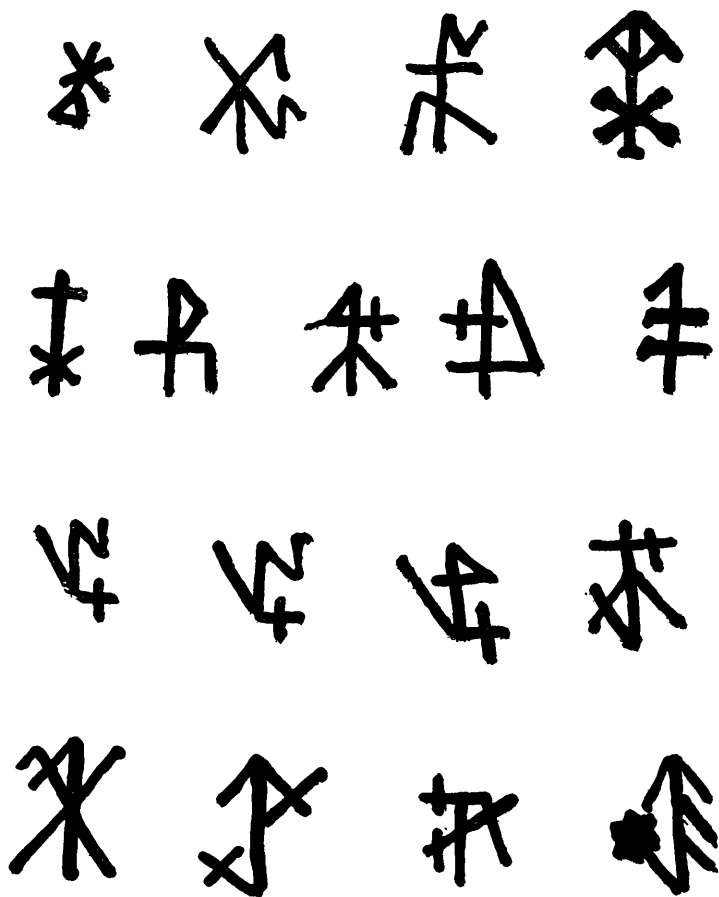

Рис. 32. Знаки с гербов и печатей из Ревельского архива
(по E. Nottbeck)

ронемецким курсивом, и палеографический анализ позволяет отнести эту находку к рубежу XIV—XV вв. или к началу XV в. Первые три строки, сохранившиеся

лучше всего, содержат запись двух начальных абзацев 94-го псалма Давида, две другие строки также принадлежат духовным текстам. По мнению Д. А. Дрбоглава, посвятившего латинской грамоте специальное исследование, все пять строк грамоты могут быть признаны

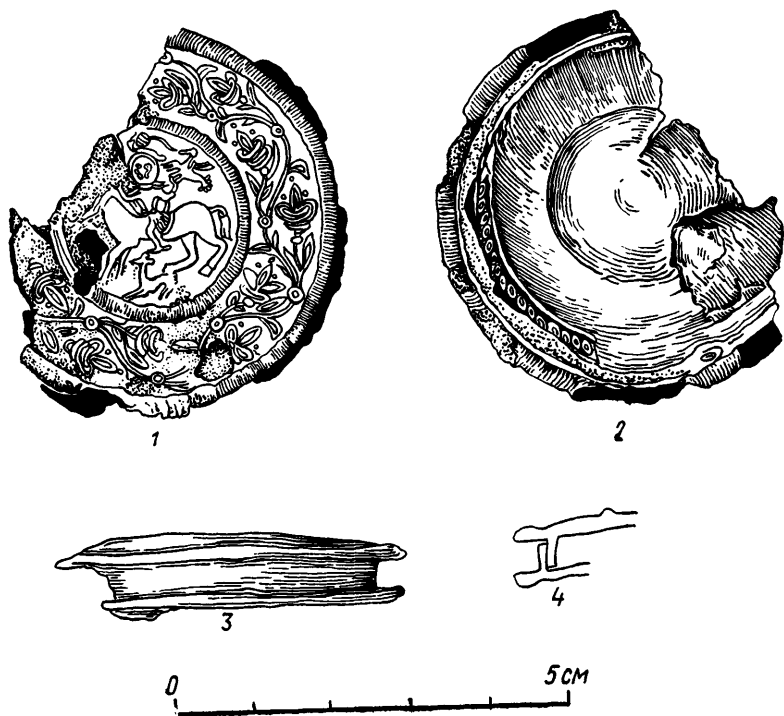

Рис. 34. Крышечка с изображением всадника

черновой записью церковных песнопений, исполнявшихся в один из католических праздников⁹².

Из металлических предметов в первую очередь следует упомянуть о круглой плоской коробочке из биллона, диаметр которой 5 см (рис. 34). Предмет пострадал во время пожара, так что сохранилась только одна

⁹² Дрбоглав Д. А. Латинская берестяная грамота из новгородских раскопок.

половина коробочки, другая, за исключением небольшого фрагмента (его видно на рисунке), утрачена. Судя по этому фрагменту, коробочка была одинаково оформлена с обеих сторон. Изображение на сохранившейся части предмета восстанавливается полностью. В центре, окаймленном растительным орнаментом, находится всадник с птицей (соколом) в левой руке, в развевающемся головном уборе и каким-то зверьком у ног лошади. Поиски аналогий этому изображению привели нас сначала на Восток. Подобная композиция часто встречается на предметах восточного происхождения⁹³; по мнению специалистов впоследствии этот сюжет был заимствован западноевропейским искусством. Несмотря на широкую распространенность указанного сюжета как в восточном, так и в средневековом западноевропейском искусстве обращение к деталям изображения позволяет установить его западноевропейский характер.

А. В. Рындина в своей публикации этого предмета отмечает, что в головном уборе всадника наблюдается сходство со шляпами, широко распространенными в странах Западной Европы в XIV—XV вв. Изображение птицы в левой руке также является характерной западноевропейской традицией⁹⁴. По стилю и характеру изображения коробочка, датируемая временем не ранее XIV в., может считаться предметом западноевропейского прикладного искусства. К сожалению, пока не уда-

⁹³ Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 65.

В сборнике, посвященном археологическим находкам о. Фаддея, в качестве аналогии найденному там бронзовому зеркалу приведено зеркало китайского типа с изображением всадника на обратной стороне. Зеркало происходит из Ирана и относится к XIII—XIV вв. Общая композиция его изображения находит прямые аналогии в нашем предмете (Складников А. П. Бронзовое зеркало. — «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса». Л.—М., 1951, с. 164).

⁹⁴ Рындина А. В. Новгород и западноевропейское искусство XV века (о некоторых изделиях художественного ремесла из раскопок Готского двора). — В кн.: Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975, с. 243. Вывод автора о том, что коробочка изготовлена новгородским ремесленником под руководством немецкого мастера представляется весьма сомнительным, тем более что сама исследовательница не приводит убедительных аргументов в пользу своей гипотезы.

лось определить назначение этого предмета, но несомненна его принадлежность одному из иноземных купцов Готского двора.

Среди других металлических предметов заслуживают внимания бронзовые счетные жетоны. Такие жетоны использовались для счета на специальных счетных таблицах. Подобный способ был широко распространен в Западной Европе, для русского счета характерны другие приемы⁹⁵. Счетные жетоны получили повсеместное распространение в Европе с XIII в. и производились вначале во Франции; в XVI в. в Нюрнберге началось массовое изготовление их немецких подражаний⁹⁶. Находки на Готском раскопе этих предметов, на одном из которых изображены лилия и корона, по мнению И. Г. Спасского, являются бесспорным повторением ранних французских жетонов XV в.

На раскопе найдена шведская монета с датой «1669 год». Будучи пока единственной в Новгороде, эта находка, вероятно, не случайна на Готском раскопе. Она происходит из самых верхних слоев и может служить топографическим указателем существования в Новгороде в XVII в. шведского гостиного двора. После заключения Столбовского мира в 1617 г. налаживаются тесные экономические связи между Швецией и Россией, о чем свидетельствуют многочисленные документы⁹⁷. По распоряжению русского правительства в Москве. Новгороде, Пскове были отведены места для шведских гостиных дворов. Новгород среди этих городов имел большое значение как исходный пункт в движении шведов в Москву и в другие русские земли. Известно донесение новгородского воеводы Д. И. Мезецкого, составленное в начале 1620 г., о предоставлении шведам гостиного двора в Новгороде: «Да свейские ж, государь, торговые немцы приезжают в Новгород для торговли с товары и бес товары и просят у нас, холопей твоих, на приезд себе готовых дворов на Торговой стороне, а своих, государь, дворов на Софийской стороне

⁹⁵ Спасский И. Г. Происхождение и история русских счетов. «Историко-математические исследования», вып. V. М., 1952.

⁹⁶ Спасский И. Г. Счетные жетоны. — В кн.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в., с. 130—138.

⁹⁷ Русско-шведские экономические отношения в XVII в. Сб. документов. М.—Л., 1960.

в Земляном городе не ставят, а говорят, государь, нам, холопам твоим, чтоб, государь, им по посольским договорным записям в Великом Новгороде дати двор готовой на Торговой стороне»⁹⁸.

В мае 1620 г. шведы опять просят себе двор на Торговой стороне, а на Софийской не хотят⁹⁹. Вероятно, речь шла о территории на Торговой стороне, издавна занятой под иноземные дворы. На протяжении всего XVII в. велась оживленная торговля между Россией и Швецией, постоянно бывали шведские торговые люди и в Новгороде. Находка шведской монеты на Готском раскопе может служить аргументом в пользу того, что шведы в конце концов добились разрешения на открытие своего двора на Торговой стороне, на месте бывшего Готского двора.

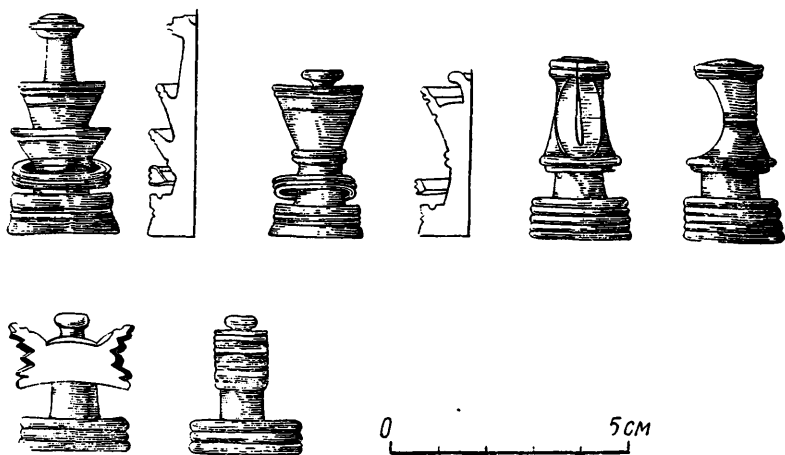

Рис. 35. Костяные шахматные фигуры Готского раскопа

Из костяных предметов обращают на себя внимание шахматные фигуры (рис. 35), не имеющие аналогий среди обширной новгородской коллекции шахматных

⁹⁸ Там же, с. 30, № 4.

⁹⁹ Там же, с. 34, № 8.

фигур, происходящих из раскопок, за исключением одной костяной фигуры, найденной при раскопках Ярославова дворища¹⁰⁰. Шахматы из прежних раскопок Новгорода в подавляющем большинстве выполнены в восточной манере и изготовлены из дерева¹⁰¹. Совершенно иную форму имеют шахматы Готского раскопа. Все они костяные и в основном представляют собой несколько конусовидных ярусов, поставленных на круглое основание. Две шахматные фигуры имеют цельное выточеное костяное кольцо, свободно вращающееся вокруг стержня. Костяные шахматные фигуры, аналогичные находкам из Готского раскопа, обнаружены при раскопках Друцка, Смоленска, Киева, Торопца¹⁰². Все они происходят, как и новгородские шахматы, из слоев XIII—XV вв. Несколько шахматных фигур подобного типа встречены в Тракайском городище¹⁰³. Распространение шахматных фигур указанного типа только в пунктах, непосредственно связанных с западной торговлей, может рассматриваться как аргумент в пользу их западноевропейского происхождения. К сожалению, пока нет достаточных данных о формах средневековых западноевропейских шахмат, но некоторые сведения известны. В прекрасно иллюстрированной книге братьев Вихман, посвященной западноевропейским шахматам, среди прочих фигур имеются шахматы, по форме совершенно аналогичные рассмотренным фигурам¹⁰⁴. Известны несколько шахматных фигур такой же формы и из Лондонского собрания¹⁰⁵.

Находки двух костяных фишек с обозначением числа на каждой грани свидетельствуют о распространении на Готском дворе игры в кости, о которой известно из письменных источников. Специальными постановлениями эта игра строго контролировалась в целях поддер-

¹⁰⁰ Арциховский А. В. Новгородская экспедиция. — КСИИМК. 27. М.—Л., 1949, с. 118, рис. 44а.

¹⁰¹ Линдер И. М. Шахматы на Руси. Изд. 2-е. М., 1975, с. 109, 115.

¹⁰² Там же, с. 120, 121.

¹⁰³ Линдер И. М. Царь из Лукомля. — «Шахматы в СССР», 1968, № 10, с. 10—11.

¹⁰⁴ Wichmann H. und S. Schach. Ursprung und Wandlung der Spielfigur im zwölf Jahrhunderten. München, 1960, F. 74.

¹⁰⁵ Graham F. L. Chess Sets. London, 1968, SS. 36—37.

жания внутреннего порядка двора. Играть разрешалось лишь на незначительные суммы¹⁰⁶.

Среди предметов, впервые найденных при раскопках Новгорода, имеется складной медный подсвечник, который был переносным, так как благодаря специальному приспособлению мог фиксироваться в нескольких положениях.

Дополняют этот комплекс находок собранные в большом количестве на Готском раскопе фрагменты черепицы, которая на других раскопах Новгорода встречается единицами. Большинство новгородских строений были деревянными и крытыми деревом. Черепицей, вероятно, покрывались постройки иноземных купцов на Готском и Немецком дворах, о чем свидетельствуют ее многочисленные находки.

Группа импортных предметов Готского раскопа, явно тяготеющая по своему характеру к районам Прибалтики и Германии, позволяет сделать вывод о том, что данный участок был освоен Готским двором в период немецкого господства на нем. Здесь не было найдено ни одного предмета, связанного с Готландом. Весь комплекс построек и вещей датируется XIV—XV вв., временем, когда Готский двор переходит во владение немецких купцов.

К сожалению, пока не удалось провести широкого изучения территории Готского двора. Однако строительство гостиницы заняло уже исследованную площадь и прилегающие к ней участки, т. е. окраину двора, так что есть надежда в будущем провести раскопки и основной части впервые открытого иноземного двора.

¹⁰⁶ Никитский А. И. История экономического быта., с. 129.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нет сомнений в том, что рассмотренный археологический материал, дает новые ценные сведения по истории новгородской торговли. Несмотря на то что торговля многими импортными товарами (цветные металлы, серебро, ткани) достаточно подробно освещена в письменных документах, археологический материал, представляя собой цельный, не подверженный случайностям источник, объективно отражающий динамику ввоза в Новгород различных импортных товаров, остается незаменимым при изучении торговых связей Новгорода.

Исследование разнообразных категорий импорта привело к важным выводам об этапах развития новгородской торговли. Начиная с X в., параллельно развивается несколько ее направлений: южное — с центрами в Киеве (днепровский путь) и в Булгаре (волжский путь) и западное. С Киевом устанавливаются тесные связи, поскольку именно отсюда новгородцы получали большинство необходимых товаров. В Киеве существует торговый двор новгородцев с церковью св. Михаила. В результате нашествия монголо-татар торговые отношения с этим городом прерываются и Новгород лишается некоторых товаров, доставлявшихся днепровским путем. Центр торговых интересов Новгорода перемещается на Запад, но вместе с тем продолжает развиваться торговля по волжскому пути.

Распределение категорий импорта по ярусам и составление хронологических графиков позволили установить даты подъема и спада во ввозе в Новгород тех или иных товаров. Так, для предметов, поступающих днепровским путем, отмечено их резкое сокращение на рубеже XI—XII вв., что объясняется обострением по-

литической борьбы между Новгородом и Киевом в это время и связанной с нею торговой блокадой.

Движение товаров в Новгород по волжскому пути, также подчиняется определенным закономерностям. Почти полностью отсутствуют импортные предметы этого направления в новгородских слоях XII в., что связано со сложной политической обстановкой, создавшейся в этот период в Поволжье. Непрекращающаяся в течение всего XII столетия борьба русских княжеств с половцами сделала практически невозможным торговое движение по Волге.

Примером того, как чутко реагируют предметы импорта на всякое изменение политической обстановки, может служить почти полное отсутствие самшита, поступавшего в Новгород волжским путем, в 16 ярусе, датированном 1238—1268 гг., что связано с монголо-татарским нашествием, которое на время совершенно приостановило торговое движение по Волге.

Распространение в новгородских слоях предметов западного импорта также отражает действительную картину их ввоза и является показателем торговых взаимоотношений Новгорода с его партнерами.

Важные наблюдения были сделаны над распределением в новгородском культурном слое янтаря. Сокращение янтаря в слоях XIII в. является реальным отражением его доставки в Новгород в это время. Оно связано с той политической обстановкой, которая характерна для Прибалтики XIII в. Тевтонский орден, распространяя агрессию в прибалтийских землях, захватил Пруссию, основной район месторождений янтаря и монополизировал в своих руках как добычу, так и торговлю янтарем. Поэтому Новгород, находившийся на протяжении всего XIII в. в состоянии войны с Орденом, не получал янтаря.

Уменьшение количества янтаря на рубеже XI—XII вв. совпадает с сокращением импорта в Новгород товаров, поступавших днепровским путем, и делает реальным вывод о доставке янтаря в ранний период из Приднепровья. Еще в прошлом веке были известны в этом районе находки янтаря в геологических отложениях.

Распределение по ярусам новгородской хронологии цветных металлов привело к неожиданным результатам:

в слоях XIII в. собрано наибольшее количество предметов из цветных металлов. Обращение к истории взаимоотношений Новгорода с его основными западными партнерами, каковыми являлись Готланд, Любек и Ганзейский союз, позволило установить, что они были независимы от немецкого Ордена, отстаивая свои торговые интересы. Кроме того, в XIII в. Любек, будучи главным поставщиком цветных металлов в Новгород, поссорился с Орденом, сохраняя на протяжении всего столетия натянутые отношения с ним. Так что обострение политической обстановки в Прибалтике в XIII в. не отразилось на торговле цветным металлом, поскольку его поставщиками в Новгород были независимые от Ордена Готланд и Любек.

Вместе с тем сосредоточение максимального количества цветных металлов в слоях XIII в. требует объяснения и прежде всего выяснения вопроса о состоянии новгородского литейного производства и ювелирного ремесла в этот период.

Находки в Новгороде образцов западноевропейских тканей уточняют данные письменных источников о торговле ими в Новгороде и, кроме того, являются ценным материалом в изучении западноевропейского ткацкого ремесла в средневековье.

Распространение в новгородском культурном слое стеклянных изделий подтверждает общий вывод об этапах развития новгородской торговли. Отсутствие западноевропейского стекла в слоях X — первой половины XIII в. позволяет заключить, что в это время новгородцы полностью удовлетворяли спрос на стеклянные изделия их доставкой из Киева. С разрушением киевских мастерских они вынуждены были ввозить западноевропейское стекло, причем его количество по сравнению со стеклянными изделиями киевского производства заметно уменьшилось.

Наличие западноевропейских стеклянных изделий только в слоях, отложившихся после монгольского нашествия, да и то в небольших количествах, свидетельствует о том, что доставка стекла из дальних мест была сложным предприятием из-за хрупкости изделий.

Составление хронологических графиков различных предметов импорта позволило установить новые катего-

рии ввоза из Западной Европы. Имеются в виду вставки из горного хрусталя, получившие наибольшее распространение в XIV в. Эти вставки находят ближайшие аналогии в материалах, происходивших из Рейнской области.

Важным представляется топографический анализ некоторых категорий импорта. Поливная керамика, фрагменты посудного и оконного стекла, обломки амфор, грецкие орехи обнаруживаются только на усадьбах богатых новгородцев.

Таким образом, выявление импортных предметов в составе археологической коллекции, собранной в Новгороде, и распределение их по ярусам новгородской хронологии стало важным источником по истории развития новгородской торговли. Установлены даты подъема и спада в поступлении различных категорий импорта, их связь с изменением политической обстановки, определены новые категории ввоза, для отдельных предметов зафиксированы новые районы поступления.

Полученные при анализе археологического материала выводы могут быть распространены на развитие новгородской торговли в целом, так как многие категории импорта, известные только по письменным документам, не устанавливаются в достаточно полном объеме, чтобы можно было проследить динамику их ввоза.

Наблюдения над категориями импорта, бытовавшими в Новгороде, показывают, что подавляющее большинство их появляется уже в самых нижних ярусах, датированных серединой X в. В связи с этим представляется возможным дополнить сведения о времени возникновения Новгорода. Долгое время летописная дата, впервые упоминающая Новгород в середине IX в., не находила подтверждения в археологических материалах. При раскопках Неревского конца, где были обнаружены 28 ярусов мостовых, последовательно сменявших друг друга, было установлено, что первая мостовая в этом районе была проложена в 953 г.¹ Эта дата была принята за основу при датировании древнейших слоев Новгорода.

¹ На участке Суворовского раскопа первый ярус мостовой был положен в 972 г.

Однако в последние годы исследователи, вновь обратившись к материалам Неревского раскопа, заметили, что первая мостовая середины X в. была положена не на материк, а на культурный слой, в некоторых местах значительный. Следовательно, городские усадьбы на этом участке существовали задолго до того, как были сооружены первые уличные мостовые. Изучение новгородской керамики, предпринятое Г. П. Смирновой, позволило выделить группу сосудов IX в. Приведенные примеры, несомненно, свидетельствуют о наличии в Новгороде древнейших прослоек IX в. Дальнейшие работы в этом направлении, вероятно, дадут новые конкретные данные о существовании города Новгорода в это время.

Находки же в древнейших слоях середины и второй половины X в. почти всех категорий импорта, прослеженных в дальнейшем на протяжении пяти веков, дают основания утверждать, что к моменту строительства первой мостовой в Новгороде в середине X в. этот город имел уже налаженные торговые связи с южной Россией и Западной Европой, откуда получал шиферные пряслица, грецкие орехи, амфоры, самшит, поливную керамику, стеклянные изделия, арабское серебро, янтарь, цветные металлы и ткани². Обращает внимание большое количество стеклянных бус в слоях 953—989 гг. (всего здесь собрано 539 экземпляров), привезенных из Киева. Трудно представить, что все эти импортные для Новгорода предметы попали в город с его первыми поселенцами. Следует признать, что к 953 г. Новгород существовал как город³ со сложившимися торговыми связями, поэтому летописную дату о его существовании уже в IX в. можно считать достоверной.

Некоторые категории импорта, распространенные в Новгороде, позволяют уточнить даты производства отдельных предметов, поступающих в виде готовых изделий. Прежде всего это касается пряслиц из розового

² В данном случае речь идет о материалах Неревского раскопа, но и на Суворовском раскопе, где также обнаружены слои X в., наблюдается подобная картина.

³ Мы не рассматриваем здесь другие аспекты этой проблемы, а обращаем лишь внимание на распространение в новгородских слоях категорий импорта с середины X в.

шифера. Если об окончании их производства на Волыни известно хорошо, то о начале изготовления этих пряслиц мы не располагаем точными данными. В литературе принята дата появления камнерезного промысла в Овруче, предложенная Б. А. Рыбаковым в 1948 г.⁴, относящая производство шиферных пряслиц к началу XI в.⁵.

В настоящее время, хотя и нет точных сведений о времени возникновения производства шиферных пряслиц, несомненным представляется его существование уже в середине X в., так как в новгородских слоях такие пряслица обнаруживаются с 953 г.

Важным археологическим источником становятся раскопки территорий, связанных с торговой деятельностью новгородцев. Работы в этой области только начинаются. Находки на Лубяницком и Кировском раскопах многочисленных предметов импорта и вместе с ними остатков ювелирного ремесла позволяют ставить вопрос о тесной взаимосвязи ремесла и торговли в средневековом Новгороде.

Ценные материалы получены в результате раскопок Готского двора, благодаря которым впервые стали доступными для исследователей постройки и предметы быта иноземных купцов. Уточнена топография и история Готского двора.

Оценивая археологические источники по истории развития новгородской торговли, необходимо признать, что они дают массу нового материала, объективно отражая этапы развития новгородской торговли в целом.

⁴ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 195.

⁵ Розенфельдт Р. Л. О производстве и датировке шиферных пряслиц. — СА, 1964, № 4.

ТАБЛИЦА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПО ЯРУСАМ КАТЕГОРИЙ ИМПОРТА

Яру- сы	Даты	Пряслица	Аморы	Грекине опехи	Перстни (стек- ло)	Сердолик	Бусы (стекло)	Хрусталь	Гребни самши- товы	Гребни костя- ные	Полувная ке- рамика	Янтарь Неро- ского раскоча	Янтарь Суво- роцкого рас- коча	Летной ме- талл	Хрустальные вставки	Ткани импорт- ные
28	953—972	38	--	1	—	7	244	4	2	8	—	7	—	32	—	3
27	972—989	47	1	—	—	6	141	2	9	11	—	5	—	16	—	1
26	989—1006	57	4	2	3	7	154	—	15	13	—	10	—	57	—	1
25	1006—1025	92	5	12	3	6	84	1	12	17	2	12	—	53	—	—
24	1025—1055	106	7	17	6	4	61	1	13	20	—	10	1	61	—	2
23	1055—1076	146	11	25	8	2	48	—	8	17	1	28	—	84	—	7
22	1076—1096	82	10	7	3	—	33	—	13	20	2	12	1	53	1	2
21	1096—1116	137	3	11	3	3	53	1	11	13	1	23	1	67	—	6
20	1116—1134	139	28	32	4	6	48	1	4	22	1	35	3	75	1	9
19	1134—1161	194	21	26	9	6	48	2	6	35	2	44	8	141	1	3
18	1161—1177	171	9	21	6	5	53	—	8	57	2	30	5	104	—	16
17	1177—1197	162	4	9	6	—	65	2	5	37	4	25	3	168	—	10

Яру- сы	Даты	Пряслища	Аморфы	Грецкие орехи	Лерстни (стек- ло)	Сердолик	Бусы (стекло)	Хрусталь	Гребни самши- товые	Гребни костя- ные	Поливаная ке- рамика	Янтарь Нерев- ского раскопа	Янтарь Суюн- ровского рас- копа	Цветной ме- талл	Хрустальные вставки	Ткани импорт- ные
16	1197—1224	143	17	8	6	—	65	2	21	33	5	27	2	159	—	7
15	1224—1238	110	17	9	5	3	63	5	17	38	2	23	1	258	—	9
14	1238—1268	70	1	4	3	—	51	—	11	33	—	15	1	220	1	3
13	1268—1281	58	1	3	1	1	35	2	33	28	—	17	—	219	3	5
12	1281—1299	40	—	3	1	1	21	2	32	11	4	30	—	146	2	2
11	1299—1313	45	1	1	—	1	15	3	25	5	10	25	3	152	9	5
10	1313—1340	31	1	1	—	1	6	—	31	7	19	28	1	136	11	11
9	1340—1369	21	—	1	—	—	28	1	24	4	20	29	1	112	12	6
8	1369—1382	18	1	1	—	—	4	—	24	1	10	49	—	91	3	14
7	1382—1396	14	—	—	—	1	4	1	17	6	7	63	4	81	5	6
6	1396—1409	9	2	5	—	—	3	—	11	2	6	48	4	47	3	5
5	1409—1422	4	—	3	—	—	3	—	5	2	—	52	2	61	—	7
4	1422—1429	3	1	1	—	—	6	—	4	1	—	40	3	25	—	3
3	1429—1446	2	—	3	—	1	1	—	1	—	—	29	3	30	—	2
2	1446—1462	1	—	—	—	—	4	—	1	2	—	8	1	24	—	1
1	1462—	—	—	—	—	1	1	—	1	1	—	8	1	13	—	—

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Алешковский М. Х. Социальные основы формирования территории Новгорода X—XV вв. — СА, 1974, № 3.
- Андреевский И. Е. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. СПб., 1855.
- Арциховский А. В. К истории Новгорода. — «Исторические записки», № 2, 1938.
- Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода. — МИА, № 55. М., 1956.
- Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953.
- Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954.
- Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958.
- Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958.
- Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963.
- Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963.
- Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1977.
- Бахрушин С. В. Лавочные книги Великого Новгорода 1583 г. М., 1930.
- Бережков М. Н. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879.
- Болховитинов Е. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808.
- Вихров В. Е., Колчин Б. А. Из истории торговли древнего Новгорода. — СА, т. XXIV, 1956.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Сб. документов под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949.
- Греков Б. Д. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI в. СПб., 1912.
- Дрбоглав Д. А. Латинская берестяная грамота из новгородских раскопок. — СА, 1973, № 3.
- Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело допетровской Руси. — «Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий», вып. XVI. Казань, 1910.

- Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М., 1967.
- Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Сб. статей. — Труды ЛОИИ АН СССР, вып. II. Л., 1970.
- Казакова Н. А. Русско-ганзейские и русско-ливонские отношения конца XIV — начала XVI вв. Л., 1975.
- Каргер М. К. Древний Киев, тт. 1—2. М., 1951.
- Кеппен Ф. О нахождении янтаря в пределах России. — ЖМНП, 1893, № 8.
- Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. — СА, 1958, № 2.
- Коновалов А. А. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X—XV вв. Автореф. канд. дисс. М., 1974.
- Костомаров Н. И. Очерки торговли Московского государства в XVI—XVII столетиях. Спб., 1862.
- Красов И. О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851.
- Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле. Киев, 1915.
- Латышева Г. П. Торговые связи Москвы в XII—XIV вв. (по материалам археологических находок 1959—1960 гг. в Московском Кремле). — В сб.: Древности Московского Кремля. М., 1971.
- Лесников М. П. Торговые сношения Великого Новгорода с Тевтонским Орденом в конце XIV в. и начале XV в. — «Исторические записки», 1952, № 39.
- Мавродин В. В. Начало мореходства на Руси. Л., 1949.
- Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. Спб., 1911.
- Макаев Э. А. Руническая надпись из Новгорода. — СА, 1962, № 3.
- Медведев А. Ф. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде. — МИА, № 117, М., 1963.
- Мельникова Е. А. Сведения о древней Руси в двух скандинавских рунических надписях. — «История СССР», 1974, № 6.
- Монгайт А. Л., Большаков О. Б. Путешествие Абу Хамида аль-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). М., 1971.
- Монгайт А. Л. Золотоордынская чаша из Новгорода Великого. — КСИИМК, № 19, 1948.
- Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965.
- Напиерский К. Э. Русско-ливонские акты. Спб., 1968.
- Нахлик А. Ткани Новгорода. — МИА, № 123. М., 1963.
- Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. Спб., 1893.
- Никитский А. И. Отношение новгородского владыки к немецкому купечеству. — ЖМНП, 1883, № 7.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950.
- Пашуто В. Г. Внешняя политика древней Руси. М., 1968.
- Передольский В. С. Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898.
- Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968.
- Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948.

- Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути. — В кн.: История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1951.
- Рыбина Е. А. Из истории южного импорта в Новгород. — СА, 1971, № 1.
- Рыбина Е. А. Из истории ввоза янтаря в Новгород (по материалам раскопок 1951—1970 гг.). — В сб.: Новое в археологии. М., 1972.
- Рыбина Е. А. Из истории торговли цветными металлами в Новгороде X—XV вв. (по археологическим материалам). — «Вестн. Моск. ун-та. Сер. история», 1973, № 1.
- Рыбина Е. А. Раскопки Готского двора в Новгороде. — СА, 1973, № 3.
- Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. — МИА, № 117, М., 1963.
- Семенов А. И. Топография Новгородского Торга в 1583 г. — В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. 1. Л., 1936.
- Семенов А. И. Древняя топография южной части Славенского конца Новгорода. — В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. 9. Новгород, 1959.
- Славянский С. Историческое обозрение торговых сношений Новгорода с Готландом и Любеком. Спб., 1847.
- Сотникова М. П. Серебряные платежные слитки Великого Новгорода (вопросы техники и эпиграфики). Автореф. канд. дисс. Л., 1958.
- Спасский И. Г. Из истории русского товароведения. — КСИИМК, вып. 62, 1956.
- Строев С. Первоначальное образование и распространение немецкого двора в Новгороде. — ЖМНП, 1838, № 3.
- Строев С. О торговле немецких купцов с Россией до конца XIV в. — ЖМНП, 1839, № 4—6.
- Тельпуховский Б. Древнейшие договоры русских князей с норвежскими и шведскими королями. — «Военно-исторический журнал», 1940, № 3.
- Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.
- Труды Новгородской археологической экспедиции, т. I. — МИА, № 55, М., 1956; т. II. МИА, № 65. М., 1959; т. III. «Новые методы в археологии». МИА, № 117. М., 1963; т. IV. «Жилище древнего Новгорода». МИА, № 123. М., 1963.
- Торговля и обмен в древности. — КСИА, № 138. М., 1974.
- Фасмер Р. Р. Клад куфических монет, найденный в Новгороде в 1920 г. — ИГАИМК, 1925, т. 4.
- Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. — Труды ГИМ, вып. 31. М., 1956.
- Фехнер М. В. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961.
- Фортинский Ф. Я. Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 г. Киев, 1887.
- Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв. М., 1963.
- Черепнин Л. В. Новгородские грамоты на бересте как исторический источник. М., 1969.

- Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией. — «Исторические записки», 1945, № 14.
- Шаскольский И. П. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX—XIII вв. — «Географический сборник», вып. 3. М.—Л., 1954.
- Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972.
- Экономические связи Прибалтики с Россией. Сб. статей. Рига, 1968.
- Якобсон А. Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. — СА, т. XV, 1951.
- Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
- Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.
- Янин В. Л. Находка польского свинца в Новгороде. — СА, 1966, № 2.
- Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики. — «История СССР», 1970, № 1.
- Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). — «История СССР», 1971, № 2.
- Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1965; 2-е изд. М., 1975.
- Янина С. А. Неревский клад куфических монет X в. — МИА, № 55. М., 1956.
- Янина С. А. Второй неревский клад куфических монет X в. — МИА, № 117. М., 1963.
- Johansen P. Die Kaufmannskirche im Ostseegebiet. — «Vorträge und Forschungen». Bd. IV.
- Goetz L. K. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922.
- Hanserecesse. Die Recesse und anderen Akten der Hansetage von 1256—1430. Bd. 1—24. Leipzig, 1870—1913.
- Hansstadt Reval. Sieben hundert Jahre nordosteneuropäischen Geschichte im Siegel eines Stadtarchiv. Göttingen, 1968.
- Nottbeck E. Siegel aus dem Revaler Rathsarchiv nebst Sammlung von Wappen der Revaler Rathsfamilien. Lübeck, 1880.
- Stenberger M. Die Schatzfunde Gottlands der Wikingerzeit. Bd. I. Stockholm, 1958; Bd. II. Stockholm—Lund, 1947.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГВНнП	— «Грамоты Великого Новгорода и Пскова»
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ЖМНП	— «Журнал Министерства народного просвещения»
ИААН	— Институт археологии Академии наук СССР
ИАН	— «Известия Академии наук»
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИОРЯС	— Известия Общества русской и языковой словесности
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории АН СССР
МАР	— «Материалы по археологии России»
МГУ	— Московский государственный университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НГБ	— Новгородские грамоты на бересте (в скобках — годы раскопок)
НИС	— Новгородский исторический сборник
НПЛ	— Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РИБ	— Русская историческая библиотека
РИС	— «Русский исторический сборник»
СА	— «Советская археология»
САИ	— Свод археологических источников

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
Глава I. ЮЖНЫЙ ИМПОРТ	19
Пряслица из розового шифера	24
Амфоры	27
Грецкие орехи	30
Стеклянные изделия (бусы, перстни, стеклянная по- суда, оконное стекло, браслеты)	30
Янтарь	38
Самшитовые гребни	45
Поливная керамика	49
Сердоликовые и хрустальные бусы	51
Глава II. ЗАПАДНЫЙ ИМПОРТ	53
Янтарь	60
Серебро	63
Цветные металлы	67
Стеклянные изделия (перстни, стеклянная посуда, оконное стекло)	77
Ткани	79
Хрустальные вставки перстней	83
Глава III. БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НОВГОРОДСКОЙ ТОРГОВЛИ	85
Глава IV. ТОРГОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ В НОВГОРОДЕ	103
Торг	103
Купеческие усадьбы (Лубяницкий и Кировский рас- копы)	107
Иноземные дворы (Готский раскоп)	121
Заключение	154
Таблица распределения по ярусам категорий импорта	160
Основная литература	162
Список сокращений	166

Рыбина Елена Александровна

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ НОВГОРОДСКОЙ ТОРГОВЛИ
X—XIV вв.**

Зав. редакцией *Н. М. Сидорова*
Редакторы *Л. И. Савочкина, С. В. Новиков*
Мл. редактор *Е. А. Капустина*
Технический редактор *К. С. Чистякова*
Корректоры: *Л. А. Айдарбекова, С. Ф. Будаева*

Тематический план 1978 г. № 49
ИБ № 449

Сдано в набор 20.07.77.
Подписано к печати 14.08.78.
Л-78393. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1.
Гарнитура литературная. Высокая печать
Физ. печ. л. 5,25. Усл. печ. л. 8,82. Уч.-изд. л. 8,98.
Заказ 189. Тираж 2870 экз. Цена 95 коп.
Изд. № 3074.

Издательство Московского университета.
Москва, К-9, ул. Герцена, 5/7
Набрано в типографии изд-ва МГУ.
Москва, Ленинские горы.
Отпечатано в типографии изд-ва «Советское
радио»
Москва, Главпочтамт, а/я 693. Зак. 1209